

Серия «Евровосток»

Михаил Волхонский
Вадим Муханов

ПО СЛЕДАМ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Москва
Издательство «Европа»
2007

УДК 93/94
ББК (Т)63.3
В81

Серия «Евровосток»
Серия основана в 2005 году в Москве

Михаил Волхонский, Вадим Муханов

В81 По следам Азербайджанской Демократической Республики. —
М.: Изд-во «Европа», 2007. — 256 с. — (Евровосток)

Наше знание текущих процессов в Закавказье неглубоко, а не столь уж давнее прошлое новых независимых государств вообще неизвестно. Однако необходимо понимать, на каком историческом фундаменте грузинские, армянские и азербайджанские историки выстраивают сейчас образ прошлого, с энтузиазмом выполняя политический заказ. Вместо объективного исследования в бывших советских республиках доминирует процесс создания новых исторических мифов. Ведущим предметом мифотворчества является процесс образования независимых государств после распада Российской империи. В книге представлен очерк истории первых попыток сформировать азербайджанскую государственность и связать тюркское самосознание с азербайджанской идентичностью. Опираясь на твердо установленные факты, авторы доказывают, что все эти попытки оказались тщетными в том силовом поле, что было сформировано интересами Турции, Англии, Советской России и идеализмом президента США Вильсона.

Our knowledge of the current processes in Transcaucasia is shallow while the recent past of the new independent states is altogether unknown. Yet it is necessary to understand the nature of the historical foundations that the Georgian, Armenian and Azerbaijani historians are building their image of the past upon when they are eagerly serving their political order. In stead of an objective research what we are witnessing in the former soviet republics is predominantly the process of creation of political myths. The main object of the myth-creation is the process of formation of the independent states after the fallout of the Russian Empire. The book presents an outline of the first attempts to formulate the Azerbaijani statehood and to attach the Turk self-consciousness to the Azerbaijani identity. Basing upon firmly established facts the authors are proving that all these attempts were futile within that power area which was formed by the interests of Turkey, Britain, the Soviet Russia and the idealism of the US president Wilson.

УДК 93/94
ББК (Т)63.3

ISBN 978-5-9739-0114-1

© Издательство «Европа», 2007

ВВЕДЕНИЕ

После распада Советского Союза образовалось множество новых независимых государств, каждое из которых имеет свою давнюю историю взаимоотношений с бывшей метрополией, насыщенную весьма драматическими коллизиями. Не является здесь исключением и современный Азербайджан, ведущий отчет своей государственности с момента образования Азербайджанской Демократической Республики в 1918 году.

Территория этой страны находилась на землях бывших мусульманских ханств, присоединенных к России в первой трети XIX века в ходе двух русско-турецких и русско-персидских войн (1806–1812, 1828–1829; 1804–1813, 1826–1828). По условиям Туркманчайского (1828) и Адрианопольского (1829) мирных договоров территория Закавказья признавалась за Россией. В течение 1804–1806 годов под контроль России попали Гянджинское, Шекинское, Карабахское, Кюринское, Кубинское, Ширванское и Бакинское ханства. По Гюлистанскому миру 1813 года, завоеванному для России штыками солдат генерала Петра Котляревского, к империи отошло и Талышское ханство с центром в Ленкорани. В рамках первоначального территориального разделения бывшие феодальные образования были преобразованы в провинции и округа. Появились Бакин-

ская, Кубинская, Шекинская, Ширванская, Карабахская и Талышская провинции, Елизаветопольский (бывшее Гянджинское ханство) и Джаро-Белоканский округа, а также две дистанции — Казахская и Шамшадильская. Четко и ясно определил результат вхождения этих территорий в состав Российской империи известный общественный деятель XIX столетия Мирза Фатали Ахундов: «...Благодаря покровительству русского государства мы избавились от имевших место в прошлом бесконечных нашествий и грабежей захватнических полчищ и обрели наконец покой».

В тот период названия «Азербайджан», объединявшего бывшие мусульманские ханства в составе Российской империи, не существовало. На карте существовал только Южный Азербайджан — одна из провинций Ирана. Понятно, что говорить о каком-то компактном проживании мусульманского населения в рамках одного или двух государственных образований в тот период не стоит. Впервые такое образование появилось в границах одной территориальной единицы в результате российской административной реформы на Кавказе, прошедшей в 1840-е годы — в ходе первичного территориально-административного разделения Закавказского края на карте возникла Шемахинская губерния, впоследствии переименованная в Бакинскую. Именно она стала колыбелью азербайджанского национального движения и базовой территорией Азербайджанской Демократической Республики в начале XX века.

Бакинская губерния образовалась в 1859 году после перевода губернского центра из сейсмически неустойчивой Шемахи в Баку. Как справедливо отмечается в советском академическом издании «История Азербайджана», «превращение Баку в губернский город сыграло немалую роль в его дальнейшем росте». Действительно, это решение кавказского наместника князя А.И. Барятинского оказалось судьбоносным как для Баку, так и для всего Азербайджана в целом. Именно

с этого времени можно вести отчет начала единения мусульманского населения Закавказья. Напомним, что в имперский период разделения по национальному признаку не существовало, имелись только конфессиональные различия, в силу которых можно говорить о преобладании мусульманского или татарского, как его часто называли тогда, населения в губернии. Оно стало постепенно идентифицировать себя азербайджанской нацией, ставшей титульной в XX столетии.

Заметный в последнее время интерес к событиям революции и Гражданской войны в России и начавшаяся их переоценка объясняются повышенным спросом населения на хорошие исторические параллели. И как раз события 1990-х годов на Южном Кавказе, связанные с превращением советских республик — Азербайджана, Армении и Грузии — в суверенные государства, невольно вызывают воспоминания о событиях 1917–1921 годов. Это тем более актуально, что подобные аналогии стали излюбленной темой рассуждений современных политических лидеров государств Южного Кавказа, утверждающих, что именно в тот период были заложены основы современной государственности их стран, а также получен «бесценный» опыт построения европейской демократии. Среди прочих приводится пример Азербайджанской Демократической Республики, просуществовавшей чуть менее двух лет — а точнее, 23 месяца.

Следует подчеркнуть, что развал СССР привел к исчезновению не только геополитического, но и когда-то единого интеллектуального пространства историков, занимавшихся исследованием исторических судеб народов, населявших советскую империю. В получивших только что независимость республиках бывшего Союза историки и политологи тут же получили целенаправленный заказ со стороны правящих элит на историческое обоснование приобретенного суверенитета и государственности, а также на разоблачение «фальсификаций» советской науки.

Безусловно, поводов для пересмотра многих положений и трактовок истории народов СССР предостаточно, но стоит отметить тот факт, что вместо объективного исследования спорных вопросов в бывших советских республиках получил преобладание процесс создания новых исторических мифов. Естественно, одним из главных объектов мифотворчества стала тема образования независимых государств после распада Российской империи. Это вполне понятно, если учесть, что именно небольшой период с 1917 по 1922 год стал для большинства государств на пространстве СНГ точкой отсчета истории их государственности. Не обошли своим вниманием эту тему азербайджанские политическая и интеллектуальная элиты.

В современных работах кавказских исследователей Азербайджанская Республика 1918 – 1920 годов изображается как молодое, но уже сильное и вполне независимое государство. На страницах новейших исследований перед читателем разворачивается история закономерного процесса строительства азербайджанской государственности, являющегося логическим результатом объективного процесса исторического развития и ожидаемым итогом борьбы партии «Мусават» и азербайджанского народа за национальный суверенитет.

Однако даже поверхностное знакомство с политической ситуацией в Закавказье того времени заставляет поставить под сомнение некоторые выводы азербайджанских исследователей. Сложным является вопрос об уровне развития, идеологическом багаже, агитационных и мобилизационных возможностях национального движения закавказских мусульман накануне Февральской революции. Важно также понять, насколько требования, выдвинутые лидерами этого движения в ходе революции 1917 года, соответствовали их реальным возможностям. Такого же рода вопросы можно адресовать и к периоду 1918–1920 годов.

Насколько вообще можно говорить о существовании в это время независимого суверенного государства под названием «Азербайджанская Республика»? Ведь в границах распавшейся Российской империи в этот период рождались и гибли многие эфемерные государственные образования. Почти все они были плодом усилий определенных внутренних и внешних сил, преследовавших свои политические цели в кровавом хаосе русской смуты. Общеизвестно, что в период с 1917 по 1920 год Закавказье стало ареной борьбы таких крупных международных игроков, как Германия, Турция, Англия, Франция и США. С учетом этих фактов справедливо задать вопрос: не являлась ли Азербайджанская Республика всего лишь одним из подобных образований, возникшим в результате сложных политических игр и неожиданных комбинаций различного рода социальных и экономических факторов. Насколько население Азербайджана было консолидировано идеей независимого суверенного азербайджанского государства и насколько легитимными были органы власти молодой республики? Можно ли говорить о проведении правительства республики самостоятельной внутренней и внешней политики?

Ответы на эти острые вопросы позволят не только избавиться от создаваемого на наших глазах нового исторического мифа, но и более трезво воспринимать и оценивать современную политическую историю Азербайджана. В данной работе предпринята попытка объективно осветить положение дел на территории Азербайджана в то непростое время, показать место и роль новой республики в системе международных отношений, ее внутривнутриполитические мероприятия, общественно-политическую жизнь и экономическое положение.

Глава первая

В БОРЬБЕ
ЗА АВТОНОМИЮ

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. Процесс формирования национальной идентичности и национального самосознания у народов Российской империи, по общему мнению исследователей, тесно связан с начавшимися в 1860-е годы Великими реформами. Вызванные реформами процессы индустриализации, урбанизации, развитие системы образования и распространение печати постепенно начали охватывать окраины империи. Их прямым следствием стали существенные изменения в социальной структуре и образе жизни нерусского населения, что создавало необходимые предпосылки для формирования национальных движений. Постепенное изменение в течение 60-х — 80-х годов XIX столетия курса правительственной политики в отношении национальных окраин, бесспорно, оказалось дополнительным фактором, подстегнувшим развитие движений такого рода. Начавшаяся административно-правовая интеграция и языково-культурная унификация окраин подвергала испытанию традиционный образ жизни и самосознание как элиты, так и широких слоев нерусского населения.

В целом развитие национальных движений в пределах Российской империи неплохо укладывается в периодизацию эволюции подобных движений, разработанную чеш-

ским историком Мирославом Хрохом. В фазе пробуждения у небольшой группы местной интеллигенции возникает интерес к языку, истории, фольклору своего народа, в фазе агитации нацсознание распространяется в широких слоях этого этноса, а в фазе массового движения народ охватывает идея национального единства и он мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость [1]. При наложении такой периодизации на процесс становления аналогичных движений в России замечается асинхронность смены фаз, что объясняется особенностями социально-политического, экономического и культурного развития.

Так, по мнению отечественного социолога Б.Н. Миронова, грузины как «старая нация» не нуждались в культурном пробуждении, поэтому в агитационную фазу они вступили сразу после периода Великих реформ. Армяне этап культурного возрождения прошли еще в XVIII веке, а в агитационную фазу вступили в конце XIX столетия. Что касается азербайджанцев, то культурную фазу они переживали в XIX веке, и только к 1905 году вошли в агитационную. При этом, как отмечает Миронов, в стадию политической мобилизации все три народа вступили одновременно в начале XX века, однако к этому времени азербайджанской интеллигенции не удалось полностью решить задачи культурного и агитационного периода. Поэтому в период обеих русских революций им пришлось действовать в ускоренном режиме: одновременно решать задачи по формированию национальной идеи, проведению агитации и политической мобилизации широких слоев населения.

ПАССИВНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ И РАБОЧЕГО КЛАССА. По выражению немецкого исследователя Йорга Баберовски, «местом рождения нации является город» [2]. Для азербайджанской нации таким мес-

том, бесспорно, является Баку, превратившийся в последней трети XIX века в крупнейший экономический центр Закавказья с мультиэтничным населением. Именно тогда к северу от этого города возникает гигантский нефтедобывающий район с сотнями буровых скважин и вышек. Бурное экономическое развитие Бакинской и Елисаветпольской губерний привело к значительным изменениям в социальной структуре местного мусульманского (называемого чаще татарским) населения, в первую очередь к возникновению буржуазии и пролетариата.

Несмотря на изначально благоприятные условия рождения, отраслевые позиции татарской буржуазии оказались довольно слабыми, что объяснялось острой конкуренцией со стороны русского, армянского и зарубежного капитала. Наиболее напряженный характер носила конкурентная борьба между мусульманской и армянской буржуазией. Начавший формироваться значительно ранее, обладавший большим экономическим и политическим весом, армянский капитал стал доминировать во многих отраслях промышленности Закавказья. И все же отдельным мусульманским предпринимателям удалось разбогатеть и добиться значительного влияния: яркий пример — судьба крупного кавказского нефтепромышленника Г.З. Тагиева.

Вне экономической сферы влияние мусульманской буржуазии, по оценке Баберовски, оказалось также незначительным, что являлось следствием правительственной политики в сфере местного самоуправления. Введение представительной системы городского управления в 1878 году создало ситуацию жесткой межэтнической конкуренции. От преобладания в Городской думе представителей той или иной этнической группы зависел исход борьбы за раздел финансовых и прочих ресурсов. Однако правительство ограничило количество депутатов-нехристиан квотой в одну треть гласных думы. В 1892 году этот уро-

вень был снижен до одной пятой, что привело к преобладанию армян в думах городов Баку, Елисаветполя и Шуши. Бросающееся в глаза несоответствие между численным преобладанием мусульман и ничтожностью их влияния в органах местного самоуправления усугубляло у татарской элиты чувство изолированности и враждебности к армянской общине.

Быстрое развитие промышленности в Бакинской губернии способствовало также формированию рабочего класса. Основная часть наемных рабочих рекрутировалась из представителей местного мусульманского сельского населения и отходников из Южного Азербайджана, которые в основном выполняли низкооплачиваемую и неквалифицированную работу. Пополнение рядов бакинского пролетариата шло и за счет русских и армянских отходников, претендовавших на более высокооплачиваемую работу. Этническая раздробленность рабочего класса приобретала черты социальной дифференциации и создавала основу для возникновения межэтнических столкновений. К примеру, в 1907 году на неквалифицированных рабочих местах в добывающей промышленности было занято более 70% мусульман, тогда как доля русских и армян в этой категории составляла соответственно 10 и 16%. Как отмечает Й. Баберовски, армянские рабочие стояли во главе пролетарской иерархии. Они чаще, чем представители других этнических групп, владели высококвалифицированными профессиями в нефтеперерабатывающей и машиностроительной индустрии и часто занимали должности инженеров или десятников [3]. Неудивительно, что в случаях, когда русским армянам и мусульманам приходилось контактировать друг с другом во время производственного процесса, возникали конфликты.

Характерно, что, несмотря на активность различных социалистических партий в среде местного пролетариата,

рабочие-мусульмане отличались аполитичностью, в большинстве случаев они не только отказывались от участия в революционном движении, но даже проявляли враждебность к зачинщикам забастовок. Например, в появившейся в Баку в 1904 году прокламации, обращенной к рабочим всех национальностей от имени «Мусульманского общества», заявлялось, что «мусульмане не желают принимать участия ни в каких антиправительственных демонстрациях и в случае, если их к тому будут принуждать силою, то они открыто станут на сторону правительства» [4].

По мнению немецкого историка, это было связано с тем, что рабочие-мусульмане не имели прочной связи с окружающей их в городе социальной средой. Этим людям в большинстве своем приковывало к месту работы лишь получаемое ими жалованье, а участие в стачках грозило его потерей. По этой причине рабочие-мусульмане практически не принимали участия в стачках и демонстрациях [5].

Кроме того, различия в образе жизни, культуре, религии, системах мировосприятия разобщали рабочих разных национальностей. Агитаторы социалистических партий видели в приверженности рабочих-мусульман исламской традиции выражение отсталости и варварства. В результате стремление социалистов увязать борьбу за права рабочих с походом против мнимой отсталости ислама приводили только к отдалению рабочих данной конфессии от социализма. Большую роль в изоляции рабочих-мусульман от социалистического движения играли патриархальные традиции деревни, система патронажа. В чужом городе они не находили для себя никакой опоры. Только представители мусульманской интеллигенции и буржуазии могли оказать им поддержку и дать жизненные ориентиры. Их объединяли общее исламское мировоззрение и обостренное чувство обособленности, усугублявшееся пренебрежением со стороны представителей других конфессий.

АКТИВНОСТЬ МЕСТНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Пассивность буржуазии и рабочих в общественно-политической жизни компенсировалась активностью местной интеллигенции, которая заняла особое место в изменяющемся социуме закавказских мусульман. Татарская интеллигенция, как справедливо заметил Свентоховский, являлась продуктом контакта двух цивилизаций — европейской, представленной Российской империей, и традиционной исламской [6]. Попытка совместить мусульманские ценности с европейскими идеями просвещения и национализма привела к кризису старой идентичности и настойчивым поискам своего, особого, места.

Мусульманская интеллигенция, по мнению немецкой исследовательницы М. Аух, смогла нащупать несколько возможных вариантов самоутверждения. По-прежнему сохраняла свою актуальность иранская (шиитская) традиция. Другой альтернативой являлось обращение к тюркскому языковому и этническому наследию. В данном случае культурным ориентиром должна была служить Турция с ее опытом европейской модернизации. Третья возможность виделась в акцентировании собственного местного тюркского — азербайджанского — своеобразия [7]. Осознание этих альтернатив и возможностей, которые они открывали, заняло всю вторую половину XIX века.

Первое поколение интеллигенции, ярким представителем которого был Мирза Фатали Ахунзаде, находилось под явным влиянием иранской культуры. Второе же поколение, сформировавшееся в 1870-е годы, все чаще стало обращаться к традициям тюркской культуры. В 1875 году учитель бакинской гимназии Гасан-бек Зардаби начал издавать в Баку газету «Экинчи» («Пахарь») — первый тюркоязычный печатный орган в России. На страницах газеты он проповедовал антиклерикальные идеи европейского просвещения. Его деятельность фактически означала начало артикуляри-

зации тюркской идентичности интеллигенции. Однако местные литераторы, избравшие своим языком персидский, враждебно встретили попытки Зардаби использовать тюркский «непечатный язык простого люда». Особенно яростной критике подвергалась его идея об идентификации местного тюркского с османским языком.

На идейные поиски мусульманской интеллигенции большое влияние оказали труды уроженца Ирана писателя Гаджи Сайида аль-Афгани, предложившего совместить ислам с некоторыми достижениями европейской цивилизации. По мнению аль-Афгани, людей связывает в нацию два фактора — единство языка и религии. Базируясь на этих идеях, Исмаил Гаспринский, основатель пантюркистского движения в России, в своей газете «Терджюман» («Переводчик»), выходящей с 1883 года в Бахчисарае, проповедовал духовное, языковое и культурное единение всех тюркских народов в рамках единой империи.

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. Подъем пантюркизма обострил процесс поиска национальной идентичности среди мусульманской интеллигенции Закавказья. В 1891 году в газете «Кешкюль» было опубликовано фиктивное интервью с неким южнокавказским мусульманином. В нем четко проводилось различие между понятиями местной религиозной общины и национальностью, все еще обозначавшимися единым словом «миллет». Развивая свою мысль, редакция газеты предлагала ввести термин **«азербайджанские тюрки»** для обозначения тюркомусульман, живущих по обе стороны ирано-российской границы. Таким образом была сделана первая попытка связать тюркское самосознание с местной азербайджанской идентичностью.

Революция 1905–1907 годов дала первый политический опыт местной буржуазии и интеллигенции в виде участия

в общероссийском освободительном движении. Ядром азербайджанского либерализма стали представители мусульман в Бакинской думе, которые свои позиции озвучивали на страницах газеты «Каспий» (редактор — один из будущих лидеров Азербайджанской Демократической Республики Али Марданбек Топчибашев). Местные либералы активно участвовали в деятельности всероссийского мусульманского движения, в первый раз выдвинув требования гражданского и религиозного равноправия, а также культурной автономии для закавказских мусульман.

Другого рода опыт — мобилизация широких слоев мусульман Закавказья — получен в период развернувшегося в то время острого этнического конфликта армянской и мусульманской общин Закавказья. «Вообще, армяно-татарские столкновения сыграли весьма крупное значение в развитии среди Закавказских мусульман общественного движения, — говорилось в секретном докладе канцелярии наместника на Кавказе. — Печальные события 1904—1905 годов послужили тем решительным толчком, который заставил инертные до того мусульманские массы зашевелиться, предпринять шаги к объединению мусульман против других народностей края и, наконец, формулировать, через посредство своей интеллигенции, в виде более или менее определенной политической программы пожелания мусульманского населения Закавказского края» [8].

ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ. На почве армяно-татарских столкновений появились и первые политические партии мусульман Закавказья. В середине 1906 года в Баку образовалась партия «Дифай» («Оборона»), которую возглавили Ахмед-бек Агаев, Мамед Гасан Гаджинский и другие. Главной целью партии стала защита мусульманского населения от армянских боевиков и произвола местной администрации путем террора. В то

же время в Елисаветполе возникла организация социалистов-революционеров националистического толка «Гей-рат» («Честь»), во главе которой стояли Насиб-бек Усуббеков и Алекпер-бек Рафибеков. Программа партии предусматривала отделение Кавказа от России на федеративной основе и образование автономий в районах, где преобладает мусульманское население. В 1907 году в Тифлисе возникла партия «Мудафие», которая придерживалась программы «Дифаи».

Большое влияние на развитие национального движения азербайджанских тюрок оказала младотурецкая революция 1908 года. В новых условиях пантюркизм из аморфного культурного движения стал превращаться в политически организованное движение. В декабре 1908 года в Стамбуле появилась организация для пропаганды тюркизма (культурно-академический «Тюркский кружок»). Ее председателем и главным теоретиком пантюркизма стал Зия Гекалп, выдвинувший идею «великого Турана», в рамках которого под эгидой Турции должны объединиться все тюркские народы. В состав «Тюркского кружка» вошли и эмигрировавшие из России азербайджанские тюрки — Ахмед-бек Агаев, Али-бек Гусейнзаде, Юсиф Акчурин, Мамед Эмин Расул-заде, которые быстро оказались под глубоким влиянием этой идеологии. По возвращении домой они принесли с собой четко оформленные идеи пантюркизма, превратившегося после 1908 года в основное направление политической мысли закавказских мусульман. Среди вернувшихся был и Расул-заде, который воспользовался объявленной в 1913 году царским правительством амнистией. Оказавшись в Баку, он сразу же присоединился к образовавшейся в 1911 году партии панисламистской направленности «Мусават». Между тем в своих статьях он четко разграничивал понятия «умма» (религиозная общность) и «миллет» (нация). С его точки зрения, нацией

можно называть человеческую общность, объединенную языком, религией, литературой и историей; при этом религия играет подчиненную роль.

В это время на страницах закавказской прессы шла ожесточенная полемика по вопросу литературного азербайджанского языка. Вся интеллигенция разделилась на два лагеря: «османчилар» — сторонников османского языка как единственного выразителя тюркского культурного наследия и «азеричилар» — сторонников местного азербайджанского языка, понятного широкой читательской массе. Расул-заде предложил компромисс, заключавшийся в создании нового очищенного турецкого языка, состоящего исключительно из тюркских слов. Но вопрос был не в языке, речь шла о соперничестве в сознании местной интеллигенции двух национально-культурных и политических проектов — турецкого (огузского) и местного азербайджанского. Помимо этого в этой же интеллектуальной среде существовало понимание единства культуры и истории тюркских народов в границах Российской империи, что являлось основой для еще одного проекта.

Таким образом, накануне Первой мировой войны поиски национальной идеи закавказских тюрок не были завершены. Более того, надо констатировать, что они пока затрагивали только узкую прослойку местной буржуазии и интеллигенции. Широкие слои мусульманского населения, всколыхнувшиеся в период первой революции, снова пришли в инертное состояние и не проявляли никакой политической активности.

ЗИМА И ВЕСНА 1917 ГОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАН ЗАКАВКАЗЬЯ

Февральская революция сразу дала новый толчок развитию национальных движений на территории бывшей Российской империи. С особым восторгом встретили мусульмане первые постановления Временного правительства, где обещалась свобода слова и собраний, отмена сословных и религиозных ограничений. Координирующим центром политической активности мусульманского населения страны стала мусульманская фракция Государственной думы. По ее инициативе 20 марта 1917 года был организован митинг петроградских мусульман, которым руководил депутат от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний М.-Ю. Джафаров. На следующий день в особой записке фракция предложила правительству направить во все ведомства, деятельность которых связана с мусульманским населением, а также в регионы, где мусульмане составляют большинство населения, лиц, хорошо знакомых с условиями их жизни. Предложение было принято, и уже 22 марта при формировании Особого закавказского комитета (ОЗАКОМа) в число комиссаров был включен М.-Ю. Джафаров.

Высокая степень общественно-политической консолидации российских мусульман, проявившаяся в первые месяцы революции, объясняется их четким осознанием себя

как единой религиозной общины с общими проблемами и нуждами. В то же время различия в культуре в социально-экономических и политических условиях жизни мусульман различных регионов рухнувшей империи неизбежно вели к разногласиям в понимании задач оформившегося общероссийского движения. Эти разногласия особенно остро проявятся в мае 1917 года на 1-м Всероссийском мусульманском съезде при обсуждении вопроса о форме государственного устройства бывшей империи.

На Кавказе сообщение об отречении Николая II первым получил тогдашний наместник великий князь Николай Николаевич, попытавшийся сохранить прежний административный порядок в крае. Однако уже 16 марта состоялось собрание представителей районов и отдельных предприятий Тифлиса под председательством Ноя Жордания, на котором было решено образовать Тифлисский Совет рабочих депутатов. Образованный по его инициативе Временный исполнительный комитет обратился в правительство с просьбой «незамедлительно командировать на Кавказ одного или нескольких комиссаров из числа видных общественных деятелей». Вскоре из Петрограда была получена телеграмма с сообщением о создании 22 марта Временным правительством Особого закавказского комитета, который уже выехал в Тифлис. В его состав вошли члены Государственной думы В.А. Харламов (председатель), М.И. Пападжанов, М.Ю. Джафаров, князь К. Абашидзе и П.Н. Переверзев, что вызвало недовольство со стороны Тифлисского Совета [9]. Последний настоял на включении в состав своего представителя, в результате чего там вместо Переверзева появился меньшевик А. Чхенкели, что значительно укрепило позиции Совета рабочих депутатов в Закавказье.

Довольно решительный характер события приняли в Баку. Узнав 15 марта о революции, рабочие на следующий

день объявили всеобщую «приветственную» забастовку. На большом митинге, состоявшемся во дворе городской управы, было решено послать приветственную телеграмму в адрес Временного комитета Государственной думы. В ночь на 18 марта был создан новый орган власти из представителей общественных организаций — Бакинский временный исполнительный комитет, в состав которого вошли представители городского самоуправления, Совета рабочих депутатов, кооперативов, профсоюзов, продовольственного совещания. Одновременно с его организацией возник и Совет рабочих депутатов, председателем которого был избран известный революционер Степан Шаумян. Организацию новой власти в уездах взял на себя Бакинский совет сельского хозяйства.

Прибыв 30 марта в Тифлис, члены Особого закавказского комитета поспешили выпустить воззвание к населению с изложением программы деятельности. В ближайшем будущем ОЗАКОМ намеревался обеспечить осуществление свободы совести, привлечь к управлению местные общественные силы, ввести выборный мировой суд и так далее. В воззвании особенно подчеркивалось, что «вопросы, имеющие общегосударственное значение, как-то: национальный, церковный, аграрный и рабочий — могут получить окончательное разрешение лишь в Учредительном собрании» [10].

Первые мероприятия ОЗАКОМа были поддержаны резолюциями двух краевых съездов [11]. В них делегаты высказались за проведение политики коалиций и соглашений, которая позволит объединить все политические силы края для достижения главной цели — создания демократической республики. Окончательное решение таких важных вопросов, как рабочий и национальный, оба съезда оставляли за Учредительным собранием. Таким образом, к концу мая 1917 года ясно определился характер краевой вла-

сти. Она оказалась достаточно независимой от Петрограда и в то же время зависимой от местных политических сил. Отсюда ее стремление к компромиссам и соглашениям, особенно при решении таких острых вопросов, как национальный, рабочий и аграрный. Это создавало условия для широкой деятельности как социалистических, так и национальных партий и организаций.

В первые дни после революции организации закавказских мусульман находились в инертном состоянии, не предпринимая никаких действий. Не удивительно, что в появившихся структурах новой власти они были представлены минимально. Только получив обнадеживающие известия из Петрограда, от членов своей думской фракции, 22 марта руководители различных бакинских мусульманских обществ организовали торжественный раут, на котором был решен вопрос о приветственной телеграмме Временному правительству. Следующим шагом стала организация единого политического центра тюрок-мусульман Закавказья, вопрос о котором обсуждался на собраниях представителей мусульманской интеллигенции. На втором из них, прошедшем 9 апреля под председательством Хойского, было избрано Национальное бюро Временного комитета Совета бакинских мусульманских общественных организаций. В его исполнительный комитет вошли А. Топчибашев и Ф. Хойский, их заместителями стали Н. Нариманов и А. Амирджанов.

В это же время в Гяндже 15 апреля состоялся учредительный съезд Тюркской партии федералистов. На многочисленном митинге, проходившем под лозунгами «Да здравствует демократическая республика!» и «Да здравствует автономия Азербайджана!», была зачитана политическая программа партии, основные идеи которой были заимствованы ее основателем Насиб бек Усуббековым из аналогичного документа турецкой партии федералистов. Руководству-

ясь национально-демократическими принципами, партия ставила своей политической задачей осуществление: «а) демократической республики на национально-территориально-федеративных началах, вообще, в России, и в частности: б) территориальной автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии, а также: в) национальной автономии поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей». Автономные единицы должны были получить полную независимость в своих внутренних делах (административных, финансово-хозяйственных, культурных и в судопроизводстве). В юрисдикции федеральных властей оставались лишь вопросы обороны, внешней политики, денежной системы и таможни» [12].

В отличие от Тюркской партии федералистов Бакинский комитет не спешил с обнародованием политической программы до созыва общемусульманского закавказского съезда. Для него гораздо важнее было заявить о себе как о политическом центре мусульман Закавказья. В воззвании от 19 апреля говорилось: «В целях ознакомления широких мусульманских масс с исторической важностью переживаемого момента, объединения всех мусульманских общественных сил, путем создания соответствующих организаций, для выяснения и популяризации национально-политических идеалов, образовался Совет мусульманских общественных организаций, который избрал из своей среды временный Комитет, именуемый «Комитетом Бакинских мусульманских Общественных Организаций...» [13]. В целом апрель 1917 года оказался ключевым в процессе политического оформления мусульманского национального движения в Закавказье.

ПЕРВЫЙ ОБЩЕКАВКАЗСКИЙ СЪЕЗД МУСУЛЬМАН.

На этот съезд, открывшийся в Баку 28 апреля, съехалось около 300 делегатов — представителей мусульман Азербай-

джана, Грузии и Армении. В центре общего внимания оказался вопрос о будущем политического устройства России. На съезде блистал своим красноречием и приобретенным в период эмиграции в Турции знанием политических формул тюркского национализма М.Э. Расул-заде, потребовавший предоставления национальным группам России права свободного самоопределения. Обособленные таким путем отдельные народы России, по мнению Расул-заде, образовали бы затем государственный союз, основанный на принципе национально-территориальной автономии.

Его главными оппонентами выступили сторонники панисламистского движения и социалисты. Первые утверждали, что идея национально-территориальной автономии только разобщает мусульманские народы, социалисты же говорили о расколе революционного движения. Съезд после длительного обсуждения постановил признать, что «формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на федеративных началах. Съезд также признал необходимым «создание одного центрального обще-мусульманского органа для всей России с законодательными функциями» [14].

Серьезное внимание было обращено на вопрос о народном образовании. По докладу Э. Эфенди-заде была принята резолюция «О необходимости всеобщего, обязательного и бесплатного обучения на тюркском языке». Осознавая важность открытия новых учебных заведений в деле формирования национального самосознания, делегаты постановили учредить специальный фонд для финансирования этого направления. Первое пожертвование в фонд в размере 50 тыс. рублей сделал Г.З. Тагиев. В заключительный день съезда было принято постановление об организации мусульманских национальных комитетов на Кавказе и создании двух временных центральных бюро для Северного

Кавказа и Закавказья. Для ведения дел всего Кавказа в Тифлисе предполагалось создать особый орган, состав которого избирался из представителей двух временных бюро.

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД. Только в Баку завершил свою работу Первый общекавказский съезд, как в Москве 1 мая открылся Всероссийский мусульманский съезд. Среди множества намеченных к рассмотрению задач первым по своей значимости стоял вопрос о форме государственного устройства России, обсуждение которого тут же раскололо всех делегатов на два лагеря. Одна часть выступала за создание федерации с национально-территориальными автономиями, другая — за унитарное государство с широким областным самоуправлением и принципом национально-культурной автономии.

Идею федеративного государства активно отстаивал Мамед Эмин Расул-заде. В лучших традициях «Тюркского кружка» в Стамбуле он блестяще представил делегатам съезда апологию местного тюркского национализма. Начав с общего вопроса — что такое нация? — он сначала последовательно отделил понятие нации от религии (ислама). «Вопрос, который нужно задать, таков: что есть нация? Я уверен, что наиболее важные черты нации состоят из языковых и исторических связей, из общности обычаев и традиций. Иногда можно услышать, что Ислам является олицетворением нации, поскольку, если тюрко-татарина спрашивают о его национальности, он отвечает: я мусульманин. Но это ошибочная точка зрения... Не существует христианской национальности и точно так же не существует и исламской национальности. В этом большом мусульманском доме должны иметься отдельные комнаты для тюрков и арабов». Далее он отделил понятие «единой тюркской нации» от реально существующих самобытных тюркских народов: «Тюрко-татарские нации имеют общие

корни. Вместе с тем, неопровержим и тот факт, что они говорят на отдельных диалектах и отличаются своими особенностями. У поволжских татар сегодня имеется собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов не согласится отказаться от своей сущности. Азербайджанские тюрки также не откажутся от своего языка, литературы и обычаев». Эта речь вызвала большой отклик со стороны делегатов других национальных окраин, что и предопределило итоговое решение съезда.

Наконец 7 мая, в конце шестого заседания, съезд большинством в 446 голосов против 271 постановил «признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются культурной автономией». В последний день работы, 11 мая, съезд сформировал Всероссийский мусульманский совет из 30 человек, выбравших свой исполком (ИК ВМС, или Икомус) в составе 12 человек с пребыванием в Петрограде.

В РЯДАХ ВСЕРОССИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЛЕТОМ 1917 ГОДА

ИДЕЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕДИНОВЕРЦЕВ. Несмотря на то, что на московском съезде делегаты из Закавказья скептически восприняли идею создания Всероссийского мусульманского совета, 13 июня Комитет бакинских мусульманских общественных организаций решил направить туда своих делегатов. В итоге от региона в совет попали Ф. Хойский, в Икомус — А. Шейхульисламов и М. Векилов. Напомним, что съезд предоставил Всероссийскому мусульманскому совету и его исполкому всю полноту национального представительства и руководства политической жизнью мусульман России. Поэтому желательно было иметь своих представителей в этой структуре, чтобы быть в курсе всех событий в центре и получить возможность влияния на них. Главной задачей совета стало привлечение внимания правительства к нуждам и требованиям российских мусульман. С этой целью его представители направлялись в Особое совещание по подготовке выборов в Учредительное собрание, в комиссию по духовным делам при Департаменте духовных дел, в Государственный комитет по народному образованию.

Для закавказских мусульман наиболее важным оказалась работа в Комиссии по выборам на окраинах Особого совещания. Вмешательство Векилова, Хойского и Шей-

хульисламава позволило отклонить проект профессора Петроградского университета Н.Г. Адонца о разделе всего Закавказья на три избирательных округа — грузинский, армянский и мусульманский. По этому проекту закавказские мусульмане делились на три части, из которых только одна образовывала самостоятельный мусульманский округ, а две другие входили в грузинский и армянский. Проект, расплывавший мусульман Закавказья, не мог устроить лидеров Комитета бакинских мусульманских общественных организаций, поэтому они настояли на создании единого Закавказского избирательного округа, в рамках которого гораздо легче можно было влиять на умонастроения всего мусульманского населения.

Во время работы в Особом совещании у кавказских мусульман появились первые признаки разочарования от сотрудничества с Временным правительством. В частности, Хойский выразил сомнение в том, что Учредительное собрание сможет обеспечить все права мусульман страны. Пессимизм будущего руководителя Азербайджанской Республики был связан не столько с заседаниями Особого совещания, сколько с общей политической ситуацией. Как раз в июне разворачивался конфликт Временного правительства с Центральной радой, требовавшей введения национально-территориальной автономии. Однако Юридическое совещание при правительстве 3 июня дало отрицательное заключение на идею автономии, высказавшись в пользу «культурно-национального самоопределения». В ответ 10 июня Рада издала первый универсал, провозглашавший автономию Украины.

В этой ситуации серьезные опасения депутатам с национальных окраин внушал вопрос о направлении деятельности самого Всероссийского мусульманского совета. На заседании совета 28 июня представитель Северного Кавказа Джабагиев в пылу полемики открыто заявил: «Мы, гор-

цы Северного Кавказа, признаем только чистых националистов. Основное стремление наше — федеративная республика... Нас больше интересуют вопросы национальные, вопросы же социальные мы решим сами, когда получим федерацию». Его поддержал Хойский, заявивший, что «разрешение национальных политических вопросов» является основной задачей Всероссийского совета» [15]. Таким образом, представители нацокраин стремились подчинить деятельность совета исключительно решению вопросов, связанных с созданием национально-территориальных автономий, но не встречали полного понимания со стороны мусульман внутренних губерний.

Между тем конфликт с Центральной радой привел к выходу 2 июля из Временного правительства кадетов, протестовавших против заключенного с украинцами соглашения. Разразился очередной правительственный кризис. В этих условиях Икомус решил поддержать Временное правительство в обмен на включение в его новый состав мусульман. Интересно, что среди предложенных кандидатур фигурировали два представителя от Баку — С. Ганиев и А. Топчибашев. Но планам Икомуса не дано было осуществиться.

События в Петрограде нашли широкий отклик среди мусульманской элиты Закавказья. «Ошибочно было бы думать, — говорилось в передовице газеты «Ачыг Сёз» от 9 июля, — что народы Кавказа не стремятся к национальному самоопределению. Только работы в этой области отличаются пассивностью, что является продуктом инертного отношения к данному вопросу нашей интеллигенции... Нам, конечно, не приходится брать примеры с Польши или с Украины в смысле самоопределения, но, тем не менее, забота в этом направлении нужна» [16]. Пример Центральной рады казался заманчивым, и вывод напрашивался сам собой — надо усиливать работу в этом же направлении.

Поняв в течение лета 1917 года, что Временное правительство особо не стремится к сотрудничеству с мусульманскими организациями, их руководители стали решать многие важные вопросы явочным порядком. 17 июля в Казани открылся Всероссийский съезд мусульман-военных, главным мероприятием которого стали выборы Всероссийского мусульманского военного совета и Центрального военного шуро. Съезд постановил отправить в Петроград специальную делегацию для разрешения вопроса об образовании отдельных мусульманских частей. В случае отказа было постановлено приступить к созданию частей явочным путем. На съезде был также открыт сбор денежных пожертвований на образование национальных формирований, в частности, представитель Комитета бакинских мусульманских общественных организаций М. Асадуллаев пожертвовал 50 тыс. рублей.

В мусульманском движении России все заметнее становилось расхождение интересов мусульман внутренних губерний и окраин. Представители второй группы открыто заявили, что не смогут участвовать во Втором Всероссийском мусульманском съезде, поскольку для них важнее провести свои национальные собрания и принять решение о национально-территориальных автономиях. Исключением составили делегаты от Закавказья — М. Расул-заде, С. Аджалов, Н. Велиев и Х. Каибов, продемонстрировавшие еще раз заинтересованность в общероссийском мусульманском движении.

На состоявшемся 22 июля в Казани заседании делегаты трех съездов мусульман (мусульманского, военного и съезда мулл) провозгласили национально-культурную автономию мусульман Европейской России и Сибири, что явилось наиболее значительным политическим событием в жизни российских мусульман в 1917 году. По сути, была проведена ревизия решений московского съезда, поскольку

ку на первый план выдвинуто создание национально-культурной, а не национально-территориальной автономии. В то же время съезд решил, что вопрос о форме управления мусульманскими окраинами — Кавказом, Туркестаном, Киргизией, Крымом — должен решаться самостоятельно их населением. Оценивая деятельность мусульманских лидеров на этих окраинах, глава Всероссийского мусульманского совета Цаликов язвительно заметил: «Среди нас могут быть племенные сепаратисты киргизские, сартские, туркменские и башкирские и т. п... Конечно, понятна внутренняя сущность деятелей этих племенных и окраинных сепаратистов. Бессильные работать на общей почве, они ищут приходского главенства — это Робеспьеры Чебоксар и Тетюшей... Вред, который приносит общему делу бесчестолюбия этих лиц, неисчислимы, но нужно думать, что здоровый инстинкт народных масс направит их работу по руслу единения мусульманской демократии. Иначе гибель и позор мусульманам России!» [17].

Но всероссийскому мусульманскому движению выпал еще один шанс продемонстрировать единство и попробовать добиться от правительства выполнения своих требований. В условиях нарастания социально-политической нестабильности Временное правительство решило созвать 31 июля в Москве Государственное совещание для наведения в стране порядка. На августовское совещание прибыли 34 представителя от мусульманских организаций, в том числе и от Комитета бакинских мусульманских общественных организаций.

Несколько ранее, 2 августа, из Казани в Петроград выехала специальная делегация с целью добиться встречи с Керенским и передать ему три докладных записки о формировании мусульманских войсковых частей, а также о тяжелом положении мусульман Туркестана и Кавказа. Делегацию принял заместитель премьер-министра Н.В. Некра-

сов, который попросил подождать до конца созванного совещания. Делегация в очередной раз ушла разочарованной. Тем не менее выступивший на совещании от имени всех мусульман Топчибашев заявил о поддержке мусульманами Временного правительства «в борьбе и с анархией, и контрреволюционными попытками, откуда бы таковые ни исходили». Он подчеркнул, что «лозунг — самоопределение народов — мусульмане кладут в основание форм государственного устройства, оставляя разрешение самого вопроса до Учредительного собрания, на котором они будут отстаивать для окраин федеративное устройство. Теперь же во имя интересов революционного государства и лозунгов революционной России мусульмане выставляют необходимость осуществления национально-культурной автономии, провозглашенной на Всероссийском мусульманском съезде» [18].

СЛУХИ И КОНФЛИКТЫ. В одной из докладных записок на имя Керенского говорилось о тяжелом положении мусульман в Закавказье. В целом этот документ отражал довольно сложную ситуацию в межнациональных отношениях, сложившуюся летом 1917 года. В мае член Особого закавказского комитета Чхенкели организовал специальный совет из семи человек для разрешения разногласий и конфликтов между закавказскими народами. Примерно в то же время на страницах региональных изданий все чаще появляются заметки с описанием разбоев, грабежей, вооруженных нападений и межнациональных столкновений. Особо часто в прессе муссировалась тема самовооружения мусульманского населения, что являлось ответом на участвовавшие случаи беспорядков, сопровождавшихся разгромом мусульманских магазинов, чайных и т. п.

Мусульманские организации были вынуждены постоянно опровергать слухи такого рода. Например, 15 мая Ко-

митет бакинских мусульманских общественных организаций в воззвании категорически опроверг «циркулирующие в Баку слухи о, якобы, тайном массовом вооружении с антиобщественными целями мусульманской части населения» [19]. Всероссийский мусульманский совет направил Керенскому телеграмму с просьбой принять экстренные меры к предотвращению столкновений военных с мусульманами. В ответ премьер-министр направил телеграмму командованию Кавказской армии, распорядившись распространить ее среди населения и войск. В ней он выразил надежду, что народы Кавказа сохранят полное спокойствие и никакая смута или вражда его не нарушат.

По решению московского съезда и Всероссийского мусульманского военного шуро на Кавказ была направлена специальная военная делегация с целью пресечь развитие межнациональных конфликтов. Прибыв 7 июня в Елисаветполь, делегация потребовала от исполкома местного Совета посредством воззваний и листовок опровергнуть слухи о вооружении мусульман. Правда, сам факт покупки оружия представители тюркской общественности не отрицали. В опубликованном 8 июня за подписями председателя делегации Всероссийского мусульманского совета и председателя Комитета бакинских мусульманских общественных организаций воззвании говорилось: «У мусульман нет врагов внутри России, и вооружаться им незачем. Если где-нибудь и есть случаи покупки оружия, то это или покупают разбойники, или же оружие покупается для защиты от разбойников...» [20].

После посещения Эривани 26 июня делегация должна была направиться в Батум, Карс, Эрзерум и на Кавказский фронт. Но планы были нарушены, поскольку Совет солдатских депутатов Карса запретил делегации проезд в этот район. Возможно, Совет пытался скрыть произошедшие там столкновения и их размеры. Свой отчет о поездке де-

легаты представили участникам объединенного заседания трех мусульманских съездов в Казани. В нем говорилось, что положение закавказских мусульман не изменилось к лучшему, а на завоеванных территориях наблюдается систематическое насилие над ними. Делегаты говорили о военных карательных экспедициях, во время которых вырезались сотни невинных женщин и детей, об игнорировании нужд мусульман, испытывающих крайнюю материальную нужду, и т. д. Вся ответственность за эскалацию насилия в крае была возложена на местную администрацию во главе с генерал-комиссаром Турецкой Армении П.А. Аверьяновым и его помощником Я.Х. Завриевым.

Съезд в своей резолюции поддержал требование Комитета общественных организаций об отстранении Аверьянова, Завриева, Иваницкого и назначении трех комиссаров (русского, мусульманина и армянина). В очередной раз правительство проигнорировало требование мусульманской общественности. Вместо этого комиссаром по делам Кавказа в Петрограде назначили известного кадетского лидера В.Д. Набокова, на которого возлагалась задача координации действий между правительством и управлением генерал-комиссара Турецкой Армении. Такое решение испугало членов комитета, считавших, что должность комиссара по делам Кавказа была задумана дашнаками с целью лишить другие народы Закавказья участия в «строительстве собственной жизни». Все протесты закавказских мусульман остались без внимания. Распоряжением правительства от 8 августа Завриев и Ф.И. Иваницкий были утверждены помощниками по гражданской части генерал-комиссара Турецкой Армении. Однако эти назначения не смогли положительно повлиять на накалявшуюся в регионе ситуацию, где этнические конфликты вспыхивали все чаще.

Разногласия во Всероссийском мусульманском совете по вопросу будущего государственного устройства России,

равнодушие Временного правительства к требованиям мусульманского движения, а также обозначившийся рост межнациональной напряженности в Закавказье — все это заставляло закавказских мусульман рассчитывать только на свои силы в деле обретения национально-территориальной автономии. Осознавая свою организационную слабость, азербайджанские лидеры в июле предприняли ряд мер, направленных на консолидацию своих разрозненных сил.

Согласно достигнутой еще на Первом Всероссийском мусульманском съезде договоренности, 3 июля произошло объединение Мусульманской демократической партии «Мусават» с Тюркской партией федералистов. Следующим шагом стала реорганизация Комитета бакинских мусульманских общественных организаций для создания «солидного национально-политического учреждения», способного провести в жизнь резолюции первого общекавказского съезда. По утвержденному 9 июля проекту в состав нового органа должны были войти представители всех общественных и политических мусульманских организаций Закавказья. С учетом нехватки образованных кадров в проекте специально оговаривалось, что союзам лиц интеллигентных занятий (духовенству, журналистам, врачам, юристам, инженерам, студентам и т. п.) число мест увеличивается втрое.

Однако даже проведенная на выборах 25 июля в комитете фактически полная мобилизация всех «демократично-интеллигентных сил» закавказского мусульманства не дала ожидаемого эффекта. К концу августа ничего не было сделано для создания Центрального Закавказского мусульманского комитета, о чем говорилось еще с апреля. Правда, в начале июля в Тифлисе организовали Временный президиум мусульманских организаций, но его деятельность оставалась практически незаметной. На заседании 18 августа Комитет бакинских мусульманских обществен-

ных организаций потребовал от президиума незамедлительно принять все возможные меры для организации центрального комитета. В начале сентября состав Бакинского комитета по предложению его главы Топчибашева был кардинально обновлен. С учетом усилившегося летом 1917 года движения мусульманских крестьян и рабочих в комитет ввели 30 представителей от крестьян, 10 — от рабочих, а также по одному представителю от партий «Мусават», «Гуммет», «Демократический Иран» и мусульманских эсеров. В новом составе комитет начал выполнять функции Центрального Закавказского мусульманского национального совета, под знаменем которого осенью 1917 года объединятся все национальные политические силы мусульман Закавказья.

Создание единого центра мусульман Закавказья еще не означало, что широкие слои мусульманского населения признают и поддержат его в политической борьбе. Завоевать и подчинить их национальным лозунгам можно было только при жестком контроле органов местного самоуправления. В первую очередь это касалось Баку. Комитет общественных организаций одним из первых выдвинул требование пропорционального представительства мусульман в органах местного самоуправления. Только в данном случае при высоком проценте неграмотности и политической индифферентности широких слоев мусульман они могли рассчитывать на успех при проведении выборов. Однако здесь комитет встретил сопротивление со стороны социалистических партий, считавших, что всеобщее, прямое и равное избирательное право при тайном голосовании вполне гарантирует мусульманам возможность полного выражения своей воли. Последние прекрасно осознавали, что при такой избирательной системе они, опираясь на более грамотное и политически активное русское и армянское население, имеют больше шансов на успех. Это под-

твердилось на первых выборах в Советы рабочих и военных депутатов в марте 1917 года, когда мусульмане получили минимум мест.

Для превращения мусульманской массы в Баку в активный электорат имелась жизненная необходимость в широкомасштабной агитационной работе. Отметим, что они изначально обладали серьезным преимуществом перед социалистами — единством языка, религии и культуры. Рабочие-мусульмане с трудом поддавались агитации социалистов, у которых постоянно не хватало людей, способных делать политические доклады и писать листовки на тюркском языке. Первым большим успехом Комитета общественных организаций в борьбе за органы местной власти стала победа на выборах в продовольственные комитеты (продкомы).

Кризис с поставками продовольствия дал о себе знать уже в первые дни существования новой власти. Уже с 1 мая 1917 года в городе была введена карточная система на хлеб и сахар. Чтобы наладить городскую систему снабжения, Бакинский исполком общественных организаций постановил организовать временные продкомы, в задачи которых входил учет запасов, контроль над частной торговлей, равномерное распределение продуктов, борьба со всеми видами злоупотреблений, руководство городскими столовыми, содействие охране и безопасности в городе. Понятно, что организация, курировавшая управление данными комитетами, получала возможность воздействовать на настроения городского населения. На прошедших в начале июня выборах победа мусульман была настолько убедительной, а поражение социал-демократов настолько очевидным, что последние даже решили отозвать своих представителей из четырех продкомов, где они оказались в меньшинстве. Газета «Ачиг Сёз» в статье «Ошибка левых» замечала, что «ошибка эта — то невнимание, которое они

оказали местному, в данном случае мусульманскому, населению, составляющему большинство, и которое выразилось в факте отсутствия представителей из мусульман в местных организациях, имеющих важное значение, как Исполком, Совет рабочих депутатов и др.» [21].

Очередным раундом борьбы между социалистами и мусульманским крылом стали перевыборы в городскую думу. Желая значительно увеличить свою электоральную базу на предстоящих выборах, социалисты потребовали присоединить к городу промысловые районы. Против этого выступил Комитет бакинских мусульманских общественных организаций, потребовавший создания особого самоуправления или земства из промысловых районов с включением в него всех 33 селений Бакинского градоначальства. Создание подобной административной единицы позволило бы лидерам мусульманских организаций взять под свой полный контроль рабочих-мусульман и избавиться от навязчивой конкуренции социалистов. Особый закавказский комитет под сильным давлением противоборствующих сторон вынужден был принять компромиссное решение: присоединить промысловые районы к Баку, однако выборы в думу проводить без них. Это небольшое достижение лидеры мусульманского комитета смогли оценить в полной мере в ноябре 1917 года, в период острой борьбы с большевиками.

Если в Баку главным препятствием в деятельности мусульманских организаций была конкуренция со стороны социалистических партий, то в самих Бакинской и Елизаветпольской губерниях они столкнулись с другими проблемами. Главной трудностью при формировании мусульманских нацсоветов были неграмотность и полное незнание населения с политической жизнью страны. Несмотря на это, с июня в уездах стали один за другим создаваться мусульманские национальные комитеты, где основ-

ной движущей силой были студенты-мусульмане. Прошедший 22 мая в Баку Съезд учащихся-мусульман избрал в качестве своей программы резолюции Первого общекавказского съезда, в результате чего в распоряжении Бакинского комитета появился значительный кадровый резерв для выполнения агитационной и организаторской работы на местах. К августу 1917 года борьбу за власть в уездах можно было считать завершенной по всему региону в пользу мусульманского блока.

РЯДОМ С НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИЕЙ

КОРНИЛОВСКИЙ МЯТЕЖ. Выступление генерала Л.Г. Корнилова оказалось звездным часом Всероссийского мусульманского совета. Когда стало известно, что в состав корниловских войск входит Кавказская туземная дивизия (более известная как «Дикая дивизия»), Икомус сразу предложил отправить своих представителей навстречу ей, чтобы привлечь их на сторону революции. Они в составе правительственной делегации сумели быстро распропагандировать офицеров и солдат дивизии. Усилия мусульманской делегации были отмечены Керенским, который в благодарность позволил начать мусульманизацию армии. В сентябре 1917 года правительство признало Всероссийский мусульманский военный совет, у которого появилась возможность послать своих комиссаров в Политическое управление Военного министерства, в Главное управление Генерального штаба, в штаб Главковерха, а также в штабы всех округов, фронтов и армий.

События Корниловского мятежа были восприняты национальными окраинами как проявление слабости центра. Созыв 19–28 сентября в Киеве Съезда народов России стал прямой реакцией лидеров национальных движений на усиление анархии в стране. В работе съезда участвовало 15 делегатов от мусульманских народов, в том числе М. Ве-

килов, А. Адиебеков, Д. Садыков и Ш. Рустамбеков, представлявшие Закавказье. Главными решениями этого представительного форума стали следующие: «1. Признать единственно возможной формой государственного устройства России национально-федеративную республику. 2. Через местные национальные учредительные собрания определить конституцию и границы отдельных федеративных областей. 3. Добиваться участия заинтересованных народов России на будущем мирном конгрессе. 4. Считать неотложным образование при Временном правительстве из представителей отдельных народов особого совета по национальным вопросам и в том числе по образованию национальной армии» [22].

В восторге от принятых резолюций, Векилов писал в Баку: «Все эти недавние пасынки России властно заявили, что больше в России нет и не должно быть народа «великодержавного» и народов «недержавных». Судьба России находится в руках всех населяющих ее народов... И в этом многообразии — такая чарующая красота и сила!» [23]. Мечта об обретении национально-территориальной автономии с собственным парламентом и правительством постепенно превращалась в реальность. Ощущение близости желаемого успеха еще больше усилилось у лидеров закавказских мусульман после созыва 24 октября в Киеве сессии Совета народов для подготовки закона о федерации, который предполагалось внести в Учредительное собрание.

Обозначившаяся тенденция превращения России в федеративную республику получило солидное подтверждение в декларации Всероссийского демократического совещания, где признавалось за всеми народами право на самоопределение на основах, выработанных Учредительным собранием. В этом документе обещалось безотлагательно разработать и издать законы, обеспечивавшие национальным меньшинствам на местах их постоянного жительства

пользование родным языком в школе, суде, органах самоуправления и в отношениях с местными органами государственной власти. Там также говорилось о создании Совета по национальным делам, в задачу которого входила подготовка материалов по национальному вопросу для Учредительного собрания.

Всероссийский мусульманский совет призвал мусульман срочно направить в Совет по национальным делам лучшие силы для тесного сотрудничества с демократическими силами страны. Однако малочисленность мусульманских представителей в Предпарламенте (7 человек) показала, что, несмотря на уступки правительства, среди местных лидеров-мусульман все более усиливалась тенденция к изоляции от центра. На это же указывала организация осенью 1917 года на юге России областнических и национальных правительств. Внимание местных деятелей все больше сосредотачивалось на вопросе обретения и удержания власти в рамках областей и краев.

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ. Получив известие о Корниловском мятеже, в Тифлисе 2 сентября Краевой центр Советов и Исполком Тифлисского совета быстро определили данное выступление как контрреволюционное и создали орган по борьбе с контрреволюцией — Кавказский революционный комитет (КРК). Попытка нового краевого органа обновить состав ОЗАКОМа вызвала жесткую реакцию со стороны центральной власти. Керенский приказал распустить все революционные организации, возникшие в дни мятежа. Не желая идти на конфликт с правительством, местные власти пошли на компромисс: вместо КРК при ОЗАКОМе появился Комитет общественной безопасности.

Важно отметить, что в разрешении этой конфликтной ситуации заметную роль сыграли бакинские мусульмане.

Узнав о событиях в Тифлисе, Комитет бакинских мусульманских общественных организаций тут же послал в Петроград пространный протест против действий Кавказского революционного комитета, постаравшись тем самым посадить на освободившиеся места своих представителей. «Временный Закавказский мусульманский комитет считает своевременным выразить категорический протест против проектируемого образования состава Закавказского Комиссариата исключительно из социал-демократов и социалистов-революционеров и требует для мусульман допущения в означенный комитет не менее трех представителей, по выбору мусульманских комитетов общественных организаций Закавказья» [24], — говорилось в отправленной телеграмме. В протестах мусульман чувствовалась уверенность в своих силах. Партия «Мусават», поддерживавшая требование Бакинского комитета, в своем заявлении открыто говорила, что «партия, насчитывающая в своих рядах громадное большинство организованной демократии Азербейджана, партия, которой принадлежит руководящая роль на всех съездах и выборах в Азербейджане с первых дней революции, не может быть обойдена при формировании Озакома» [25].

Политические события в Петрограде и Тифлисе снова и снова подкидывали руководителям Закавказского мусульманского совета новые возможности укрепления своих позиций. В конце сентября в Тифлисе была получена телеграмма Временного правительства, разрешавшего формирование национальных полков. В то же время член ОЗАКОМа Джафаров направил военному министру Верховскому телеграмму с просьбой разрешить создание на добровольной основе пехотной бригады, артиллерийского дивизиона и 2-го конного Татарского полка из закавказских мусульман. Отказ в данной просьбе, предупреждал Джафаров, «нанесет мусульманам крайнюю обиду», так как

они будут считать, что и при данном правительстве являются «пасынками отечества и не пользуются его доверием».

В ответ Керенский предложил мусульманам края воспользоваться правом граждан свободной России в смысле отбывания всеобщей воинской повинности. Но Джафаров настаивал именно на создании добровольческих формирований. «Мы надеемся, — писал он, — что такой способ укомплектования в количественном и качественном отношении даст блестящие результаты, как более отвечающий историческим традициям и бытовым условиям мусульман. Я уверен, что эти войсковые части выполнят с честью свои задачи, являясь лучшим оплотом как для целей обороны, так и правопорядка в стране и укрепления завоеваний великой революции» [26]. Но Керенский, не поддавшись угговорам Джафарова, отказался вооружать мусульманских добровольцев, и этот вопрос был отложен до конца 1917 года.

Между тем в Баку попытка мусульман использовать начавшуюся после Корниловского мятежа кампанию по борьбе с контрреволюцией оказалась менее удачной, чем в Петрограде или Тифлисе. Бакинский исполнительный комитет Совета мусульманских общественных организаций 29 августа 1917 года выступил с решительным осуждением контрреволюционного мятежа и полностью поддержал Временное правительство. «Мусават» не остался в стороне и выпустил резолюцию с резкой критикой действий опального генерала, призывая к единству среди революционной демократии. Также партией были организованы митинги протеста в мусульманских и промысловых районах Баку. На партийной конференции даже звучали призывы к членам партии в случае необходимости взяться за оружие. Но, несмотря на проявленную мусульманами активность в деле защиты демократии, просьба включить своих представителей в Бюро по борьбе против контрреволюции, образованное по инициативе Баксовета, была решительно отвергнута.

Между тем столкновения с социалистами на политическом поле Баку становились для мусульман все острее и принципиальнее. На созванном 7 октября совещании представителей национальных организаций и политических партий по подготовке выборов в Учредительное собрание яблоком раздора между двумя сторонами стал аграрный вопрос. Социалистический блок настаивал на немедленном провозглашении принципа безвозмездности передачи земли крестьянам, а «Мусават» предложил отложить решение по этому вопросу до Учредительного собрания. Не получив поддержку при голосовании, социалисты покинули совещание, признав тем самым победу мусаватистов. Апогеем политической борьбы в регионе стали перевыборы Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов, закрепившие лидирующие позиции «Мусавата» как в Баку, так и на территории двух мусульманских губерний. Мусаватисты во главе с популярным лидером Мамед Эмином Расул-заде получили более 9600 голосов, когда их ближайшие преследователи эсеры отстали от них на треть, а большевиков вообще оказалось менее 4 тыс. голосов.

На волне эйфории от успехов мусульманского движения в ноябре 1917 года прошел первый съезд партии «Мусават». Ясно обозначившаяся перспектива превращения России в федерацию, усиление роли национальных советов в жизни Закавказья и успехи, достигнутые бакинскими мусульманами в борьбе с социалистами, — все указывало лидерам ведущей мусульманской партии Закавказья на необходимость разработки собственной политической программы. Принятый на съезде программный документ охватывал все нюансы устройства будущей национально-территориальной автономии Азербайджана в составе Российской Демократической Федеративной Республики. Ключевым являлся раздел «Государственный строй и автономия», отражавший весь накопленный российскими му-

сультанами теоретический и практический опыт. Федерация должна была состоять из автономных единиц, связанных между собой экономическим союзом. Вопросы внешней политики, обороны, денежной, таможенной и транспортных систем оставались в ведении центральной власти.

Особое внимание было уделено национально-культурным и религиозным аспектам существования федерации. В каждой из них официальным становился язык местного народа, составлявшего большинство населения данной области. Для всех тюркских народов, проживающих на территории Российской Федерации, предусматривалось создание культурно-национального союза. В сфере народного образования вводилось бесплатное начальное и высшее образование. Обучение должно было проводиться на языке большинства населения каждой автономной области. Программа предусматривала отделение церкви от государства. Для управления религиозной жизнью мусульман России организовывалась комиссия из представителей всех областей под председательством муфтия (шейх-уль-ислама).

Среди социально-экономических вопросов особое место уделялось аграрному и рабочему вопросам, от решения которых напрямую зависела степень популярности партии в массах. Все казенные и частновладельческие земли раздавались крестьянам бесплатно и безвозмездно в полную собственность. Устанавливался минимальный размер владения землей. В рабочем вопросе партия «Мусават» приняла программу РСДРП, утвержденную ею на втором съезде в 1903 году. Для всех рабочих и служащих устанавливался восьмичасовой рабочий день, запрещались сверхурочные работы и вводилась еженедельная выплата жалованья. Для контроля над исполнением закона на предприятиях должны были создаваться рабочие инспекции.

Ноябрьский съезд партии «Мусават» стал последним актом борьбы закавказских мусульман за создание нацио-

нально-территориальной автономии в составе Российской Демократической Федеративной Республики. В этот период мусульманские лидеры в своих действиях не отрывали себя от единого всероссийского движения. Следует отметить, что с учетом особенностей Закавказья и уровня развития национального движения мусульман региона (межнациональная напряженность, относительная малочисленность азербайджанской интеллигенции, низкий уровень развития политического и национального самосознания широких слоев населения, идентичность которых скорее определялась религией, а не этнической принадлежностью) можно говорить о том, что национально-территориальная автономия являлась той предельной моделью, которую азербайджанская элита могла с успехом реализовать на тот момент. Но история распорядилась по-другому..

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Хрох М.** От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. — М., 2002. — С. 121–127.
2. **Баберовски Й.** Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // *Ab imperio: Новая имперская история постсоветского пространства*. — Казань, 2004. — С. 321.
3. Там же. — С. 336.
4. Кавказские мусульмане по материалам Особого отдела канцелярии наместника Кавказа (1912) / Публ. Д.Ю. Арапова // *Кавказский сборник*. — Т. 2 (34). — М., 2005. — С. 170.
5. **Баберовски Й.** Указ. соч. — С. 335.
6. **Свентоховский Т.** Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // *Азербайджан и Россия: общества и государства*. — М., 2001. — С. 12–13.
7. **Аух Е.-М.** Между приспособлением и самоутверждением: Ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на Юго-Восточном Кавказе (1875–1905 гг.) // *Азербайджан и Россия: общества и государства*. — М., 2001. — С. 51.
8. Кавказские мусульмане по материалам Особого отдела канцелярии наместника Кавказа (1912) / Публ. Д.Ю. Арапова // *Кавказский сборник*. — Т. 2 (34). — М., 2005. — С. 171.
9. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 147. Л. 17–19.
10. **Сеф С.Е.** Революция 1917 года в Закавказье: документы и материалы. — М., 1927. — С. 80–83.
11. Закавказский съезд представителей Совета рабочих депутатов и Закавказский съезд исполнительных комитетов.

12. **Гусейнов М.Д.** Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. — Тифлис, 1927. — С. 79–86.
13. **Беленький С., Манвелов А.** Революция 1917 г. в Азербайджане: Документы из периодической печати. — Баку, 1927. — С. 27.
14. Там же. — С. 35.
15. Цит по: **Исхаков С.М.** Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 гг.). — М., 2004. — С. 197.
16. **Попов А.Л.** Из истории революции в Восточном Закавказье (1917–1918 гг.). // Пролетарская революция. — 1924. — № 7/30. — С. 110.
17. Цит по: **Исхаков С.М.** Указ. соч. — С. 242.
18. Государственное совещание 12–15 августа 1917 года: Стенографический отчет. — М.-Л., 1930. — С. 185–187.
19. **Беленький С., Манвелов А.** Указ. соч. — С. 24.
20. **Попов А.Л.** Указ. соч. — С. 143.
21. **Беленький С., Манвелов А.** Указ. соч. — С. 59.
22. **Попов А.Л.** Указ. соч. — С. 136.
23. Цит по: **Исхаков С.М.** Указ. соч. — С. 330.
24. **Попов А.Л.** Указ. соч. — С. 127.
25. Там же. — С. 127.
26. **Исхаков С.М.** Указ. соч. — С. 338.

Глава вторая

НА ПУТИ
ОБРЕТЕНИЯ
НЕЗАВИСИМОСТИ

ЭХО ОКТЯБРЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ

ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА. Октябрьский переворот был неоднозначно воспринят в разных уголках бывшей Российской империи, и Кавказ не являлся в этом случае исключением. Вопрос, что делать дальше, стал первоочередным для лидеров российских мусульман, не имевших четкого плана действий в ходе подобного развития событий. Показательно, что 27 октября в передовой газете Всероссийского мусульманского совета прозвучал своеобразный призыв к нейтралитету и неучастию в разгоравшейся Гражданской войне: «Зарево гражданской войны поднялось над страной... Что делать мусульманам в этот момент тяжелой социальной борьбы? Мусульманскому населению, как национальной группе, приходится принять все меры к тому, чтобы кровавое зарево гражданской войны как можно менее захватило их. Спокойствие и выдержка! Необходимо принять все меры к самообороне от всяких случайностей» [1].

Однако уже на следующий день Икомус в связи с «восстанием» постановил делегировать трех своих представителей в антибольшевистский Комитет спасения родины и революции, чтобы они настаивали на мирном разрешении конфликта и требовали формирования однородного социалистического правительства вместе с большевиками.

Вместе с тем Икомус считал необходимым создание именно демократического Совета, в котором должны быть представлены все населявшие Россию народности, поэтому при формировании новой системы власти решено было добиваться учреждения секретариата по мусульманским делам. То есть даже радикальная часть мусульманских политиков, как и ранее, продолжала ориентироваться на центральную власть.

Некая непоследовательность присутствовала и в действиях другой влиятельной мусульманской организации, Всероссийского мусульманского военного шура: в октябре направляется телеграмма в поддержку Советской власти, а в ноябре октябрьские события в Петрограде объявляются противозаконным переворотом, высказывается поддержка идеи Всероссийского Учредительного собрания и соответственно признается незаконной власть Совета народных комиссаров. Бесспорно, что такие метания шура в полной мере отражали тогдашние настроения российских мусульман, не желавших участвовать как в мировой войне, так и в гражданской. Мусульмане были сильно обеспокоены возникшей угрозой их существованию, они опасались усиления анархии, которая могла перечеркнуть все их начинания.

Действия большевиков, выпустивших одно за другим Декларацию прав народов России и обращение Совета народных комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», внесли раскол во всероссийское мусульманское движение. Часть руководителей мусульман внутренних губерний России поверила обещаниям Совнаркома и Наркомнаца и пошла на сотрудничество. Лидеры мусульман с окраин предпочли в новой ситуации разойтись по своим национальным квартирам и попытаться самостоятельно решать насущные вопросы выживания. К началу 1918 года единый политический фронт российских мусульман окончательно развалился.

ВЛАСТЬ БОЛЬШЕВИКОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ. Закавказье не приняло власть большевиков. Лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания на заседании Тифлисского Совета весьма четко выразил общую позицию: «Мы требовали и требуем ликвидации Петроградского восстания путем соглашения внутри демократии и создания однородной власти, объединяющей всю демократию для общей борьбы с надвигающейся контрреволюцией» [2].

Большевистская угроза консолидировала основные политические силы в Закавказье. По инициативе Комитета общественного спасения 24 ноября в Тифлисе созвано совещание всех общественно-политических сил региона с участием специально приглашенных представителей командования Кавказского фронта, союзников и консула США. Среди них выделялись Грузинская социал-демократическая партия (меньшевики), «Мусават», «Дашнакцутюн», ставшие впоследствии базовыми партиями для независимых национальных государственных образований края, а также правые эсеры. В результате этого совещания было принято решение об отказе признания власти Совета народных комиссаров во главе с В.И. Лениным и создании независимого краевого правительства.

28 ноября был учрежден Закавказский комиссариат во главе с грузинским меньшевиком Е. Гегочкори. В его состав от мусульман вошли Ф. Хойский, М. Джафаров, Х. Мелик-Асланов и Х. Хасмамедов, от дашнаков — Т. Тер-Газарян, Х. Карчигян, А. Оганджян, от грузин — А. Чхенкели и др. В тот же день Особый закавказский комитет сложил свои полномочия по управлению краем.

Особенностью политической жизни Закавказья стала своего рода ее «национализация». «В силу недостаточного политического воспитания масс, главным образом мусульманского населения, политическая жизнь края определяется не столько партийными, сколько национальными

группировками» [3], — писал осенью 1917 года член Тифлисского мусульманского совета Гейдар Бамматов.

Так, по национальному принципу были распределены посты в комиссариате. «Главнейшие министерства (внутренних дел, военное, земледелия), — вспоминал журналист С.Я. Хейфец, — были в руках грузин-меньшевиков; остальными руководили мусаватисты и дашнакцаканы; причем соблюдался паритетный принцип, по которому при министерстве-меньшевике товарищами состояли дашнакцаканы и мусаватисты, и наоборот. Аппарат государственный был налажен довольно слабо, и министерства проявляли мало жизнеспособности» [4]. Больше того, политика комиссариата определялась именно тремя нацсоветами (армянским, грузинским и мусульманским), представители которых вошли в состав Межнационального совета, выполнявшего координационные функции при комиссариате. Значительное влияние нацсоветов объяснялось вхождением его членов в состав Закавказского правительства и контролем над национальными частями, которые в условиях отхода Кавказской армии с фронта оставались единственной вооруженной силой в регионе.

Своими основными задачами комиссариат объявил ликвидацию анархии и борьбу с большевистской Россией. В его обращении к народам Закавказья отмечалось, что он является временным органом власти в крае и направит свою деятельность на решение самых неотложных вопросов — продовольственного, земельного, финансового и так далее. Обещалось также незамедлительно подписать перемирие на фронте и урегулировать национальные отношения.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ. Большие проблемы для комиссариата с самого начала стали создавать участвовавшие в крае случаи межнациональных столкновений. Особенно ситуация обострилась в начале 1918 года, когда

произошли крупные столкновения между армянским и мусульманским (то есть азербайджанским) населением в Эриванской и Елисаветпольской губерниях. Именно в тот период зафиксированы первые сожжения как армянских, так и татарских селений, продовольственных и оружейных складов, даже железнодорожных станций.

14 января 1918 года на заседании комиссариата этому вопросу было уделено особое внимание и отмечено, что даже в губернском центре Елисаветполе наблюдается «враждебное отношение между армянами и татарами». Как свидетельствует С.Я. Хейфец, «в самом городе Елисаветполе положение, например, было таково, что одна часть города по одной стороне реки была в руках армян, а другая по другой — в руках татар; мост же посреди реки представлял собой границу; посредниками между обоими частями города служили местные греки, евреи и русские, которые спокойно передвигались по всему городу; армянам же и татарам нельзя было переходить из одной части города в другую под угрозой смерти. В самом Тифлисе отношения между армянами и татарами были также очень обостренные, и в татарской части города на Майдане рылись окопы на случай резни» [5].

Важно отметить, что уже тогда в обострении национальных отношений в Закавказье негативную роль сыграла Турция, чьи представители еще с начала мировой войны вели среди мусульманского населения активную пропаганду. А она в условиях разраставшейся анархии и ужесточения борьбы различных политических сил за власть превращалась в один из главных инструментов разжигания межнациональной розни. Один из лидеров грузинских меньшевиков А. Чхенкели отмечал, что «вооруженное мусульманское население, придерживаясь турецкой ориентации, называет себя турецкими солдатами и терроризирует своими анархическими проявлениями все христианское

население» [6]. Проведенное в Тифлисе совместное совещание армянского и мусульманского советов для поиска путей выхода из кризиса оказалось безрезультатным. Пламя межнациональной вражды продолжало разгораться, опалая все новые и новые уголки Кавказа...

КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ. В это же время шло ожесточенное столкновение за Кавказскую армию, если хотите, просто дележка ее наследства и сохранившихся воинских единиц. Лидеры нацсоветов отлично понимали, что чем больше они наwerbуют к себе солдат из бывшей российской армии, тем прочнее будет их положение в крае.

Осенью 1917 года лидеры российских мусульман активно лоббировали идею создания отдельных мусульманских частей наподобие грузинских и армянских соединений, уже имевшихся на Кавказе. В частности, председатель Всероссийского мусульманского военного шуро Асадуллаев в своей телеграмме военному министру требовал увеличить общую численность предполагаемых мусульманских частей, дабы они не сильно отставали от аналогичных грузинских и армянских: «Полагал бы справедливым с чисто государственной точки зрения соблюсти хоть какую-нибудь пропорциональность между численностью населения и числом выставленных бойцов; мусульманское население настолько сочувствует формированию, что весьма возможно новых расходов для казны не будет...» [7].

Временное правительство в конце своей деятельности успеваеет дать согласие на формирование национальных частей, в том числе и мусульманских. Одна из ведущих газет края «Ачыг Сёз» дала достойную оценку этому событию: «Для нас начинается новая эра, и мы должны к нашим национальным праздникам прибавить еще два праздничных дня: первый, это — день освобождения от царского гнета и второй — день обнародования декрета о созда-

нии национального войска. С политической точки зрения этот декрет имеет большее значение, чем свободы, завоеванные русским народом...» [8].

Важно отметить, что согласие на формирование мусульманских частей было получено с боем. В октябре 1917 года командованием Кавказского фронта было приказано приступить к созданию армянского и грузинского национальных корпусов на Кавказе, однако о мусульманском соединении ничего в первом приказе не говорилось. Различные общественные и политические организации мусульман стали присылать ходатайства о разрешении на создание аналогичного корпуса для них. ГУГШ рекомендовало удовлетворить эти просьбы, взяв за основу предложение Всероссийского мусульманского военного шуро о формировании в Закавказье двух пехотных полков, отдельного артиллерийского дивизиона и двух конных полков, развернутых на базе Татарского конного полка «Дикой дивизии», переведенного на Кавказский фронт. Однако Ставка выступила против: Духонин считал возможным создание подобных соединений из мусульман-добровольцев только в случае расформирования соответствующего числа воинских частей фронта. Скепсис высшего командования понятен: было совершенно неясно, откуда возьмется необходимое количество солдат и офицеров, тем более что, даже по данным военного шуро, на Кавказском фронте находилось не более 2 тыс. строевых солдат-мусульман, большая часть которых явно не собиралась пополнять новые части.

Поэтому мусульманские комиссары решили ускорить принятие необходимого решения Ставки, для чего в Казани на съезде военных мусульман одноименного округа приняли жесткую резолюцию, представлявшую собой не что иное, как ультиматум: до формирования мусульманских частей ни один мусульманин не отправится на фронт.

Высшему командованию пришлось сдаться, и 19 ноября 1917 года Духонин телеграфировал из Ставки о разрешении начать формирование Мусульманского корпуса из добровольцев-мусульман — офицеров, военных врачей, чиновников и солдат Северного, Западного Юго-Западного и Румынского фронтов. Руководить созданием нового национального корпуса приказом Духонина был назначен командир 37-го армейского корпуса генерал-лейтенант Сулейман Сулькевич.

Командование Кавказской армии на совещании 1 декабря вынуждено было признать глубокое разложение армии и полную утрату боеспособности. На этом же совещании принято решение немедленно приступить к формированию национальных частей для спасения ситуации на фронте. Предполагалось перебрасывать на Кавказ все части, которые изъявят желание на добровольных началах вступить в национальные соединения. Однако опять речь шла о русском, грузинском и армянских корпусах. В начале декабря из штаба Кавказского фронта последовало предложение о мусульманизации отдельных частей, в первую очередь 219-го пехотного запасного полка. Закавказский комиссариат и Краевой совет Кавказской армии поддержали это предложение. Соответствующий приказ появился 18 декабря, в тот же день комиссариат объявил о создании новой армии, включавшей в себя и Мусульманский корпус. Именно 18 декабря 1917 года можно признать датой фактического возникновения будущей азербайджанской армии, созданной на базе Мусульманского корпуса. Формирование корпуса из мусульман Закавказья было официально начато на следующий день согласно приказу № 155 главнокомандующего войсками Кавказского фронта генерала от инфантерии М.А. Пржевальского.

Эти решения вызвали крайне негативную реакцию со стороны отходивших с фронта частей. Во второй половине

декабря практически все станции от Гянджи до Евлаха были разграблены солдатами, а в самой Гяндже разгромлены казармы и интендантские склады. Интересно, что беспорядки в губернском центре начались именно после распоряжения комиссариата о национализации 219-го полка. Реализация этого решения, выразившаяся в разоружении старого состава, привела к первым эксцессам: армяне, которых в этом полку оказалось около 2 тыс. человек, явно не хотели расставаться с оружием, и уж тем более отдавать его мусульманам. Для разоружения специально проводилась ночная операция. В ее ходе несколько рот было обезоружено, тогда как остальные оказались в армянской части города. Это вызвало дополнительную панику среди мирного населения, которое, справедливо опасаясь пролития невинной крови, побежало из Гянджи. «Татары», то есть мусульмане, наоборот, устремились в город, что привело к многочисленным кровавым столкновениям между ними и армянами. Только к 22 декабря в городе был установлен относительный порядок.

Хейфец оставил интересную зарисовку, демонстрирующую реальную ситуацию создания национальных частей: «Национальные части воевать не хотели, солдаты дезертировали в свои деревни или уходили в горы. Офицеры же разгуливали в фантастических формах с русскими погонями на плечах по Головинскому проспекту; зато национальные части усердно занимались реквизицией всего, что попадалось на глаза, и ловлей в кофейнях дезертиров, которые тут же за деньги откупались» [9]. Генерал-лейтенант Али-ага Шихлинский, назначенный командиром Мусульманского корпуса, тоже был неприятно поражен первым знакомством с солдатами, назвав собранных Тифлиским комитетом просто «сбродом». Понятно, что процесс комплектования и вооружения национальных корпусов шел крайне медленно.

Решить проблему острой нехватки оружия в краевом центре решили простым способом: отобрать его у отходивших солдат. Именно это предложил делать председатель Президиума Кавказского краевого центра Советов Ной Жордания, о чем прямо говорилось в его телеграмме всем местным советам от 6 января 1918 года: «Краевой центр Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил предложить всем Советам принять меры к отобранию оружия у отходящих частей и о каждом случае доводить до сведения Краевого центра» [10].

В Тифлисе не могли не понимать, к каким тяжелым последствиям это решение приведет, однако большая вероятность жертв как среди мирного населения региона, так и среди уезжавших не остановила тогдашних политических деятелей Закавказья. Телеграмма Жордания вскоре привела к кровавым событиям 22 января 1918 года в районе станции Шамхор, когда созданный Тифлиским и Межнациональным советами отряд штаб-ротмистра Абхазавы на бронепоезде при поддержке сил мусульманского нацсовета в Гяндже попытался разоружить десять солдатских эшелонов, но встретил ожесточенное сопротивление. В завязавшемся сражении бронепоезд был разбит, но один из снарядов попал в резервуар с нефтью, в результате чего сгорело несколько составов и погибло много солдат. Обозленные гибелью товарищей, солдаты следовавших следом эшелонов начали из артиллерии расстреливать окрестные татарские селения. Количество жертв с обеих сторон было огромным.

В борьбе за армию активное участие приняли большевики, надеявшиеся с помощью распропагандированных русских солдат захватить власть в Закавказье. Эта борьба вступила в свою завершающую фазу в конце 1917 года. В ноябре на собрании представителей Тифлисского гарнизона по инициативе большевиков состоялось избрание Де-

легатского собрания, ставшего постоянным выборным органом всех расположенных там воинских частей. Депутаты собрания сразу же потребовали созыва Второго Кавказского краевого армейского съезда и занялись вооружением тех подразделений, у которых отсутствовало оружие. В ответ в начале декабря меньшевики объявили Тифлис на военном положении, а революционно настроенные части стали высылать из города. Вслед за этим силами комиссариата было организовано нападение на арсенал, что лишило большевиков основного источника оружия для революционных частей. Одновременно шло выдавливание большевистской прессы, и к 13 декабря 1917 года можно говорить о ликвидации большинства тифлисских редакций газет такой направленности.

На состоявшемся 23 декабря в Тифлисе Краевом армейском съезде большевики и левые эсеры имели большинство, что позволило им провести нужную резолюцию с отказом признать власть Закавказского комиссариата и осуждением его политики. Также на съезде было принято решение о полной поддержке власти Советов в Закавказье и избран новый Краевой совет армии, в котором доминировал большевистско-левоэсеровский блок.

Но, как только работа съезда закончилась и большинство делегатов разъехались, меньшевики, эсеры и представители «Дашнакцутюн» при поддержке Тифлисского совета объявили о нелегитимности избранного совета и провозгласили себя Краевым советом Кавказской армии. В ответ избранный на съезде совет создал свой исполнительный орган — Военно-революционный комитет армии, предложивший создавать в частях и гарнизонах свои временные революционные комитеты для захвата власти на местах.

Таким образом в Тифлисе в конце 1917 года началась работа по концентрации верных ему сил и обеспечению их оружием с одновременной фильтрацией ненадежных час-

тей. Также по инициативе комиссариата стали осуществляться мероприятия, направленные на ликвидацию или выдавливание всех оппозиционных структур, включая представительства партий и редакции большевистских изданий. Фактически шло стремительное наращивание вооруженных сил в обоих лагерях: комиссариат вокруг себя собирал нужные ему подразделения, большевики же начали объединять верных им солдат под руководством Временного революционного комитета.

СИТУАЦИЯ В БАКУ. В Баку реальная проба сил произошла сразу после получения известия из Петрограда о свержении Временного правительства. 27 октября на расширенном заседании Бакинского совета рабочих и солдатских депутатов прояснилось шаткое положение большевиков, не имевших численного большинства. В противовес им был сформирован блок из меньшевиков, эсеров и дашнаков — 246 голосов против 166 у большевиков. Такая расстановка сил позволила от имени Совета выпустить резолюцию с резкой критикой произошедших событий в Петрограде и их инициаторов — большевиков и требованием передачи всей полноты власти в скором времени Учредительному собранию. При этом отмечалось, что ликвидация восстания большевиков должна пройти мирным путем.

Краевой центр рабочих, солдатских и крестьянских депутатов тоже не остался в стороне и прореагировал соответствующим образом. В своем специальном воззвании к населению региона действия большевиков прямо квалифицировались как насильственный захват власти.

Однако бакинские большевики под руководством Шаумяна начали открытую борьбу за власть, применив один из своих излюбленных приемов в виде созыва расширенного заседания Совета, куда приглашались сочувствующие извне, причем в большом количестве. Кроме того, больше-

вистским лидерам удалось договориться о союзе, правда временном, с представителями партии «Мусават», что позволило им одержать верх над политическими противниками. В результате на таком сильно расширенном заседании большевикам удалось провести свою резолюцию о всемерной поддержке действий Петроградского Совета и затем передаче всей полноты власти в руки Исполкома Баксовета, где доминировали большевики.

Расчистка политического поля в Баку и окрестностях была проведена большевиками быстро и успешно. Практически мгновенно исчез Комитет общественной безопасности, созданный как раз для борьбы с большевистским восстанием, затем прекратила свое существование городская дума во главе с будущим главой Азербайджанской Демократической Республики Ф. Хойским. Можно констатировать, что к концу 1917 года большевикам удалось взять под контроль весь Бакинский промышленный район, однако распространить свою власть на все Закавказье им было не по силам.

Таким образом к началу 1918 года на Южном Кавказе сформировались два противоборствующих центра, собиравших вокруг себя дружественные или союзные силы. Первым из них стал большевистский Баку — форпост советской власти в регионе. Ему противостоял традиционный центр края — Тифлис, где с давних времен располагалась местная власть, в данном случае комиссариат, представлявший собой фактического преемника Особого закавказского комитета и направивший все силы на создание собственных вооруженных сил. Одновременно он декларировал свой временный характер, ожидая решений Учредительного собрания, выборы в которое прошли в декабре 1917 года (в них по Закавказскому округу приняли участие 15 партий). Они продемонстрировали только очаговую поддержку большевиков при значительном доверии

населения к эсерам, меньшевикам, «Мусавату» и «Дашнакцутюну» по региону в целом. Несмотря на относительную победу в Баку, где большевики получили 20% голосов всех жителей и более 70% — солдат гарнизона, они всего по округу заработали только 4,4%, тогда как социал-революционеры — 16,9%, а меньшевики — свыше 5%.

Однако надежда на Учредительное собрание себя не оправдала. Разгон его большевиками, не хотевшими отдавать власть, окончательно подтолкнул Тифлис к активным действиям. В конце февраля 1918 года члены разогнанного собрания от Закавказского края, собравшись в Тифлисе, образовали Закавказский сейм, который сменил у руля управления комиссариат.

ИЛЛЮЗИЯ КАВКАЗСКОЙ ВЗАИМНОСТИ

ЗАКАВКАЗСКИЙ СЕЙМ. Идея создания парламента в Закавказье возникла в начале 1918 года сразу после разгона Учредительного собрания. В резолюции, принятой на заседании Краевого центра Советов, говорилось: «Жизненные интересы края требуют в ближайшие дни созыва собрания депутатов, выбранных в Учредительное собрание от Закавказья и Кавказского фронта, которое и должно в первую очередь создать сильную авторитетную власть, способную поддержать в стране революционный порядок и провести в жизнь назревшие реформы» [11].

Такой властью стал открывшийся 10 февраля 1918 года Закавказский сейм, в состав которого вошли депутаты Учредительного собрания от Закавказья, а также представители всех региональных партий. Организаторы сейма еще 16 января предложили большевистским организациям региона прислать своих делегатов для участия в его заседаниях, но получили отказ. В результате сейм в лице 125 депутатов достаточно репрезентативно отражал расстановку сил в регионе и демонстрировал значительное влияние трех ведущих партий: грузинских меньшевиков (32 депутата), «Мусавата» с примкнувшей к нему беспартийной мусульманской группой (30 депутатов), дашнаков (27 депутатов). Остальные партии должны были удовлетвориться го-

раздо меньшим представительством: Мусульманский социалистический блок — 7 мест, «Иттихад» («Мусульманство в России») — 3, «Гуммет» — 4, а также эсеры, национал-демократы и Армянская партия народной свободы. Председателем сейма был избран представитель меньшевистской фракции Н. Чхеидзе. Создание сейма на основах разогнанного в Петрограде Всероссийского собрания стало первым серьезным шагом в сторону отделения Закавказья от Советской в тот момент России.

«10 февраля 1918 г. в Тифлисе, в городском театре, открылся Закавказский сейм. Все места для зрителей — балконы, ложи, галерея — были битком набиты. Кругом театра толпилась огромная толпа несчастливцев, которым не удалось добыть билетов на право входа. В партер, уже отведенный для депутатов Сейма, едва набралось 50–60 человек. Налицо были почти все меньшевики, дашнакцаны и некоторые только представители мусульманских партий; вся почти фракция мусульман-националистов «Мусават», составлявшая почти одну треть всего Сейма, отсутствовала. Делегаты партии «Мусават» были заняты на местах и не спешили в Сейм к его открытию» [12], — рассказывает современник тех событий С. Хейфец.

Причина отсутствия представителей этой партии оказалась весьма простой. Как уточняет Хейфец, «партия «Мусават» состояла из крупных мусульманских землевладельцев, ханов, беков, мулл, видных врачей и адвокатов националистического пошиба. Партия эта хотела использовать положение в целях присоединения Елизаветпольской губернии к Турции. Момент оказался подходящим. Положение в Турции, где царил Энвер-паша, казалось благодаря союзу с немцами прочным, и политический строй Турции гарантировал ханам и бекам сохранность их поместий. Депутаты «Мусавата» ко времени открытия Сейма были заняты на местах работой по подготовке

присоединения Азербайджана к Турции и не могли приехать в Тифлис» [13].

Понятно, что плодотворного сотрудничества между ведущими политическими партиями региона не получилось... Горячие споры возникали по самым мелким вопросам организационного характера, что не могло не сказаться на работе сейма, быстро превратив его в профанацию. Например, в противовес грузинскому председателю сейма Чхеидзе, представители «Мусавата» провели свою кандидатуру на пост секретаря президиума — Али-хана Кантемирова, естественно, не по причине его пригодности к этому административному посту, а только чтобы препятствовать росту влияния грузинской фракции в этом своеобразном краевом парламенте.

В марте 1918 года на семнадцатом заседании сейма было утверждено новое правительство взамен сложившего свои полномочия комиссариата. В его состав вошли председатель и военный министр — Е. Гегечкори, министр внутренних дел — Н. Рамишвили, иностранных дел — А. Чхенкели, земледелия — Н. Хомерики, финансов — Х. Карчикян, народного просвещения — Н. Усуббеков, путей сообщения — Х. Мелик-Асланов, юстиции — Ф. Хойский, продовольствия — А. Хатисян, торговли и промышленности — М. Гаджинский, труда — Г. Тер-Газарян, почт и телеграфа — Л. Бебутов, государственного призрения — А. Оганджян, государственного контроля — И. Гайдаров, морской министр — В. Гобечия, министр без портфеля — Р. Качазнуни.

Наиболее остро в регионе стояли два вопроса — аграрный и национальный, которые требовали незамедлительного вмешательства сейма и сформированного им правительства. Однако члены сейма не смогли не то что решить, но даже продвинуться по пути решения этих жизненных вопросов. Важно отметить, что даже те немногочисленные

решения, которые удалось принять сейму, оказались не реализованными. Не являлся исключением и принятый весной 1918 года закон об определении нормы земли, оставляемой владельцам, и о мерах к осуществлению земельной реформы. Как метко высказался С. Хейфец, «декларированный закон в жизнь не проводился, так как из закавказских правителей одни не были в силах, а другие не хотели провести его в жизнь. Вследствие этого полоса аграрных волнений пошла сильнее...» [14].

Сейм вынужден был констатировать участвовавшие случаи межнациональных столкновений, однако выезды сформированных из различных фракций комиссий практически не влияли на ситуацию в регионе, продолжавшую ухудшаться. Тем более что представители всех крупных политических партий прямо или косвенно подогревали это взрывоопасное действо. Считается, что представители «Мусавата» способствовали разжиганию межнациональной и религиозной вражды для организации вмешательства Турции под соусом защиты притесняемого мусульманского населения. С другой стороны, лидеры дашнаков не препятствовали расправам армянских частей над местными мусульманами, оправдываясь тем, что последние блокируют движение воинских эшелонов по железной дороге и армянским частям с боем приходится пробиваться. Известия о столкновениях между представителями двух конфессий стали поступать с разных районов Южного Кавказа — из Эриванской губернии и Карской области, из Закавказского округа и Елисаветпольской губернии, из Ахалцихского, Ахалкалакского и Борчалинского уездов Тифлисской губернии и так далее. Закавказское правительство оказалось не в состоянии контролировать ситуацию в крае, стремительно скатывавшемся в пучину анархии и межнациональной розни. Новая власть была беспомощной перед захлестнувшей Закавказье волной вражды и насилия.

СИТУАЦИЯ НА ФРОНТЕ. В начале декабря 1917 года турецкое командование ввиду проходивших в то время переговоров между Советской Россией и странами Австро-Германского блока предложило Закавказскому правительству заключить перемирие. Договор был подписан 5 декабря в Эрзинджане. Затишье на фронте длилось до середины января, когда турецкий командующий от имени Энвера-паши предложил Закавказскому комиссариату начать переговоры о заключении мира. Турки рассчитывали, заключив выгодный сепаратный мирный договор, поставить Брестскую конференцию перед свершившимся фактом.

Разложение Кавказской армии заставило комиссариат согласиться на это предложение. Одновременно турецкие войска, нарушив условия перемирия под предлогом защиты мирного мусульманского населения, перешли 12 февраля в наступление. К этому времени русские войска в большинстве своем были уже эвакуированы и их место заняли малочисленные и плохо подготовленные армянские части. Фронт был прорван, и турецкие войска стали продвигаться в Закавказье. В этой ситуации комиссариат поспешил 19 февраля еще раз подтвердить согласие на переговоры, предложив в качестве места их проведения Трапезунд.

Делегация на конференцию во главе с Чхенкели была сформирована Закавказским сеймом из представителей парламентских фракций трех закавказских национальностей. Мусульманскую фракцию на переговорах представляли М. Гаджинский и Х. Хасмамедов, И. Гейдаров, М. Мехтиев, А. Шейхульисламов. Переговоры предполагалось вести на условиях восстановления границ 1914 года и права Турецкой Армении на автономию.

3 марта 1918 года большевики подписали Брест-Литовский мирный договор, по которому Ардаган, Карс и Батум отходили к Турции. Закавказское правительство, ранее отклонившее приглашение турок участвовать в Брестской

конференции, естественно, отказалось признать условия этого «позорного» мира. Но, получив от турецкого командующего Вехиб-паши радиogramму с требованием эвакуации означенных областей, сейм, отославший свою представительную делегацию в Трапезунд, оказался в глупом положении. При обсуждении этого ультиматума меньшевики и дашнаки заявили, что надо силой оружия сохранить свои границы и отозвать делегацию. Хойский назвал такое запоздалое обсуждение проявлением «международной нетактичности» [15]. Мусульманская фракция была сильно заинтересована в скорейшем заключении мира с Турцией.

Начавшиеся 14 марта 1918 года в Трапезунде мирные переговоры затягивались. Через неделю после открытия конференции глава турецкой делегации Рауф-бей в жесткой форме потребовал признать условия Брестского мира, заявив при этом, что сама закавказская делегация не может быть тем юридическим лицом, с которым надо вести переговоры, так как Закавказье не объявило о своей независимости. Тем временем турки значительно продвинулись вперед, отбросив армянские части к Карсу и выйдя к Батуму, что позволило им повторить в ультимативной форме свое требование о признании Брестского мира.

Мусульманская часть делегации приложила все усилия к тому, чтобы убедить грузин пойти на уступки. На заседании 7 апреля 1918 года член закавказской делегации Мехтиев потребовал принять турецкое предложение, угрожая, что в противном случае мусульмане откажутся от дальнейшего участия в переговорах. Хасмамедов же предложил сделать одно исключение из перечня территорий, уступаемых Турции. Он считал с экономической точки зрения жизненно необходимым сохранить Батум. Однако давление турок не ослабевало, что заставило закавказскую делегацию заявить о признании Брест-Литовского договора как основы для дальнейших переговоров.

По свидетельству современников, мусульманская партия явно готовилась объявить о присоединении Азербайджана к Турции. По словам Хейфеца, «агитация за присоединение к Турции шла широкая. Мусульманское духовенство работало во всю. Во главе движения стояли те же мусаватисты, которые состояли членами Закавказского Сейма. Член Сейма доктор Султанов в турецкой офицерской форме открыто разъезжал и вел агитацию в пользу присоединения Азербайджана. Представители мусават в Тифлисе в самом дворце в двух шагах от зала заседания Сейма в своей фракционной комнате принимали переодетых турецких эмиссаров» [16].

Однако мусаватистов ждало разочарование. На Трапезундской конференции предложение представителя мусаватской партии о полном присоединении мусульманской части Южного Кавказа к Турции было отвергнуто. Глава турецкой делегации Рауф-бей и командующий Кавказским фронтом Вахиб-паша ответили, что большая политика Турции требует, чтобы Азербайджан не отделялся от остальных народностей Южного Кавказа, а сохранил общую с ними государственную форму в виде конфедерации, оставляя за собой известную самостоятельность.

Между тем Закавказский сейм, обсудив 13 апреля ультиматум турок, решил отозвать делегацию с переговоров и объявить Закавказье на военном положении. От мусульманской фракции выступил Рустамбеков, заявивший, что «не беря на себя ответственность за продолжение войны с Турцией и считая ее чреватой тяжкими последствиями для всей Закавказской демократии при создавшихся условиях внутренней жизни края фракция партии «Мусават», группа беспартийных и партия «Мусульманство в России» — «Иттихад», имея в виду, что вопрос о продолжении войны руководящими партиями разрешен в положительном смысле, заявляют что со своей стороны всеми доступными

средствами окажут возможное содействие другим народам Закавказья в этой ответственной задаче и примут все меры к благоприятной ликвидации войны» [17].

Фракция мусульман большие надежды возлагала на оставшихся в Трапезунде после закрытия конференции своих представителей, которые, воспользовавшись приездом Энвер-паши, начали вести самостоятельные переговоры с турецким правительством.

Обстановка на фронте далеко не соответствовала воинственному настроению сейма, так как уже в апреле был потерян Батум, а турки успешно продвигались в направлении Карса. Закавказское правительство вынуждено было 22 апреля возобновить переговоры с Турцией.

В этот же день сейм объявил о своей независимости, выполнив, тем самым, основное требование турецкой стороны. Общую позицию депутатов сейма выразил в своем выступлении перед этим судьбоносным голосованием меньшевик Д. Ониашвили: «Перед народами Закавказья создалось такое трагическое положение: или объявить Закавказье в настоящее время нераздельной частью России и, таким образом, повторить все ужасы гражданской войны России и здесь и затем сделаться ареной иноземного нашествия, в данном случае нашествия турецкого, или же провозгласить свою независимость и собственными силами защитить физическое существование целого края... Единственным исходом является немедленное провозглашение политической самостоятельности...» [18].

ПАРТИЯ «МУСАВАТ». Главной угрозой для власти большевиков в Баку к концу марта 1918 года стала значительно усилившаяся партия «Мусават». Мусаватисты на фоне стремительного наступления турецких войск в Закавказье в глазах большевиков превращались в пятую колонну, что требовало направить все силы на ее ликвидацию. Обе сто-

роны в первые месяцы 1918 года прикладывали большие усилия для создания собственных вооруженных сил. Третьей значительной политической силой в Баку был Армянский национальный совет, располагавший значительными силами. По свидетельству члена кадетской партии Б.Л. Байкова, «в Баку скопилось около 8000 армян-солдат, вернувшихся с европейских фронтов войны с оружием в руках» [19].

Небольшое столкновение между матросами-большевиками и группой офицеров Татарского конного полка, собиравшейся отплыть в Ленкорань на пароходе «Эвелина», стало поводом для давно назревавшего вооруженного столкновения. Большевики задержали отправку судна и разоружили весь уплывавший отряд. Это вызвало бурю негодования среди мусульманского населения города. Локализовать конфликт не удалось, так как последовавшие 30 марта переговоры между представителями мусульманского национального совета и только что созданным большевиками Революционным комитетом оказались проваленными. И к вечеру того же дня на улицах Баку завязались ожесточенные бои, продолжавшиеся в течение трех суток. «Поначалу татары имели успех, — писал в своих воспоминаниях Байков, — но уже на второй день стало ясно, что татарам не устоять в неравной борьбе. Армянский национальный комитет со своей стороны принимал меры к тому, чтобы сдержать армянские массы от участия в столкновении. Но комитет партии «Дашнакцутюн» решил принять активное участие в борьбе и «дашнакцакане» повели наступление на татарские позиции, к ним примкнули и армяне-солдаты. Озлобление с обеих сторон все усиливалось; большевистско-татарское столкновение начинало приобретать характер национального столкновения» [20].

Осознав свою слабость и стремясь спасти мусульманское население Баку от продолжавшейся резни, лидеры

мусульман приняли вечером 1 апреля ультиматум большевиков, где требовалось «1) Открытого и безоговорочного признания власти Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и полного подчинения всем его распоряжениям. 2) «Дикая дивизия» как контрреволюционная воинская часть не может быть терпима в пределах Баку и его районов ... Все вооружение населения должно быть под контролем и учетом Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. 3) Требуем принятия срочных мер для открытия железнодорожного пути от Баку до Тифлиса и от Баку до Петровска» [21].

В отправленном Шаумяном отчете в Москву от 13 апреля говорилось: «В течение трех дней — 30, 31 марта и 1 апреля в городе Баку шел ожесточенный бой. Сражались, с одной стороны, Советская Красная Гвардия, красная интернациональная армия, сорганизованная нами, красный флот, который нам удалось реорганизовать в короткий срок, и армянские национальные части. С другой стороны дикая мусульманская дивизия, среди которой немало русских офицеров, и банды вооруженных мусульман, руководимых партией «Мусават». С обеих сторон принимало участие в городских боях более 20 тысяч человек... Результаты боев блестящие для нас. Разгром противника был полнейший. Мы продиктовали им условия, которые беспресловенно были подписаны. Убитых более трех тысяч с обеих сторон... У «Дашнакцутюн» имелось также около 3—4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это» [22].

Понятно, что размер потерь среди мирного населения сильно преуменьшен Шаумяном, однако общее число убитых и раненых в ходе бакинских столкновений явно не превышает 10 тыс. человек. В этом свете крайне интересно

свидетельство очевидца событий Б.Л. Байкова, отмечавшего, что «цифры, называвшиеся впоследствии, — 15, 20 и более тысяч, — явно фантастические» [23].

Мартовские события в Баку ознаменовали собой окончательный переход от политической борьбы к открытой вооруженной конфронтации между двумя противоборствующими силами, причем с сильным национальным окрасом. В связи с этими событиями мусульманская фракция сейма потребовала послать войска в Баку для защиты мусульманского населения. 3 апреля 1918 года Хойский во время заседания заявил, что «...если не будут приняты меры к защите мусульманского населения, то министры-мусульмане выйдут из состава правительства». Призывы и угрозы мусульманской фракции в Закавказском сейме достигли своей цели: войска под командованием князя Магалова (общая численность — от 5 до 6 тысяч) были отправлены на Баку. Одновременно с севера из Дагестана на город стал наступать отряд имама Наджмуддина Гоцинского. Однако в боях у Хурдалана и под Аджикабулом красногвардейцам Баксовета удалось разбить обоих противников. Захват же в конце апреля 1918 года Петровска позволил бакинским большевикам восстановить сообщение с Северным Кавказом и доставку хлеба из Астрахани. Первая попытка ликвидации власти большевиков в Баку провалилась.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ТУРЦИЕЙ. Провозглашение независимости Закавказья развязало руки туркам, которые на возобновившихся 11 мая переговорах в Батуме заявили, что действие Брест-Литовского мирного договора больше не распространяется на независимое Закавказье. Они по-прежнему придерживались тактики затягивания переговоров и выдвигали все новые и новые требования, тогда как их воинские части продолжали наступление вглубь Закавказья. Помимо новых территориальных претензий (Нахи-

чеванский уезд, половина Шаруро-Даралагязанского, Эриванского и Эчмиадзинского уездов), османы требовали предоставить им в пользование все закавказские железнодорожные линии, что позволило им перерезать снабжение Армении и подготовить наступление на Баку. Мотивируя свои требования, турецкое командование заявляло, что «положение Кавказа более чем критическое и двусмысленное», что «сотни тысяч тюрок и мусульман терпят в Баку и окрестностях кровавое ярмо безжалостных бандитов, так называемых революционеров», что Кавказ охвачен анархией, что оттоманское правительство не может относиться к этому безучастно и стоит «перед необходимостью обеспечить свободный пропуск войск через Кавказ в целях провозки их по железным дорогам, и насколько возможно скоро, на другой театр операции» [24].

К концу мая передовые турецкие части подошли к Тифлису на расстояние 20–25 верст, что ввергло в панику как Закавказский сейм, так и его делегацию в Батуме. Как результат, грузины и азербайджанцы начали обособленно вести переговоры с Османской империей. Более того, лидеры мусаватистов снова попросили о присоединении Азербайджана к Турции. И снова их ждало разочарование, хорошо переданное в письме азербайджанской делегации Энверпаше: «Несмотря на нашу просьбу о полном присоединении мусульманской части Закавказья к Турции, нам мотивировано объяснили, что большая политика Турции требует, чтобы мы пока были независимы и сильны... Мы приняли эти указания, сознательно согласившись с ними» [25].

Грузины же просили своевременно прибывших немцев о помощи и поддержке в вопросах внешней и внутренней политики. Когда 25 мая в Поти высадились первые 3 тыс. немецких солдат, судьба Закавказской федерации была предрешена. В тот же день на вечернем заседании сейма А. Церетели сделал следующее заявление: «Социал-демо-

кратическая фракция и вообще грузинский сектор Сейма пришли к такому убеждению, что вокруг лозунга «независимости» объединить закавказские народности не удалось, и факт распада Закавказья уже налицо. Отсутствие этого единства особенно обнаружилось во время переговоров с Турцией. Наша сторона игнорировалась, как сторона меньшинства, и мы теперь вынуждены объявить о независимости Грузии... На завтрашнем заседании сейма мы констатируем факт распада Закавказской республики». После того как грузинская делегация покинула сейм, мусульманская фракция приняла резолюцию, в которой говорилось, что «если Грузия объявит свою независимость, то с нашей стороны должно последовать объявление независимости Азербайджана» [26].

Закавказская федерация, просуществовавшая чуть больше месяца, стала своеобразным переходным мостиком из имперского прошлого в независимое настоящее. Четкое разделение сейма по национальному признаку на три составные группы демонстрировало разное видение будущего как региона в целом, так и каждой его части. Грузинские политики, активно выступавшие с трибуны сейма, были прямо нацелены на скорейшее отделение и объявление независимости под патронажем одной из великих держав, армяне — на создание самостоятельного государства, включавшего в себя и Турецкую Армению, или автономного образования в составе России, правда, не советской. Азербайджанские тюрки, потеряв надежду на национальную автономию в составе Российской Федеративной Республики, желали войти в состав этнически и конфессионально близкого им государства, каким, бесспорно, была Турция. Наступление турецких войск их не затронуло, более того, они с радостью ждали прихода своих религиозных братьев, что сделало невозможным совместные операции на фронте против турок. Азербайджанцы, составлявшие

Мусульманский корпус, не хотели воевать против единоверцев и требовали скорейшего заключения мира с ними, практически на любых, даже самых невыгодных условиях. Так что вина за развал Закавказской федерации лежит как на грузинской стороне, сепаратно договорившейся с Германией и первой объявившей о независимости, так и на азербайджанской, позиция которой не позволила дать организованный отпор захватчикам, будем называть вещи своими именами.

Обособленные переговоры трех нацсоветов и самостоятельные действия национальных корпусов, собранных в рамках Кавказской армии, фактически означали растаскивание Закавказья на куски. Оставалось утвердить это деюре, что и произошло в течение трех майских дней 1918 года, когда вместо такого аморфного объединения, как Закавказская Федеративная Республика, возникли три самостоятельных друг от друга государственных образования.

На следующий день после роспуска сейма члены мусульманской фракции созвали чрезвычайное заседание для обсуждения создавшегося положения. После продолжительных дебатов решили создать Временный национальный совет под председательством Расул-заде. Исполнительный комитет возглавил Хойский. 28 мая, на первом заседании Национального совета, было принято решение о провозглашении Азербайджана независимым государством, а Хойский объявил состав временного правительства.

НЕЗАВИСИМОСТЬ НА ТУРЕЦКИХ ШТЫКАХ

ОТКРЫТАЯ КОНФРОНТАЦИЯ. Кровавые мартовские события в Баку стали своеобразной пробой сил для двух противоборствующих сторон, после чего состоялся скорый переход к открытой конфронтации. Первый поход частей находившегося в стадии формирования Мусульманского корпуса под командованием князя Левана Магалова с одновременным движением со стороны Дагестана отряда имама Наджмуддина Гоцинского закончился неудачей. Именно это продемонстрировало лидерам «независимого» Азербайджана всю ограниченность их средств и необходимость скорейшего обретения сильного партнера и союзника.

У азербайджанского правительства практически не оставалось выбора: либо пригласить турок, либо быть уничтоженными Баксоветом, который открыто объявлял о скором походе на контрреволюционную Гянджу, ставшую первой столицей молодой республики. В конце мая 1918 года в этот город вошли передовые части 5-й турецкой дивизии, а на следующий день туда из Тебриза переехал генерал Нури-паша, незамедлительно приступивший к формированию Кавказской исламской армии (или «Армии ислама», как ее часто называли советские историки). В нее вошли 5-я Кавказская и 15-я Чанахалинская дивизии турецкой армии и части Мусульманского корпуса, переименованно-

го к тому времени в Азербайджанский. Всего численность армии составляла примерно 20 тыс. человек.

Постфактум расцветавший турецко-азербайджанский союз был закреплен 4 июня 1918 года в рамках Батумской мирной конференции договором о мире и дружбе (полный текст вы можете найти в приложении), являвшимся первым официальным соглашением Азербайджанской Республики с иностранным государством. С азербайджанской стороны договор подписали председатель Национального совета Мамед Эмин Расул-заде и министр иностранных дел республики Мамед Гасан Гаджинский, с турецкой — министр юстиции Халил бек и главнокомандующий Кавказским фронтом Вахиб-паша. Важнейшей являлась четвертая статья этого документа, по которой «императорское оттоманское правительство обязуется оказывать помощь вооруженной силой правительству Азербайджанской Республики, буде таковая потребуется для обеспечения порядка и безопасности в стране».

Договор обязывал Азербайджан безотлагательно урегулировать все отношения с новоиспеченными соседями в лице Грузии и Армении, в первую очередь территориальные споры, подписать соответствующие протоколы и доложить турецкому правительству (ст. 3). По пятой статье азербайджанское правительство должно было заняться разоружением и изгнанием вооруженных бандформирований с приграничных территорий республики. Десятый пункт подтверждал условия Брест-Литовского договора и его признание обеими подписавшими сторонами. Была также достигнута договоренность о ратификации соглашения в течение одного месяца и обмене ратифицированными документами в Стамбуле.

В тот же день Турция заключила подобные соглашения с двумя другими закавказскими республиками. Благодаря этой серии соглашений турецкое правительство получило

практический контроль над территорией Южного Кавказа, в частности над железными дорогами (за перевозками по ним наблюдали именно турецкие офицеры), а также за численностью и дислокацией войск Грузинской и Армянской республик. Как справедливо отмечает советский историк А.Б. Кадишев, «договоры Армении и Грузии с Турцией были заключены на более тяжелых условиях, чем Брест-Литовский мир. Согласно этим мирным договорам, к Турции, помимо предусмотренных Брестским договором, отошли еще следующие территории: Ахалкалакский и Ахалцихский уезды, Сурмалинский и значительная часть Александропольского, Эчмиадзинского, Эриванского и Шаруро-Даралагязского уездов, всего 12 421 кв. верст с населением в 655 000 человек. Всего Турцией было захвачено 38 000 кв. верст территории с населением в 1 250 000 человек, то есть 20,6% территории и 18,5% населения всего Закавказья. От Грузии к Турции отошла территория в 10 000 кв. верст с населением в 350 000 человек, а от Армении — территория в 28 000 кв. верст с населением в 900 000 человек» [27].

В свете событий лета 1918 года говорить о признании какого-то «международного авторитета Азербайджанской государственности», как это делают многие азербайджанские историки, не просто некорректно, а вообще смешно. Азербайджанская делегация в Стамбуле в июле беспомощно наблюдала, как Германия, Турция и РСФСР открыто торгуются за бакинскую нефть. Договор с Турцией от 4 июня просто узаконил пребывание ее войск на территории бывшей Российской империи и новые территориальные приобретения, полученные турками в ходе стремительного продвижения вглубь развалившегося Кавказского фронта. Именно это соглашение позволило им претендовать на бакинскую нефть и одержать вверх в споре за контроль над Азербайджаном со своим союзником — Германией.

НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. Активные военные действия начались в начале июня 1918 года. Части Кавказской Красной армии 10 июня (главнокомандующий — комиссар по военно-морским делам Бакинского Совнаркома Г. Корганов, общая численность — от 10 до 13 тыс. человек) выступили из района Аджикабула по направлению к Гяндже, продвигаясь вдоль Закавказской железной дороги. Они с боем взяли станцию и село Кюрдамир 12 июня. До середины месяца советские войска успешно продвигались вперед, достигнув селения Карамарьян. Это вселило уверенность в руководство Бакинского Совнаркома и позволило в телеграмме Ленину написать следующее: «Настроение в наших войсках бодрое, порядок образцовый, флот будет героически отстаивать Советскую власть» [28].

С середины июня советские войска стали вступать в тяжелые затяжные бои с турецкими регулярными частями. Первое трехдневное столкновение у Карамарьяна (16—18 июня) соединения Красной армии выдержали с честью. Турецкие и азербайджанские части вынуждены были отступить к Геокчаю, потеряв до тысячи человек убитыми и ранеными. Турки растерялись, не ожидая такого ожесточенного сопротивления. «Подробности поражения 17 июня произвели на командование армии удручающее впечатление», — писал начальник штаба 5-й Кавказской дивизии подполковник Рюшту.

Это поражение мгновенно развеяло надежду правительства на легкую победу над большевиками, в его рядах наблюдалась даже некоторая паника. В письме министра иностранных дел Гаджинского находившемуся тогда в Стамбуле Расул-заде есть такие показательные строки: «Положение наше на фронте очень неважное. Вперед не можем двигаться. Большевики великолепно дерутся, имеют много снарядов... Обо всем этом я давал подробную телеграмму, просил настоять перед Энвером о скорейшей

присылке еще одной дивизии, иначе все погибнет, Баку мы не получим. Престиж Турции упадет. Если хотите, он уже начал падать» [29].

Турки к концу месяца смогли закончить переброску войск к Гяндже, что позволило значительно увеличить численность войск, соприкасавшихся с противником, — до 15 тысяч штыков и сабель. Фактор своевременно подготовленных резервов сыграл ключевую роль в столкновении турецко-азербайджанских войск с Красной армией. Здесь можно поспорить с военным историком Кадишевым, считавшим спешное решение Бакинского Совнаркома о наступлении на Гянджу правильным: «Нельзя было допустить, чтобы мусаватисты получили помощь от интервентов. Промедление могло лишь усилить угрозу Баку. Обстановка требовала удержания в своих руках инициативы, чтобы бить противника по частям. Успешное наступление на Гянджу позволило бы также установить связь с районами Азербайджана, находившимися еще под господством мусаватистов... Наконец, разгром войск мусаватистов открывал дорогу в Грузию и Армению и давал возможность объединить революционные силы Закавказья. На случай же, если бы германо-турецкие войска успели бы до этого прийти на помощь мусаватистам и создать в районе Гянджи сильную группировку войск, намечено было организовать оборону в районе Евлах на р. Куре» [30].

Бакинский Совнарком бросил на противника практически все имевшиеся на тот момент силы, не позаботившись о крепких резервах, в отличие от турецких сил, регулярно получавших подкрепления. Слабая мобилизация не смогла восстановить численность советских войск. Это позволило туркам получить значительное превосходство в живой силе на основном направлении.

Командующий 5-й дивизии Мюрсель-паша предложил лобовую атаку с одновременным обходным продвижением

на Шушу. Сражение под Геокчаем продолжалось несколько дней и закончилось отступлением советских войск на Карамарьян. Оно оказалось переломным моментом в противостоянии, после которого инициатива полностью перешла к Кавказской исламской армии Нури-паши. 2 июля советские части оставили Ахсу, десятого, после трехдневных боев, — Кюрдамир, четырнадцатого — станцию Керар и продолжали отходить вдоль железнодорожной ветки.

Бакинский Совнарком начал бить тревогу. В телеграмме от 13 июля Шаумян просит о срочной помощи: «Положение на фронте ухудшается. Одних наших сил недостаточно. Необходима солидная помощь из России» [31]. Тем временем протяженность фронта стала стремительно расти, растягивая потрепанные части Красной армии. Уже в июле бои шли на трех направлениях — Шемахинском, Сельдиском и центральном, Кюрдамирском. На левом и правом действовали в основном турки, а в центре они были разбавлены пятитысячной группировкой азербайджанских войск под командованием полковника Г. Салимова, будущего заместителя начальника Генерального штаба Азербайджана. Измотанные красноармейцы уже не могли долго обороняться и начали отступать по всему фронту вслед за побежавшими дашнаками. Линия фронта стала быстро приближаться к Баку: 20 июля пала Шемаха, 26-го — станция Карасу, 27-го — Аджикабул.

Шаумян в телеграмме от 26 июля в очередной раз требовал от Москвы срочной людской и материальной помощи: «Положение на фронте ухудшается с каждым днем. В Шемахинском направлении наши войска отступили до Баку и переформируются по линии железной дороги... Положение крайне серьезное... Чтобы спасти Баку для России, необходима скорая помощь войсками из России. Настоятельно прошу принять все меры для немедленной переброски регулярных воинских частей. Против нас воюют

регулярные турецкие войска, имеются германские инструкторы» [32]. Однако руководителя Бакинской коммуны тревожили не только поражения на фронте, но и их последствия в самом городе, где власть стала ускользать из рук большевиков.

Недовольные неудачами на фронте правые эсеры, меньшевики и дашнаки 25 июля созвали экстренное заседание Бакинского совета, на котором подняли вопрос о приглашении британских войск для защиты города. «По обсуждению вопроса, большинством 259 голосов правых эсеров, дашнаков и меньшевиков против 236 голосов большевиков, левых эсеров и группы левых дашнаков принята резолюция о приглашении англичан и составлении правительства из всех советских партий; эта резолюция встретила также самое резкое осуждение с моей стороны как представителя центральной власти. Предательство по отношению к нам совершили своим голосованием дашнаки явное» [33], — писал глава Баксовета. Одновременно около 3 тыс. солдат, представлявших армянские части, отказались выступить на фронт, а временно командовавший частями Красной армии в Баку Аветисов потребовал от Баксовета незамедлительно начать переговоры с турками. Под таким мощным давлением Бакинский Совнарком не выдержал и 31 июля на своем экстренном заседании сложил с себя полномочия. «Имея категорические заявления от командующего армией Аветисова и начальника штаба (отряда) Петрова тов. Степанова, что сдача города уже неизбежна и что это вопрос нескольких часов и, с другой стороны, не желая мешать населению в испытании последнего средства — желая сдаться на милость победителя, — Совет народных комиссаров решил сложить свои полномочия и эвакуировать военные силы и государственные имущество Советской России на пароходы» [34]. Это обращение стало последним «прости» для Бакинского Совнаркома.

Еще 29-го числа оставшиеся отряды красноармейцев отошли в район Баладжары, находившийся уже по соседству с самим городом. К началу августа турецко-азербайджанские части оказались под стенами Баку. Тем временем в городе появилась новая власть: 1 августа управлять городом стало правительство «Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного Исполнительного Совета рабочих и солдатских депутатов», сформированное на базе блока правых эсеров, меньшевиков и дашнаков.

Уже 4 августа в Баку появился передовой отряд британских войск под командованием полковника Стокса, а 17-го — сам командующий британскими силами в Северной Персии генерал-майор Л. Денстервиль с остальными подразделениями. Всего английский контингент, по данным советских и ряда азербайджанских историков, не превышал 1 тыс. солдат и офицеров (3 батальона, батарея полевой артиллерии и несколько броневиков). Однако современный специалист в области истории вооруженных сил А.И. Дерябин считает такие цифры несколько заниженными. По его подсчетам, «в августе 1918 г. в Баку во главе с генералом Денстервиллем прибыли около 1,3 тыс. пехотинцев, броневедомительный пулеметный эскадрон (6 машин), 8-я батарея Королевской полевой артиллерии и 21-я горная артиллерийская батарея (всего 16 орудий), а также 2 самолета «Мартинсайд» (из 72-й эскадрильи Королевских воздушных сил) — всего до 3 тыс. человек (включая вспомогательные подразделения)» [35].

В любом случае, этих сил было явно недостаточно для полноценной защиты города от наступавшей армии, что резко уменьшило оптимизм новой власти по поводу успеха дальнейших военных действий. Тем более что уже 5 августа турки сломали сопротивление армянских частей, на плечах отступавших солдат ворвались в город со стороны Волчьих ворот и начали занимать район Биби-Эйбат. Спас

положение стремительный удар отряда Петрова, подчинявшегося большевикам. Турки были отброшены на 15 км за пределы города. «Противник под прикрытием усиленного артиллерийского, пулеметного и оружейного огня перешел в контратаку и вынудил части 10-го и 13-го полков к отступлению. Для подавления огня противника артиллерийские части не располагали излишками снарядов. Потери были значительные. Если бы противник продолжал преследовать отступающие части, то вероятно, подвергся бы опасности и участок Эйбат-Баладжары. Таким образом, наступление 5 августа 1918 г. северной группы было отбито противником», — вынужден был признать начальник штаба 5-й турецкой дивизии подполковник Рюштю.

Однако это стало последним успехом защитников Баку. В августе большевики, отказавшиеся сотрудничать с Диктатурой Центрокаспия, начали эвакуацию в Астрахань своих сил, однако руководящий состав во главе с комиссарами Шаумяном и Джапаридзе был арестован и через некоторое время переправлен в Красноводск. Дальнейшая их судьба известна: улицы имени 26 бакинских комиссаров были во многих городах Советского Союза.

Турки тем временем готовились к решающему штурму города, для чего из Карса была переброшена еще 9-я пехотная дивизия под командованием Сулейман-паши. Все же для штурма турецкое командование сосредоточило на подступах к городу до 10 тыс. солдат при 40 орудиях. С 26 августа началось новое наступление турецких войск под командованием Халил-паши, англичане под нажимом значительно превосходящих сил медленно откатывались к городским районам. Денстервиль 1 сентября проинформировал Бакинское правительство о невозможности продолжения обороны, заявив, что «никакая сила на земле не может спасти Баку от турок» и что необходимо незамедлительно начинать переговоры о перемирии. Сам генерал

стал готовить эвакуацию своего малочисленного отряда, потерявшего в боях с турками 125 человек. В день последнего штурма города, 14 сентября, англичане не принимали участия в отражении нападения и вечером спешно отплыли обратно в Энзели. Вслед за ними бежали члены Диктатуры Центрокаспия и часть армянского населения.

15 сентября Баку занят турецкими и азербайджанскими частями, которые в течение трех дней занимались грабежом и резней мирного немусульманского населения, в первую очередь армянского, не сумевшего покинуть город. По различным данным, после захвата Баку было убито, точнее, просто вырезано, от 30 до 35 тыс. человек. «Трупный запах, говорится в одном документе, целую неделю не давал возможности ходить по улицам» [36]. Показательно, что демократические руководители республики не только не скрывали этой позорной страницы победоносного вступления в Баку, но даже оправдывали всех ее виновников. Лично глава кабинета министров Фатали-хан Хойский в парламенте заявил: «Правда, при взятии города происходили некоторые события, вызывающие лишь огорчение и сожаление. Правительство не скрывает этого и считает недостойным сокрытие удручающих фактов. Правда и то, что многие испытали тяжелые переживания... Однако, возможно ли было, чтобы правительство полностью предотвратило эти события? Думается, взвешивая на них оком справедливости признают, что ни одно правительство в мире не смогло бы их предотвратить. Ведь здесь были истреблены мусульмане, попораны их человеческие права. Город был взят после трехмесячных сражений, и гнев населения достиг апогея...» [37]. Таким образом, правительство демократической республики, как себя позиционировали эти люди, открыто одобрило резню немусульманского населения столицы в качестве адекватного ответа — просто мести — на кровавые мартовские события с участием армянских вооруженных отрядов.

17 сентября в Баку прибыло правительство во главе с Ф. Хойским, получив в подарок от своих союзников полу-сожженный город. Тем не менее переезд азербайджанского правительства ознаменовал собой важную тактическую победу молодой республики, доказавшей свое превосходство над основным противником того времени — Бакинским советом. Это событие означало прекращение двоевластия в регионе.

Номинально власть действительно переходила в руки правительства Хойского, фактически же полновластным хозяином являлся командующий турецкими войсками на Кавказе Нури-паша. Более того, не признавая Азербайджанскую Республику как суверенное государство, турецкое правительство даже не назначило туда своего дипломатического представителя в отличие от соседних Армении и Грузии.

Таким образом, состоявшееся контрнаступление турецких войск и азербайджанских частей, соединенных в Кавказскую исламскую армию, фактически означало продолжение широкомасштабного наступления турок в ходе завершающего этапа Первой мировой войны. Цели, которые преследовало этим движением турецкое командование на Южном Кавказе, весьма ясны и понятны. Во-первых, получить контроль над максимумом территорий на Кавказе, другими словами, реанимировать границы Османской империи XIX столетия, например по Адрианопольскому миру 1829 года, плюс максимально расшириться за счет армянских территорий. Во-вторых, открыть прямой доступ к мусульманским губерниям бывшей Российской империи, Бакинской и Елисаветпольской, и тем самым получить проход на конфессионально близкий Северный Кавказ. В-третьих, выйти к Каспийскому морю и таким образом угрожать позициям своего главного противника на Ближнем Востоке, Англии, уже с нескольких сторон. В-четвертых, захватить

контроль над бакинской нефтью и закавказским транзитом, то есть над коммуникационной сетью региона, в частности, над главной стратегической дорогой, соединяющей Черное и Каспийское моря: Баку — Батум. Поэтому-то заключение 4 июня 1918 года договора о мире и дружбе с новоиспеченной Азербайджанской Республикой соответствовало всем основным задачам Турции в регионе.

Совершенно очевидно, что в этом случае нельзя говорить о какой-то самостоятельной политике Азербайджанской Демократической Республики, так как основной костяк сил, начавший под лозунгом освобождения Азербайджана от большевиков борьбу с отрядами Красной армии, составляли регулярные части турецкой армии. Азербайджанцы составляли не более четверти от общего состава, были хуже вооружены и дисциплинированы, хуже обеспечивались оружием и продовольствием. Таким образом, корректнее говорить не о борьбе войск Азербайджанской Республики с советскими войсками, а все-таки о военных действиях между регулярными частями турецкой армии, подкрепленной немногочисленными азербайджанскими отрядами, и Красной армией вместе с добровольцами Бакинского совета. То есть основным виновником победы Азербайджанской Республики были приглашенные турецкие части.

Бесспорно, что этот шаг Азербайджанской Республики — мгновенное заключение военно-политического союза с конфессионально близкой Турцией — позволил одержать ей первую и крайне важную тактическую победу. Однако в стратегическом плане это сильно ударило по имиджу новой демократической республики, сковав практически все ее шаги на внешнеполитической арене. Можно сказать, что этим соглашением республика накинута на себя удавку, так как впоследствии она не могла осуществлять контроль за собственной территорией, где полностью

распоряжались турецкие коменданты, назначенные Нури-пашой, и начальники определенных турецких частей.

Турция также могла праздновать тактический успех, который, однако, очень скоро привел ее к серьезному стратегическому провалу — поражению в мировой войне. Поход турецких частей под командованием Нури-паши не зря назывался многими авантюрой, ведь для его осуществления и создания мощного кулака на Бакинском направлении генерал оголил другие фронты Турции (Сирия и Месопотамия). Именно это стало одной из причин скорого краха Османской империи осенью 1918 года и заключения Мудросского перемирия со странами Антанты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: **Исхаков С.М.** Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 гг.). — М., 2004.
2. Протоколы закавказских революционных советских организаций в 1917 г. — Тифлис, 1927. — Т. 1. — С. 208—209; 361.
3. **Попов А.Л.** Из истории революции в Восточном Закавказье (1917—1918 гг.). // Пролетарская революция. — 1924. — № 7/30. — С. 127.
4. **Хейфец С.Я.** Закавказье в первую половину 1918 г. и Закавказский сейм // Былое. — 1923. — № 21. — С. 304.
5. Там же. — С. 303.
6. Цит. по: **Саркисян А.З.** Великий Октябрь и непролетарские партии Закавказья. — Ереван, 1990. — С. 84.
7. **Попов А.Л.** Указ. соч. — С. 142.
8. Там же. — С. 141.
9. **Хейфец С.Я.** Указ. соч. — С. 302.
10. **Сеф С.Е.** Борьба за Октябрь в Закавказье. — Тифлис, 1932. — С. 74.
11. Цит. по: **Саркисян А.З.** Указ. соч. — С. 89.
12. **Хейфец С.Я.** Указ. соч. — С. 298.
13. Там же. — С. 301.
14. Там же. — С. 306.
15. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. — Тифлис, 1919. — С. 98.
16. **Хейфец С.Я.** Указ. соч. — С. 303.
17. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. — Тифлис, 1919. — С. 178.
18. **Саркисян А.З.** Великий Октябрь и непролетарские партии Закавказья. — Ереван, 1990. — С. 108.
19. **Байков Б.Л.** Воспоминания о революции в Закавказье // Архив русской революции. — М., 1991. — Т. 9—10. — С. 114.

20. Там же. — С. 121.
21. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане: Документы и материалы. 1917–1918 гг. — Баку, 1957. — С. 333.
22. Там же. — С. 347–348.
23. Там же. — С. 122.
24. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. — Тифлис, 1919. — С. 309–310.
25. Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ. — Т. 8. — С. 80.
26. Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 г. — Баку, 1920. — С. 13–14.
27. **Кадиев А.Б.** Интервенция и гражданская война в Закавказье. — М., 1960. — С. 95.
28. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане: Документы и материалы. 1917–1918 гг. — Баку, 1957. — С. 508.
29. Цит. по: **Кадиев А.Б.** Указ. соч. — С. 112.
30. Там же. — С. 110–111.
31. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане: Документы и материалы. 1917–1918 гг. — Баку, 1957. — С. 557.
32. Там же. — С. 598.
33. Там же.
34. **Шаумян С.Г.** Статьи и речи. 1917–1918 гг. — Баку, 1929. — С. 232.
35. **Дерябин А.И.** Гражданская война в России 1917–1922: Войска интервентов. — М., 1998. — С. 14.
36. Цит. по: **Кадиев А.Б.** Указ. соч. — С. 153.
37. Там же.

Глава третья

КРАТКИЙ МИГ
СВОБОДЫ

В ЗАЛОЖНИКАХ БОЛЬШОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

БОРЬБА ЗА КОНТРОЛЬ НАД РЕГИОНОМ. Баку давно уже являлся объектом пристального внимания различных внешних сил, и Гражданская война только вскрыла это положение вещей. Став экономическим центром региона, он стал ареной борьбы как частных корпоративных, так и государственных интересов. Территория Восточного Закавказья сразу после революционных событий в России попала в планы противоборствующих сторон по причине своего важного геостратегического значения. Как справедливо пишет современный турецкий исследователь Омер Коджаман, «в международном аспекте Закавказье, особенно Баку, превратилось в арену борьбы за энергетические ресурсы, в поле жестоких столкновений геополитических и стратегических интересов Турции, России и западных стран» [1].

Его дополняет азербайджанский историк П. Дарабади: «В условиях продолжавшейся войны геополитическая борьба между Антантой и Тройственным союзом, а также появление нового, враждебного обеим группировкам военно-политического фактора — Советской России, борьба за установление своего контроля над всем Кавказско-Каспийским регионом приобретала приоритетный характер на Среднем Востоке. Ключом же к достижению этой гео-

стратегической цели был крупнейший промышленный центр Кавказа — Баку, дававший в канун войны около 80% российской и 15% мировой нефти. Захват этого крупнейшего промышленно-финансового центра Кавказа и порта на Каспии открывал широкие перспективы для установления полного контроля над всей акваторией Каспийского моря. К тому же в Баку были сосредоточены десятки нефтеперерабатывающих заводов, другие крупные промышленные предприятия. Важным военно-стратегическим фактором являлось и прохождение по территории Азербайджана магистральных железнодорожных, шоссейных и грунтовых дорог, соединявших все основные регионы Закавказья с Северным Кавказом, а также сооруженный в 1907 году нефтепровод Баку — Батум, захват которых создавал бы серьезную угрозу для всей хозяйственно-экономической жизни Кавказа».

Особенно четко стремление зарубежных стран получить контроль над регионом, представлявшим собой наиболее лакомый кусок бывшей империи, сформулировал генерал А.И. Деникин в знаменитых «Очерках русской смуты». «Бакинская нефть особенно крепко владела умами и чувствами европейских и азиатских политиков. С весны (1918 года. — **Примеч. авт.**) началось резкое соревнование и «бег взапуски» в области войны и политики к конечной цели — Баку — англичан с Энзели, Нури-паши через Азербайджан и немцев через Грузию» [2], — писал один из лидеров Белого движения. Помимо получения бакинской нефти турецкое правительство во главе с Энвер-пашой предполагало реализовать в регионе свои обширные панисламистские планы по консолидации всех мусульманских народов в одно единое государство под эгидой Турции. В этих планах важное место отводилось как Азербайджану, так и Северному Кавказу, где возникла Горская республика.

Борьба за контроль над регионом, практически потерянным в то время для Петрограда, быстро превратилась из столкновения двух блоков в многосторонний конфликт, где каждый из игроков оказался сам за себя. В частности, стремительное продвижение турецких войск в бакинском направлении не вызвало большой радости даже у их союзников — немцев. Во-первых, потому что Германия оказалась за бортом дележа кавказской нефти, а во-вторых, рухнули ее планы по использованию войск союзника в Северной Персии, где ситуация складывалась очень тяжелой. Как писал начальник Генерального штаба Германии генерал Людендорф, «в Северной Персии турки могли иметь превосходство над англичанами... Но Энвер и турецкое правительство больше думали о своих панисламистских целях на Кавказе, чем о войне с Англией» [3].

Великобритания традиционно стремилась к установлению контроля над Закавказьем, являвшемся одним из направлений политики сдерживания российского продвижения на Восток под соусом часто декларируемого англичанами тезиса о перманентной русской угрозе Индии. Баку являлся ключом к господству на Каспии и отправной точкой трубопровода Баку — Батум. Британские дипломаты, понимая всю важность этого региона, еще в конце 1917 года «отвоевали» его у своих союзников. Согласно секретной британо-французской конвенции от 23 декабря 1917 года английскую долю в поделенной территории России составляли Дон, Кавказ и Туркестан — территория Каспийского бассейна. Еще с конца 1917 года британское командование стало разрабатывать план операции по захвату Баку, для чего был специально сформирован отряд генерала Л. Денстервиля. С лета 1918 года операция по занятию столицы нефтяного края стала готовиться уже в непосредственной близости от Азербайджана — в иранском порту Энзели, занятом англичанами. Закрепиться в Баку в августе

1918 года малочисленному британскому отряду не удалось, они были выбиты турками, однако Денстервиль не считал эту попытку авантюрой. «Значение Баку было огромным, и любой риск попытки овладеть им оправдывался безусловно» [4], — писал впоследствии генерал.

Как справедливо резюмирует современный азербайджанский исследователь Р.С. Мустафа-заде, «военно-политическая ситуация в Баку и вокруг него в этот период представляла собой сложную конфигурацию из внешних и внутренних сил самой разной национальной и политической принадлежности, каждая из которых стремилась установить контроль над этим важнейшим стратегическим и нефтяным центром» [5]. Таким образом, нет никаких оснований говорить о самостоятельной внешней политике Азербайджанской Демократической Республики, скорее о том, что ее создание и относительно «свободное» существование входило в планы крупных мировых держав. На первом этапе это полностью подходило Турции, получившей карт-бланш в Восточном Закавказье. Договоры с новоиспеченными закавказскими республиками только закрепили доминирующее положение Османской империи на Южном Кавказе, в первую очередь в Азербайджане, который контролировался Нури-пашой.

Свою беспомощность и полную зависимость от турецких «партнеров» быстро поняли руководители Азербайджана, однако кроме отчаянных посланий в Стамбул и к Нури-паше они ничего сделать не могли. В тот период положение страны было сравнимо с хлипкой щепкой, несущейся помимо своей воли по волнам мировой политики, которые могли вынести ее на любой берег в зависимости от направления ветра.

Тогда ветер подул в паруса Антанты, страны которой осенью 1918 года получили полную свободу действий на Ближнем Востоке и Кавказе. Уже в ноябре того же года

сразу после эвакуации турецких войск началась британская оккупация, что также не позволяет говорить о начале самостоятельного существования республики, скорее о простой смене куратора. Тем более что в начале своей деятельности в Баку генерал В. Томсон четко определял Азербайджан как составную часть России, не признавая вообще правительство республики. Это весьма логично в свете тогдашней активной поддержки союзниками Белого движения, в частности Добровольческой армии под командованием А.И. Деникина. Именно ноябрь 1918 года считается началом нового периода истории Азербайджана — британского.

Только в конце 1919 года, после изменения ситуации в пользу большевиков, было принято решение о признании де-факто Азербайджана и Грузии, что полностью соответствовало изменившимся планам Великобритании и других стран. Это входило в общую концепцию сдерживания русского медведя, в данном случае красного, в его берлоге. Создание такого рода государственных образований на границах бывшей империи представляло собой очередной шаг в ходе строительства санитарного кордона, если хотите, высокого заградительного забора вокруг всей территории Советской России. Признание великими державами Азербайджана и соседней Грузии вместе с обещаниями значительной материальной помощи являлось просто вбиванием очередного кола для укрепления этого забора и ликвидации щели на его восточной стороне.

С этим вынуждены согласиться даже азербайджанские исследователи. В частности, Мустафа-заде отмечает, что «поддержка АДР осуществлялась Антантой лишь постольку, поскольку она отвечала интересам экономической блокады большевистской России, отрыва от нее важных в экономическом и стратегическом отношении областей, сужения сферы ее влияния на европейском и южно-кавказском

направлениях и, в конечном счете, расчленения России как великой державы. И было вполне закономерным, что со сменой приоритетов в отношениях с большевиками в начале 1920 г. у союзных держав пропал интерес к национальным республикам, и в частности к АДР» [6].

Попытки закрепиться на Южном Кавказе в то время делали также США и Италия. Однако в обоих случаях значительные финансовые расходы по содержанию военной и дипломатической миссий, малопрогнозируемое развитие ситуации и серьезная угроза со стороны Советской России не позволили им перевести проекты по контролю над регионом в практическую плоскость.

ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. Тем не менее руководство Азербайджанской Республики пыталось делать самостоятельные шаги для решения главных задач, стоящих перед любым новообразованным государством. Основной внешнеполитической задачей молодого государства было, конечно же, международное признание его суверенитета, границ и т. д. Поэтому-то присутствием своей делегации на Парижской мирной конференции правительство делало пусть робкий, но все-таки шаг в сторону самостоятельности и независимого существования в будущем. Эта тема не теряла своей актуальности на протяжении всего 1919 года, и ее положительное, хоть и половинчатое решение по итогам мирной конференции можно считать первым серьезным внешнеполитическим успехом страны.

В декабре 1918 года, в преддверии мирной конференции, парламент Азербайджана утвердил состав делегации для участия в этом крупнейшем международном форуме начала XX века. Ее руководителем был избран один из авторитетнейших политических деятелей той поры Али Марданбек Топчибашев. Его заместителем стал бывший министр иностранных дел Мамед Гасан Гаджинский, в со-

став делегации вошли Акбер-ага Шейхульисламов, Ахмед-бек Агаев, консультанты Джейхун-бек Гаджибейли, Магомед Магеррамов и Мир-Йагуб Мирмехтиев. Также в состав делегации включены были два секретаря и три переводчика (с английского, французского и турецкого языков).

В январе 1919 года делегация в полном составе прибыла в Стамбул, откуда после получения французской визы должна была сразу отправиться в Париж. В столице Османской империи она появилась одновременно с делегациями других кавказских государственных образований — Горской республики и Грузии и вместе с ними задержана на длительный срок — три месяца. Одной из причин такой задержки стал нежелательный состав закавказских делегаций. В частности, повышенное внимание союзников вызывал Ахмед-бек Агаев, в прошлом известный турецкий журналист и общественный деятель, а главное, политический советник Нури-паши. Топчибашев в своих донесениях главе правительства Хойскому фиксирует настоятельные рекомендации представителей европейских стран не брать его с собой. Тем не менее азербайджанские дипломаты решили проявить самостоятельность и отказались изменять состав, что явно показывает их недальновидность. Отстоять Агаева все равно не удалось, зато обеспечило азербайджанцам длительную задержку в Стамбуле и настороженное отношение представителей Антанты. Агаева не смогло спасти ни членство в азербайджанском парламенте, ни рекомендательное письмо британского генерала Томсона из Баку: в марте он по требованию союзников был арестован, отправлен на Мальту и не участвовал в мирной конференции.

В делегации были четко определены обязанности всех ее сотрудников, начиная от председателя и заканчивая секретарями и переводчиками. Жесткому распределению способствовало разделение сфер ответственности членов делегации на три обособленных сектора — политический,

экономический и информационно-пропагандистский. Топчибашев отвечал за первый сектор, куда, естественно, входила подготовка всех меморандумов и нот от имени азербайджанского правительства. Кроме того, он как председатель делегации решал все организационные вопросы. Его заместитель Гаджинский являлся одновременно казначеем миссии, поэтому отвечал за финансово-экономический блок, также руководил всеми переговорами с представителями торгово-промышленного мира. Шейхульисламов занимался вопросами спорных и пограничных территорий, кроме того, на нем лежало составление всех статистических отчетов, диаграмм и карт. Магераммов отвечал за экономическую тематику, в первую очередь сельскохозяйственные вопросы, и составлял протоколы на азербайджанском языке. Агаев и Гаджибейли курировали третий сектор — информационно-пропагандистский, так как отлично знали Францию (оба получили там образование и несколько лет жили). То есть, говоря современным языком, отвечали за пиар-направление, что подразумевало организацию связей с европейскими СМИ, в основном с французскими, и общественными кругами.

Однако из-за того, что делегация Азербайджана не смогла отправиться в Париж в полном составе (помимо Агаева по аналогичным причинам в Стамбуле был отцеплен еще и Гусейн-заде, отвечавший за подбор историко-этнографических материалов и художественной литературы для лучшего пиара и пропаганды новой республики), распределение обязанностей было несколько скорректировано. Как можно заметить, по причине незапланированного сокращения состава делегации наиболее сильно пострадало пиар-направление, что, конечно же, сказалось в дальнейшем в ходе непростого налаживания контактов с европейской прессой и создания положительного имиджа независимого Азербайджана в глазах мировой общественности.

Кроме нежелательного состава делегации на задержку повлияло и само нежелание союзников видеть на конференции разрозненные дипломатические миссии всех новообразованных государственных объединений с территории Российской империи. Многие представители стран Антанты считали, что «русский вопрос» необходимо ставить единым блоком, куда и привязать рассмотрение вопроса о правомочности объявления независимости рядом новых республик. В начале 1919 года даже предполагалось созвать отдельную конференцию на Принцевых островах из представителей всех новых государственных образований в России с приглашением большевиков, о чем Топчибашев и проинформировал главу правительства.

Уже пробиться в Париж оказалось непростой задачей для азербайджанской делегации, что заставляет ее главу высказать большие сомнения в успехе миссии в письме премьер-министру республики: «Но вряд ли удастся даже в Париже переубедить Державы Согласия, твердо пока стоящие на почве вновь образовавшихся правительств, кроме Польши и Финляндии». Кроме того, Топчибашев не верит в скорую возможность создания полной Закавказской федерации, считая территориальные споры с Арменией непреодолимыми.

Только к середине апреля, после получения итальянской визы, удалось добиться разрешения для всей делегации выехать в Париж, так как путь во французскую столицу лежал через Рим и Марсель. Таким образом, азербайджанская делегация не смогла приехать к открытию мирной конференции и появилась там только в середине мая 1919 года. Появление на конференции подтвердили опасения Топчибашева, который в одном из донесений Хойскому отмечал, что союзники говорят о «необходимости разрешения прежде всего русского вопроса, а потом уже о выделенных из бывшей России новых образованиях с их мно-

гообразными требованиями, взаимными претензиями и спорами, коим нет числа». Глава делегации информировал премьер-министра и о представительной русской группе, в которую входил целый ряд крупных политических деятелей и дипломатов бывшей Российской империи во главе со Львовым и Маклаковым. Естественно, что эта группа вместе с левыми (Керенский, Авксентьев и другими) выступала за сохранение единой России и, соответственно, против признания независимости всех новых образований.

Наиболее значительным мероприятием первых месяцев пребывания делегации в Париже стал ее краткий прием 28 мая 1919 года президентом США Вудро Вильсоном. Он лишний раз продемонстрировал трудность поставленной перед азербайджанской дипмиссией задачи. По словам Топчибашева, «президент Вильсон был краток и ответил нам: 1) что они не хотят делить мир на мелкие части, 2) что для нас было бы лучше, если бы мы прониклись идеей образования на Кавказе федерации, 3) что эта Конфедерация могла бы находиться под покровительством какой-нибудь державы, по поручению Лига Наций, 4) что вопрос наш не может быть разрешен раньше русского вопроса».

В рамках этих рекомендаций азербайджанская делегация совместно с грузинской и северокавказской создала смешанную комиссию для рассмотрения вопроса о возможном объединении кавказских республик в один политико-экономический союз (исключая армян, по понятным причинам отказавшихся). Топчибашев в июньском донесении премьер-министру Азербайджанской Республики полон оптимизма в вопросе сближения республик: «Соглашение о таможенном и вообще экономическом союзе не встречает возражений. Не исключается возможность выработки и какой-нибудь формы политического союза. Отношения наши с грузинами и горцами хороши: с последними даже дружественны. В Меморандумах мы и

горцы заявляем о готовности создать Кавказскую Конфедерацию...».

Представители горской делегации в связи с вторжением Деникина и захватом власти на Северном Кавказе предлагали ускорить процесс объединения всех военных ресурсов, внешнеполитическую деятельность, а также бюджеты Военного ведомства и МИДа, то есть практически предлагался проект союзного договора между двумя республиками. Решение этого вопроса оставалось исключительно за Баку, однако руководство Азербайджана решило не рисковать, тем более что объединяться было уже не с кем (в конце мая 1919 года власть на Северном Кавказе перешла к ВСЮР, временным правителем Дагестана с согласия Деникина был назначен генерал М. Халилов, парламент же Горской республики был распущен). Все это привело к фактической самоликвидации северокавказской делегации, о чем с сожалением докладывал Топчибашев премьер-министру Азербайджана в своем сентябрьском послании: «Горская Делегация распалась временно сама собой, остались г. Чермоев и Азиз Бек Меккер. По условиям их страны, Делегация не функционирует, к сожалению».

Таким образом, в ходе конференции Азербайджан потерял одну дружественную им делегацию, оставшись только вместе с грузинской, с которой они продолжали тесно сотрудничать до самого конца работы во Франции. Как отмечал Топчибашев, с грузинской делегацией «имеем полный контакт по политическим и экономическим вопросам, обсуждая их на совместных заседаниях».

Блокирование происходило не только с горцами и грузинами, но и с делегациями других новообразованных государств, иногда они выступали с общими требованиями. Например, в ответ на признание верховной власти адмирала Колчака в России пятью странами Антанты (13 июня 1919 года) представители Азербайджана, Грузии, Латвии, Эстонии,

Северного Кавказа, Белоруссии и Украины 17 июня вручили коллективную ноту протеста председателю мирной конференции. Однако, по словам Топчибашева, «ни Конференция, никто из союзников на эти протесты не ответили. А в то же время продолжалась усиленная поддержка Правительства Колчака и Добровольческой Армии всеми видами и всеми способами».

В продолжение единой линии, направленной против затягивания рассмотрения вопроса о признании независимости новых государств, 8 октября 1919 года уже восемью республиками (плюс Кубань) подана совместная нота на имя председателя мирной конференции Ж. Клемансо, в которой резко осуждалась данная позиция и высказывалась просьба принять окончательное решение по этому вопросу. На рассмотрение Высшего Совета предлагались два пункта: «Первое — признание каждой из республик независимым государством, и второе — о немедленном рассмотрении территориальных, финансовых, экономических и других вопросов». Однако осенью 1919 года Топчибашев все еще констатирует стойкое невнимание ведущих мировых держав к вышеуказанным вопросам: «Союзники не только не ставят на обсуждение вопрос о нашей независимости, но, по-видимому, и не хотят это сделать. Правда, при свидании и встречах с их представителями, каждый в отдельности относится благожелательно и высказывает свои симпатии, одобряя как бы наши шаги и действия, совершенные в целях получения независимости... Но, в смысле хотя бы некоторого сдвига нашего вопроса в сторону благоприятного разрешения, положение остается почти в том же виде, в каком я писал вам в июне и в июле...».

ВЫНУЖДЕННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ. Ситуация, сложившаяся на Кавказе в конце 1919 года, внесла серьезные коррективы в планы союзников и заставила их кардинально

поменять свое отношение к вопросу признания новых республик. Как пишет О. Коджаман, «к концу октября 1919 г. на всех фронтах гражданской войны началось отступление антибольшевистских сил. Зимой 1919–1920 гг. победа большевиков стала очевидной, в том числе и на Кавказе» [7]. Таким образом, ставка на Деникина провалилась, и все усилия, направленные на его поддержку, себя не оправдали.

В связи с этим приоритетной задачей стало создание новых условий для остановки продвижения Красной армии на Кавказе, дабы не получить мощный катализатор для раскачки Ближнего и Среднего Востока, традиционно входивших в сферу интересов Великобритании и Франции. Последним толчком, окончательно повернувшим страны Антанты к признанию закавказских республик, стала отчаянная телеграмма британского верховного комиссара в Закавказье Оливера Уордропа лорду Керзону (министру иностранных дел Соединенного Королевства) от 3 января 1920 года. В ней содержалось предупреждение о скором крахе Деникина и широкомасштабном наступлении Красной армии на Кавказе и предлагалось незамедлительно признать независимость всех трех республик де-факто, чтобы создать хоть какую-то преграду на пути большевиков.

В связи с такими очевидными сигналами 10 января по предложению британских представителей была созвана сессия Верховного Совета мирной конференции, на которой присутствовали министры иностранных дел Англии, Италии и Франции, американский и японский послы во Франции вместе с представителями делегаций пяти стран на Парижской конференции. С докладом о ситуации на Кавказе выступил главный инициатор заседания лорд Керзон, проинформировавший собравшихся об угрозе большевистско-кемалистской коалиции, способной в короткие сроки взять под свой контроль весь Кавказ и Ближний Восток.

Французские представители во главе с премьер-министром Клемансо поддержали выступления своих британских коллег, предложив им в короткие сроки разработать меморандум «Об оказании помощи кавказским республикам». В связи с единой позицией лорд Керзон по предложению Ллойд-Джорджа заявил о включении в повестку следующего заседания Совета вопрос о признании независимости Азербайджана и Грузии. Что касается Армении, то в отношении нее никакого решения принято не было, так как данный вопрос считался частью более крупного «турецкого вопроса».

В результате уже 11 января 1920 года Верховный Совет принял окончательное решение. «Союзнические и объединенные государства совместно признают правительства Азербайджана и Грузии на уровне де-факто», — говорилось в его постановлении. Нельзя сказать, что оно было принято единогласно, так как представители США и Японии отказались к нему присоединиться без консультации со своими правительствами. Позднее японский представитель заявил о согласии своего правительства присоединиться к данному решению Совета, тогда как американский — об официальном отказе. Этот отказ говорил о серьезных опасениях правительства США относительно усиления английского влияния на Кавказе.

Тем не менее 15 января 1920 года представители двух закавказских республик были приглашены в МИД Франции, где их принял первый секретарь министерства Жюль Камбон вместе с британским представителем Филиппом Керром и итальянским — маркизом де-ла Торрета. Присутствовавшим там А. Топчибашеву, М. Магераммову, А. Церетели и З. Авалову было зачитано официальное решение конференции о признании де-факто Азербайджана и Грузии. Выступивший затем глава делегации Азербайджана заявил, что его республика ожидает помощи от ведущих

мировых стран: надвигается внешняя опасность в лице большевиков. Глава делегации заявил также, что надеется на скорое признание страны де-юре.

СОВЕТСКО-ТУРЕЦКАЯ УГРОЗА. Одновременно с процессом признания Азербайджана и Грузии шли жаркие споры по поводу формы участия ведущих держав в деле защиты Южного Кавказа от советско-турецкой угрозы. Представители французских и британских военных кругов выступали за прямое вмешательство путем переброски нескольких дивизий при поддержке флота, другие, учитывая сложную политическую ситуацию в Европе, Ближнем и Среднем Востоке, предлагали ограничиться финансовой, материально-технической и дипломатической помощью без переброски туда войск, необходимых в других регионах. К первой группе можно отнести маршала Франции Ф. Фоша, начальника Главного штаба Британской империи фельдмаршала Г. Вильсона, первого лорда адмирала У. Ланга, а также военно-морского министра Великобритании У. Черчилля, ко второй — британского и итальянского премьер-министров Ллойд-Джорджа и Нитти соответственно.

В результате победила более взвешенная точка зрения, представленная политическими лидерами. Осталось только уяснить размеры помощи, необходимой двум республикам. На одном из очередных заседаний Верховного Совета конференции было решено передать уже всем трем закавказским республикам оружие и военное снаряжение, предназначавшееся Деникину, но еще находившееся в пути. Они также договорились об оказании им финансовой и материально-технической помощи (поставки военного характера, то есть оружие и обмундирование) для укрепления вооруженных сил и главных стратегических пунктов, в первую очередь Баку. Планировалось также обеспе-

читать контроль над Каспийским побережьем Кавказа и акваторией Каспийского моря, для чего использовать все имевшиеся там суда, включая корабли бывшей русской флотилии, переданной союзниками Деникину (в случае угрозы ее захвата со стороны большевиков предполагалось ее потопить).

Представители азербайджанской делегации заверили всех собравшихся в том, что при наличии необходимого количества вооружения и военного снаряжения, предоставленного союзниками, в Азербайджане можно будет мобилизовать сотысячную армию, что было весьма далеко от действительности. Азербайджанской стороне жизненно важно было заинтересовать руководителей ведущих держав в необходимости оказания им срочной помощи, поэтому-то они старались убедить их любыми способами. Кроме того, Топчибашев предложил для воссоздания некоего буфера между Россией и Южным Кавказом признать де-факто и Горскую республику, что вызвало одобрение со стороны британских представителей во главе с премьер-министром Ллойд-Джорджем. В итоге обсуждения Верховный Совет принял постановление, суммировавшее все принятые меры в отношении Кавказа. В нем говорилось о невозможности переброски армии в республики Южного Кавказа, однако подтверждалось обязательство об оказании им помощи вооружением, военным снаряжением и продовольствием. Было принято решение заявить и о признании де-факто Дагестана и Армении, правда, без учета границ этой страны.

Тем не менее стоит признать, что принятие такого рода решений на Парижской мирной конференции не смогло существенно повлиять на расклад сил в регионе и на дальнейшее развитие событий, неуклонно приближавших день падения Азербайджанской Демократической Республики. Скорее оно зафиксировало небольшую заинтересован-

ность крупнейших мировых держав в продолжении открытой военной конфронтации с Советской Россией и их фактическое согласие на возвращение Кавказа в орбиту российского влияния. Европейские лидеры отлично понимали, что самостоятельно закавказские республики не выдержат натиска Красной армии, а оказанная им помощь, даже в значительных размерах, может лишь ненадолго оттянуть конец их самостоятельного существования.

Принятые в Париже в январе 1920 года решения о признании де-факто Азербайджана и оказании ему помощи означали как раз не рост интереса к нему со стороны союзников и тем более не крупный успех азербайджанской дипломатии, имевшей к этому весьма далекое отношение. Скорее они свидетельствовали об обратном — об окончательном отказе от военного присутствия в регионе, признании нецелесообразным вступать в столкновение с большевиками из-за Кавказа. Отказав в военной помощи, союзники фактически сдали Закавказье Советской России, которая не преминула этим воспользоваться, менее чем за два года восстановив полный контроль над регионом.

Таким образом, политическое признание Азербайджана в Париже нельзя оценивать «как результат успешной дипломатической деятельности азербайджанских делегатов, возглавляемых А. Топчибашевым», как пишут местные авторы, а скорее как результат серьезного изменения кавказской политики союзников, направленной на поиск или создание новых, пусть временных, преград на пути большевиков. Просто поворот оказался благоприятным для закавказских республик, не предполагавших скорого конца. Тем более что в отношении Азербайджана было принято только половинчатое решение, не сделавшее его субъектом международного права, что не позволяет говорить об огромном, прорывном успехе. Скорее это событие, на ко-

торое уходили все усилия, как человеческие, так и крупные финансовые, можно занести в актив делегации, но не как ее главную заслугу.

Кроме того, в актив делегации следует занести налаживание связей с индийскими мусульманами и нормализацию дипломатических контактов с Ираном. Топчибашев в конце 1919 года с восторгом писал, что «как и остальные персидские представители, Фируз Мирза (министр иностранных дел Ирана. — **Примеч. авт.**) подчеркивал необходимость существования независимого Азербайджана на Кавказе и категорически подтвердил заявление членов персидской делегации о том, что Иран не имеет никаких посягательств на какую бы то ни было часть Кавказского Азербайджана, которому они, персы, готовы помочь всячески во имя общих интересов...».

У делегации, судя по письмам Топчибашева, постоянно возникали проблемы материально-организационного характера, чувствовалась нехватка денежных средств для реализации всех проектов и задумок делегации (особенно в рамках пиар-направления), частенько отсутствовала регулярная связь с Баку, откуда приходили небрежно оформленные документы, не позволявшие публиковать их в таком неприглядном виде в европейской прессе, да и просто демонстрировать представителям других дипмиссий. В нескольких посланиях из Франции Топчибашев повторяет, что «к сожалению, мы совершенно не осведомлены о положении дел в Азербайджане». Все это позволяет говорить о крайней неразберихе в деятельности азербайджанского МИДа и слабой, еще незрелой организации всей внешнеполитической линии молодой республики. Надо признать, что МИД, в отличие от военного министерства, где находился целый ряд кадровых военных старой школы, не мог похвастаться наличием в своих рядах профессиональных дипломатов, имевших опыт работы в различных странах

Европы и тесного сотрудничества с зарубежными коллегами. Бесспорно, что это не могло не сказаться на результатах активной, но часто не выверенной и даже самостоятельной деятельности дипломатиков Азербайджана.

ОТНОШЕНИЯ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ. Помимо проблемы международного признания республики перед ней стоял вопрос установления дипломатических и экономических отношений с бывшей метрополией, являвшейся одним из основных игроков в регионе, главным потребителем и одновременно традиционным поставщиком Закавказья. Сложность решения заключалась в диаметрально противоположных позициях сторон, которых в этом вопросе было явно не две, а как минимум три. Имеется в виду шедшая в России ожесточенная борьба за власть между Советской Россией и Белым движением. Априори азербайджанские лидеры не могли симпатизировать лидерам Белого движения, выступавшим за воссоздание «единой и неделимой России» и не признававшим новые государственные образования на территории бывшей империи.

Действительно, отношения с Добровольческой армией, соприкасавшейся с границами Азербайджанской Демократической Республики, были далеки от идеала, скорее гораздо ближе к открытой конфронтации, однако помощь союзников и ухудшение ситуации на фронте заставила руководство Добровольческой армии, в частности Деникина, согласиться на временное перемирие и признание де-факто независимого Азербайджана, дабы иметь безопасный тыл. Это было прямо сказано на единственной личной встрече Деникина с дипломатическим представителем Азербайджана на Кубани Дж. Рустамбековым, организованной британской военной миссией в Екатеринодаре. «Можете заверить свое правительство, что у меня никаких агрессивных намерений против Азербайджана нет и не мо-

жет быть. Меня интересует всецело вопрос борьбы с большевиками», — заявил главнокомандующий Вооруженными силами юга России.

Правительство Азербайджана под британским давлением вынуждено было пойти на переговоры с Деникиным и подписать 11 сентября 1919 года акт предварительного соглашения с ним. По нему предусматривалось открытие регулярного почтового, телеграфного и радиосообщения между Ростовом и Баку вместе с восстановлением железнодорожного и водного сообщений. Добровольческая армия обязывалась вывести свои войска из Дагестана, который превращался в нейтральную зону, а азербайджанское правительство начинало подготовку торгового и финансового соглашений с Вооруженными силами юга России, заинтересованными в материальной помощи из Баку.

Тем не менее угроза вторжения Добровольческой армии существовала на всем протяжении 1919 года. Ликвидация Горской республики, являвшейся основным буфером между пылающей Россией и мирным Азербайджаном, передача судов Каспийской военной флотилии Деникину и регулярная материально-техническая помощь приближавшейся Добровольческой армии не могли не настораживать лидеров Азербайджана и не добавляли симпатий в отношении Белого движения.

Изменение ситуации произошло в конце 1919 — начале 1920 года, когда Красная армия нанесла ряд серьезных поражений Деникину, что заставило пересмотреть нейтральную позицию Азербайджана. В начале 1920 года в военных кругах республики разрабатывался план совместного удара по Деникину вместе с отрядами Нури-паши и большевиками [8], однако руководство страны, реально оценив свои силы, решило не рисковать, тем более что аскеры срочно понадобились в разгоравшемся вооруженном конфликте с Арменией.

Аналогичное отношение складывалось и к Советской России, столкновение с которой еще при рождении республики чуть не стоило ей существования. Напомним, что Бакинский Совнарком прямо позиционировался как представительство советской центральной власти, которое проводило в жизнь «все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства России — Верховного Совета Народных Комиссаров». Ликвидация Бакинского Совнаркома и захват Баку в сентябре 1918 года не могли добавить теплоты во взаимоотношения между новыми властями — советской и азербайджанской.

Советская Россия продолжала считать этот регион неотъемлемой частью России, что в этом вопросе сближало с ее принципиальным противником — лидерами Белого движения. Однако в отличие от Деникина большевики смогли проявить некую политическую гибкость, что и позволило им одержать убедительную стратегическую победу — к 1921 году все Закавказье оказалось под жестким контролем Москвы и вскоре вошло в состав единого союзного государства.

Советская дипломатия стояла на позиции непризнания закавказских республик, однако в начале 1920 года в связи с изменением ситуации на фронтах она решила использовать сходное отношение азербайджанского руководства к Добровольческой армии, предложив ей и Грузии совместно с Красной армией добить общего врага. Первым приглашением к диалогу стала радиограмма главы внешнеполитического ведомства Советской России Чичерина от 2 января 1920 года [9]. «Правительство РСФСР обращается к Азербайджану с предложением вступить в немедленные переговоры с Советским правительством о заключении военного соглашения между обоими военными командованиями, имеющего целью ускорить и добить белогвардейские армии юга России» [10], — писал Чичерин.

Аналогичное послание было направлено и в грузинский МИД. Как справедливо отмечает Р.С. Мустафа-заде, «важным и неожиданным результатом данного обращения стало то, что занятая НКВД позиция привела к крайне выгодному для АДР политическому эффекту. Ужесточение военного и дипломатического давления Советской России на АДР, связанная с ним угроза оккупации Азербайджана и выхода Красной армии к передовым рубежам зоны европейских интересов (Ближний и Средний Восток) — все это стало последним аргументом, склонившим заседавших в Париже западных лидеров и дипломатов к признанию Азербайджана. 11 января Верховный Совет Антанты признал АДР де-факто» [11].

Надо отдать должное руководству республики и лично министру иностранных дел Фатали-хану Хойскому, ставшему на весьма жесткую позицию и отстаивавшему ее всеми силами, дабы не быть втянутым в войну. Хойский и его коллеги требовали для начала переговоров установления четкого статуса обеих сторон, а именно признания суверенитета и независимого существования Азербайджана, то есть равноправных переговоров. Советская сторона в лице Чичерина в 1920 году могла уже не заигрывать с азербайджанцами, поэтому отказалась вести переговоры на предложенных условиях. С другой стороны, такая жесткая позиция не давала даже надежды на компромисс, а ведь это, если задуматься, был единственный шанс азербайджанских лидеров в ходе прямых контактов с Советским правительством хоть как-то оттянуть скорый конец. Тем более что у них имелся весомый аргумент — нефть. Важно, что советские торговые представители активно искали контактные ходы даже для временного получения нефтепродуктов из республики, забитой в тот период нефтью под завязку.

Именно это стало одной из главной причин падения Азербайджанской Демократической Республики: эконо-

мический кризис был только приглушен, но он уже стоял в дверях, так как долгосрочных контрактов на реализацию нефтепродуктов не существовало. Отношения же с главным потребителем, Россией, находились в подвешенном состоянии, что не добавляло оптимизма при анализе перспектив существования республики. В результате наладить хоть какие-то отношения не удалось, азербайджанские лидеры так и не смогли заинтересовать советское руководство. Последнее же давно выбрало для себя наиболее приемлемый вариант развития событий — советизация Азербайджана при дальнейшем включении его в состав единого государства.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ГРУЗИЕЙ И АРМЕНИЕЙ.

Другим важным аспектом внешнеполитической деятельности молодой республики стало выстраивание политических и экономических отношений со своими ближайшими соседями, другими малышами-ровесниками — новоиспеченными государственными образованиями на Кавказе. Напомним, что буквально с разницей в день в ходе развала Закавказской федерации возникли Грузинская и Армянская республики. Кроме того, 11 мая 1918 года на Северном Кавказе появилось во многом родственное Азербайджану государственное образование — Горская республика. Она шла по аналогичному пути: занималась решением вопроса о признании независимости республики. На Батумской мирной конференции, где было объявлено о создании Горской республики, последовало ее признание, пусть и формальное, со стороны Германии и Турции. Тогда же лидеры Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, входившие в состав Горского правительства, договорились с турками и немцами о предоставлении военной помощи в случае появления внешней опасности, под которой подразумевалась Советская Россия. Россия,

разумеется, не признала независимость Северного Кавказа и прислала ноту протеста германскому послу в Москве графу В. Мирбаху.

Турки не могли не воспользоваться столь благоприятно складывавшейся для них ситуацией в регионе, что выразилось в незамедлительной передислокации войск «на помощь» новоиспеченной республике, так что летом 1918 года турецкие части появились не только в Азербайджане, но и на Северном Кавказе. Именно это позволило лидерам горцев получить под свой контроль часть территории Северного Кавказа во главе с Дербентом. Еще в конце мая того же года генерал Юсуф-Иззет-паша был назначен командующим войсками республики, которые обеспечивались со стороны своего могущественного партнера техникой, транспортом и вооружением.

Для координации своих частей, разбросанных по всему Кавказу, турецкое командование рекомендовало своим подшефным создание единого Министерства вооруженных сил, что и было исполнено в рамках двухстороннего соглашения в сентябре 1918 года. Естественно, что военное ведомство подчинялась высшим чинам турецкой армии и находилась под их полным контролем. Именно это не позволяет говорить о самостоятельной политике как Горской республики, так и Азербайджана в деле строительства собственных вооруженных сил. Деятельность в данном направлении стала возможной для Азербайджанской Республики только в 1919 году, после создания обособленного военного министерства под руководством генерала С.С. Мехмандарова.

С горским правительством были налажены тесная связь и весьма доверительные отношения. С начала 1919 года при правительстве действовал постоянный дипломатический представитель Азербайджана А. Ахвердов. В свою очередь дипмиссия Горской республики на Парижской

мирной конференции по большинству вопросов блокировалась с делегацией Азербайджана. В ответ азербайджанское руководство оказывало соседней республике различную дипломатическую и финансовую помощь. В частности, осенью 1918 года горскому правительству был предоставлен беспроцентный заем в размере 10 млн. рублей, а в январе 1919 года еще один — на сумму в 50 миллионов [12].

Азербайджанское руководство отлично понимало всю важность существования Горской республики в качестве буфера между Россией и Азербайджаном. Еще в конце 1918 года М. Расул-заде, выступая в парламенте, произнес такие слова, ставшие во многом пророческими: «Мы должны быть в более тесном контакте с нашими братьями горцами, вследствие своего географического положения принимающими первыми удар надвигающейся с Севера опасности... Не надо упускать из вида, что большевики, “позавтракав” у них, могут явиться к нам на “обед”».

Однако большую опасность для горцев представляла тогда Добровольческая армия, командование которой отказалось признать факт независимости этой республики. В азербайджанском руководстве не было единства по вопросу помощи соседям. Некоторые члены правительства выступали за военную помощь Горской республике, часть считала это слишком рискованным шагом, который может поставить под угрозу существование самого Азербайджана. В результате обсуждения на заседании правительства победила вторая группа, ограничившая помощь горцам только рядом дипломатических шагов, не способных уже изменить ситуацию. Ноты азербайджанского и грузинского правительства по поводу вторжения Добровольческой армии на территорию Горской республики и захвата власти, неоднократно направленные британскому командованию в регионе, оказались безрезультатными. К маю 1919 года белогвардейцы заняли Дербент и Петровск, 24-го числа по

требованию Деникина парламент республики был распущен, а власть перешла к генералу М. Халилову, ставшему временным правителем Дагестана. Фактически это означало прекращение существования Горской республики. Часть членов ее правительства и парламента эмигрировали в Тифлис, где сформировали Союзный меджлис для борьбы против Деникина и большевиков, однако он практически не имел никакого влияния на ситуацию на Северном Кавказе.

Это означало исчезновение барьера между Азербайджаном и враждебной ей Добровольческой армией, стоявшей на границе страны. Тем не менее жесткая позиция британского командования, заинтересованного в сохранении формально независимых государств в Закавказье, не позволила продолжить экспансию Деникина на восток. Провал же наступления Добровольческой армии на Советскую Россию заставил вообще забыть о Закавказье как потенциальном театре военных действий. Весной 1920 года территория бывшей Горской республики была занята частями 11-й Красной армии, вошедшей в соприкосновение с Азербайджаном. Захват Дагестана открывал дверь на Южный Кавказ, в первую очередь в Азербайджан, и последующие события только подтвердили правоту слов Расул-заде.

Отношения с соседями по Закавказью азербайджанское правительство старалось развивать по направлению к конфедерации кавказских республик, что могло серьезно увеличить международный вес и обеспечить безопасность от внешних врагов. По словам Р.С. Мустафа-заде, конфедерация «должна была выполнять как минимум две функции. Во-первых, объединительно-защитную (отсюда тезис о «спасительном союзе») в условиях нарастающей большевистской угрозы, а во-вторых, политико-дипломатическую, призванную облегчить для Грузии, Армении и Азербайджана совместное решение задачи признания их независи-

мости союзными державами на Парижской мирной конференции» [13]. Однако эта мечта не имела под собой реальной почвы — слишком серьезны и глубоки оказались противоречия соседей по закавказской «коммуналке».

Территориальные споры быстро привели к вооруженным конфликтам (грузино-армянскому и армяно-азербайджанскому), что сделало «практически невозможными не только попытки конфедеративного объединения трех кавказских республик, но и выработки совместных дипломатических действий между ними на международной арене, прежде всего в области признания их независимости» [14].

Тем не менее азербайджанские дипломаты активно работали над созданием ряда альянсов. В 1919 году им удалось подписать и ратифицировать договор об оборонительном союзе с Грузией. Правда, альянс, как и большинство азербайджанских документов, остался только на бумаге. Грузия не оказала своему партнеру никакой помощи и в конфликте с Арменией, и при вторжении Красной армии. Даже в спорном Закатальском районе грузинские части отказались воевать с красноармейцами и были отведены своим командованием. Таким образом, неудача в создании единого кавказского фронта стала еще одной причиной падения Азербайджанской Республики, не сумевшей ни получить официальное международное признание, ни обеспечить свою безопасность.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ. Претерпели значительные изменения и взаимоотношения с Турцией. Как отмечает Мустафа-заде, «даже Турция, несмотря на подписание с правительством АДР Договора о мире и дружбе от 4 июня 1918 г., официально не ратифицировала его и до конца сентября не признавала Азербайджан независимым государством. Младотурки рассматривали появление АДР на том этапе как фактор, содействующий

реализации их долгосрочной пантунантской политики» [15]. Тем не менее турецкие лидеры в течение 1918 года рассматривали Азербайджан как дружественную им силу, если хотите, в качестве младшего и еще слабого брата...

Однако в 1919–1920 годах в связи с резким изменением внешнеполитического вектора Турции Азербайджан превратился для нее в своеобразную разменную монету в ходе крупного торга с большевиками. Турецкие лидеры пожертвовали Азербайджанской Республикой ради общей борьбы с Антантой и были вознаграждены солидной материально-технической помощью из Советской России.

Как непростые можно охарактеризовать и взаимоотношения с Ираном. Как уже говорилось выше, эта страна неоднократно заявляла о своих претензиях на весь Азербайджан и долгое время не считалась с фактом появления Азербайджанской Республики. Однако в силу серьезного внутривосточного кризиса Иран не мог активизировать работу в этом направлении. Действительно, на Парижской конференции иранская делегация подавала меморандум с претензиями на весь Азербайджан, однако, не получив поддержки стран Антанты, этим и ограничилась. С осени 1919 года можно говорить о некоем потеплении двухсторонних отношений, которое подтверждается начавшимися в декабре переговорами в Баку. Завершились они только 20 марта, но их результаты оказались вторым после Парижа значительным внешнеполитическим успехом молодой республики: Иран объявил о юридическом признании республики.

Вероятно, первый успех — январское признание Азербайджана де-факто странами Антанты — оказал серьезное влияние на ход переговоров с Тегераном. Азербайджано-Иранская конференция закончилась подписанием целого ряда документов, главным из которых стал Договор о дружбе. Но, как справедливо замечает Мустафа-заде, «не-

смотря на созданный персидской дипломатией прецедент, для азербайджанской политической элиты данное событие имело, как признавали ее представители, скорее “моральное значение” — оно не повлияло, да и не могло повлиять на упрочнение внешнеполитических позиций азербайджанской власти» [16].

В общем-то основные внешнеполитические задачи остались нерешенными. То, что не удалось добиться широкого международного признания и установить прочные дипломатические отношения с соседями, в первую очередь с Россией, стало одной из главных причин падения Азербайджанской Демократической Республики.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РОЖДЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ АРМИИ. Вопрос обеспечения обороноспособности государства стал одним из основных для молодой республики. Начинать приходилось с нуля, поэтому на начальном этапе существования очень пригодилась помощь Турции, которая предоставила столь необходимые военные силы для борьбы с большевиками.

Рождение азербайджанской армии состоялось даже раньше появления самой республики. Напомним, что по инициативе Закавказского комиссариата был поднят вопрос о формировании в составе тогда еще русской армии на Кавказе национальных частей, объединенных в отдельные корпуса. Фактически вооруженные силы закавказских республик формировались на базе регулярных частей русской армии, имевших тогда богатый практический опыт, полученный в ходе Первой мировой и Русско-японской войн, и при помощи представителей русского офицерского корпуса.

Важно отметить, что сразу после создания Закавказского комиссариата одним из главных вопросов, требовавших безотлагательного решения, стал вопрос о защите территорий от внешних врагов, первым из которых традиционно являлись турки. Поэтому было незамедлительно начато

создание национальных корпусов, разделенных по этническому принципу, приведшее к быстрому развалу Закавказской федерации. Возникли Грузинский и Армянский корпуса, вслед за ними стал формироваться Мусульманский, позднее переименованный в Азербайджанский. Во главе каждого из них встали люди, принадлежащие к той или иной национальности, в генеральских чинах. Они стали активно привлекать к делу формирования национальных частей своих коллег и единомышленников еще по единой русской армии. Необходимо отметить, что именно офицеры русской армии стали костяком вооруженных сил закавказских республик. Позднее некоторые из них влились в ряды Красной армии после присоединения этих государственных образований к Советской России.

Формирование Мусульманского корпуса из мусульман Закавказья было начато согласно приказу № 155 от 19 декабря 1917 года главнокомандующего войсками Кавказского фронта генерала от инфантерии М.А. Пржевальского. Командиром корпуса был назначен известный артиллерист, генерал-лейтенант Али-ага Шихлинский. Предполагалось сформировать управление самого корпуса, в который должны были входить 1-я и 2-я Мусульманские стрелковые дивизии, 1-я и 2-я артиллерийские бригады, две мортирные и одна конная батарея, Отдельная Мусульманская конная бригада в составе 1-го и 2-го конных полков, саперный батальон и другие вспомогательные подразделения.

Как пишет А.И. Дерябин, «вооруженные силы национальных правительств в различных регионах страны в своем развитии проходили один и тот же путь. Первоначально они создавались на добровольческой основе, затем усиливались мобилизованными из числа военнообязанных. Формирование национальных армий велось без какого-либо плана, стихийно, в зависимости от наличия подходящего контингента и вооружения. Однако уже в 1919 году

практически все национальные вооруженные силы имели более или менее четкую организационную структуру, были сведены в дивизии, корпуса и армии, а управление ими осуществляли штабы различных уровней. Командный состав вооруженных сил национальных правительств в целом отличался весьма высоким уровнем профессиональной подготовки и имел опыт участия в Первой мировой войне... В командном составе преобладали национальные кадры, но было много и русских офицеров. В органах военного управления, штабах и войсковых частях и соединениях служили также бывшие офицеры германской (Прибалтика), австрийской (Западная Украина) и турецкой (Азербайджан) армий» [17].

По мнению российского специалиста, «сильными сторонами национальных армий являлись отличная выучка тактического звена командного состава, умелое использование кавалерийских и пехотных частей и соединений, высокая маневренность артиллерии (в том числе бронепоездной), сочетание совместных боевых действий различных родов оружия и видов вооруженных сил... К слабым сторонам национальных армий можно отнести организационную громоздкость и сложность в управлении. Части формировались повсеместно и одновременно, в основном без определенного плана, хаотично; это затрудняло их укомплектование, вооружение и снабжение. Боевая выучка частей и соединений из добровольцев и мобилизованных была неодинаковой. Тыл отличался невысокой мобилизационной готовностью и отсутствием подготовленных оперативных резервов. Интендантская и медицинская службы функционировали в целом неудовлетворительно, и это негативно отражалось на моральном духе солдат на фронте. В войсках национальных правительств широкое распространение получил местнический сепаратизм, усугублявший доставшиеся по наследству от Российской Импера-

торской армии кастовость, коррупцию и интриганство. Неповиновение в оперативном звене управления стало обычным и повсеместным явлением... Идеологическая работа в частях практически отсутствовала, и это давало возможность большевистской агентуре свободно вести агитацию в частях и соединениях... Таким образом, вооруженные силы национальных правительств (кроме прибалтийских) не отличались высокой степенью боеспособности, были немногочисленны (за исключением украинских формирований) и без серьезной поддержки белых армий и войск интервентов не представляли серьезной опасности для Красной армии. Кроме того, практически все национальные армии из-за крайнего географического расположения были вынуждены основывать свою снабженческую деятельность на иностранных поставках вооружения и снаряжения, не отличавшихся ни качеством, ни точностью по срокам поступления. Таким образом, в вооружении и боевой технике национальных армий, как и в их организационной структуре, единообразия не было» [18].

На первоначальном этапе Мусульманский корпус также создавался на добровольческих началах. Исключением являлся Татарский конный полк, представлявший собой знаменитую «Дикую дивизию». Это была единственная регулярная часть бывшей русской армии, в полном составе вошедшая в корпус. Полк формировался из «татар Елисаветпольской и Бакинской губерний и Борчалинского уезда Тифлисской губернии», что полностью соответствовало этническим и конфессиональным требованиям данного корпуса.

По справедливой оценке Дерябина, «в начале 1918 г. корпус существовал только на бумаге — в нем имелись лишь небольшие кадры частей и соединений, главным образом офицерские, почти отсутствовал рядовой состав, не хватало вооружения, боеприпасов и снаряжения. Такое

положение сохранилось до 28 мая 1918 г. — дня объявления независимости Азербайджана и создания Азербайджанской Республики. Турки, вступившие на территорию Азербайджана, оказывали помощь местным властям при формировании вооруженных сил» [19].

Действительно, в начале своей деятельности азербайджанские лидеры не располагали значительными военными силами. Напомним, что для первого похода на Баку в апреле 1918 года грузинский князь Леван Магалов, тогдашний командир Татарского полка, смог сформировать отряд, численность которого не превышала 6 тыс. человек и значительная часть состояла из добровольцев. Затем после прихода турок малочисленные национальные части были объединены вместе с 5-й и 15-й турецкими дивизиями в Кавказскую исламскую армию под единым командованием Нури-паши. После оккупации Баку турками формирование Азербайджанского корпуса началось практически заново, в частности туда были влиты сильно потрепанные после трехмесячных боев остатки двух турецких полков — 9-го и 10-го.

Тем не менее процесс формирования был просто провален. Временно командующий корпусом полковник Габиббек Салимов осенью 1918 года отмечал, что, по большому счету, корпус существовал только на бумаге, так как катастрофически не хватало грамотных офицеров, лошадей, обмундирования, наблюдалось массовое дезертирство новобранцев. Изменения к лучшему произошли в 1919 году и связаны были с тем, что пост военного министра занял известный военачальник русской армии, генерал от артиллерии Самед-бека Мехмандаров.

В первом правительственном кабинете пост военного министра занимал Хосров-бек Султанов, но за отведенный срок (с 28 мая до дня отставки правительства — 17 июня) он практически не приступал к исполнению своих обязан-

ностей. В составе второго кабинета под председательством Фатали-хана Хойского такая должность по вполне понятным причинам отсутствовала, только с 6 октября 1918 года уполномоченным по военным делам был назначен Исмаил-хан Зиядханов. В связи с уходом турецких войск в конце октября на заседании правительства обсуждался вопрос о создании министерства обороны, который был решен положительно.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА. Военное министерство учреждено 1 ноября, и согласно постановлению Совета министров республики было решено «предоставить портфель министра председателю Совета Министров, а товарищем к нему назначить генерала С.С. Мехмандарова». Понятно, что такое кадровое решение являлось временным, для того чтобы генерал от артиллерии Мехмандаров вошел в курс дела.

Так и произошло: уже 25 декабря 1918 года Мехмандаров стал единственным хозяином министерства, а 29 декабря своим заместителем и ближайшим помощником он пригласил стать другого прославленного артиллериста генерал-лейтенанта русской армии Шихлинского, являвшегося командиром Азербайджанского корпуса и уже неоднократно исполнявшего обязанности руководителя военного ведомства республики. Таким образом, необходимо признать, что активная правительственная деятельность в области военного строительства началась только с 1919 года, когда специальное ведомство возглавили такие опытные военачальники, как Мехмандаров и Шихлинский, имевшие богатый опыт организационной работы. Кроме того, в ряды самостоятельной азербайджанской армии влилась еще целая группа офицеров и генералов русской армии, отмеченных георгиевскими наградами и уважением коллег. Именно этот фактор, активное привлечение к

созданию вооруженных сил старых проверенных кадров, стал залогом определенного успеха молодой республики в данном направлении.

Среди подобных крупных фигур в азербайджанских вооруженных силах можно назвать генерал-лейтенанта Сулеймана Сулькевича (начальник Главного штаба азербайджанской армии), генерал-майора Габиб-бека Салимова (начальник Главного управления Генерального штаба армии), генерал-майора Ибрагима-ага Усубова (генерал для поручений при военном министре республики, с 1920 года — начальник Бакинского укрепленного района), генерал-майора Фазулла-Мирзу Каджара (начальник Гянджинского гарнизона), полковника Ибрагима-ага Векилова (губернатор Гянджи, с 1919 года — генерал-майор азербайджанской армии и начальник топографического отдела Генерального штаба), полковника Теймур-бека (или Тимура) Новзурова (с 1919 года — генерал-майор азербайджанской армии и командир 1-го конного Татарского полка, затем начальник Конной дивизии, состоявшей из трех конных полков), капитана Рашид-бека Эфендиева (полковник азербайджанской армии, с 1920 года — командир 8-го Агдашского пехотного полка) и других офицеров. [20].

Именно этот далеко не оконченный перечень кадровых русских офицеров из азербайджанских тюрок демонстрирует беспочвенность и политическую ангажированность часто повторяемого азербайджанскими исследователями тезиса о том, что нехватка опытных национальных кадров происходила из-за того, что коварный царизм закрыл для азербайджанцев доступ к серьезным чинам и вообще путь в русской армии. Подобного рода высказывания фальсифицируют славную историю многонациональной русской армии и только дискредитируют любого ученого, использовавшего такие сомнительные и провокационные выкладки. Приведем слова крупного специалиста в области

истории ислама в России доктора исторических наук Д.Ю. Арапова, отмечавшего, что служба мусульманской знати в вооруженных силах Российской империи была важной стороной ее жизни. «Десятки мусульман-офицеров и генералов отличились в многочисленных войнах, которые пришлось вести Российскому государству... мусульманская знать несомненно пользовалась покровительственным вниманием со стороны властей и в целом достаточно успешно вписалась в систему российской имперской государственности» [21], — пишет он.

Второй причиной успеха стало привлечение к этому делу солидных партнеров, в первую очередь в лице конфессионально близкой Турции. Оказанная этой страной значительная материальная и людская помощь позволила Азербайджанской Республике ни больше ни меньше — обрести территориальную целостность и создать в дальнейшем собственные боеспособные части, способные решать хотя бы локальные, но самостоятельные задачи, что и продемонстрировало последовавшее вскоре военное столкновение с Арменией. Пришедшие на смену турок британские военные также оказывали некоторую материально-техническую помощь, отправив, правда, при этом военное министерство из Баку в Гянджу.

В 1919 году была создана определенная структура управления армией, копировавшая во многом российскую модель. В январе возник Главный штаб, разделенный на девять отделов (интендантский, инженерный, дежурного генерала, генерал-квартирмейстера, артиллерийский, военно-санитарный, военно-учебный, топографический и контрольный). Возглавлять его был приглашен генерал-лейтенант еще русской армии Сулейман Сулькевич. В марте из Главного штаба для координирования оперативной работы выделен отдел генерал-квартирмейстера, на базе которого создано Главное управление Генерального штаба

(начальник — генерал-майор Г. Салимов, имевший чин полковника в русской армии). В структуру вошли отделы военно-топографический и генерал-квартирмейстера, управление начальника военных сообщений и заведующий передвижением войск. Вслед за этим были образованы военный суд и военно-прокурорский надзор, а при военном министре из высших чинов армии создан Военный совет для «разрешения вопросов военного законодательства и финансово-хозяйственных». Кроме того, в связи с важным стратегическим значением Баку учреждено Военное генерал-губернаторство Бакинского укрепрайона под командованием генерал-майора М.Г. Тлехаса. Правда, функционировать, а точнее говоря, существовать не только на бумаге оно смогло после ухода британских войск, создавших свое Бакинское генерал-губернаторство.

Расходы на нужды военного ведомства были наиболее значимой строкой бюджета республики. Например, в 1919 году они составили свыше 400 млн. рублей, то есть более четверти бюджета республики. Азербайджанское правительство, наученное первым годом «независимости», отлично понимало ценность собственных вооруженных сил, способных защитить суверенитет страны, являвшейся своеобразной разменной монетой для мировых держав. В 1920 году планировалось увеличить расходы на главное силовое ведомство страны, тем более что если в 1919 году предполагалось создать армию численностью 25 тыс. человек, то в следующем году эту цифру подняли до 40 тысяч штыков и сабель.

Весьма остро перед министерством стояла проблема нехватки офицерских кадров, поэтому был разработан отдельный план мероприятий, направленных на ее ликвидацию и создание постоянной учебной базы. К началу деятельности Мехмандарова в республике имелась только Военная школа прапорщиков в Гяндже, открытая при помо-

щи турецкого командования летом 1918 года (первый выпуск состоялся в октябре того же года). В ноябре 1919 года по приказу министра школа была преобразована в военное училище, рассчитанное на 250 слушателей, из которых планировали готовить пехотных и артиллерийских офицеров, а также инженеров (правда, специальное инженерное отделение открыть не удалось). Отдельно в Баку открыта юнкерская школа, выпускники которой могли претендовать на зачисление в училище. Кроме того, в период 1919-го — первой половины 1920 года в республике по инициативе руководства военного ведомства возникли кавалерийское, артиллерийское и саперное училища, а также авиационная и военно-фельдшерская школы.

СОЗДАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ.

Почти с нуля создавалась и материально-техническая база азербайджанских войск. Как справедливо пишет А.И. Дерябин, «на территории Азербайджана практически не осталось материально-технических средств бывшей Российской императорской армии, и поэтому обеспечение азербайджанской армии как в первый период ее организации, так и до самой советизации Азербайджана оставалось более чем недостаточным. Войска испытывали недостаток в обмундировании и обуви; квартирное размещение частей не соответствовало никаким санитарным нормам; в армии свирепствовали эпидемии, в том числе сыпного тифа; нормы продовольственного снабжения были явно недостаточными. Широкое распространение в войсках получило дезертирство. Финансовых средств на содержание войск и обеспечение их всеми видами материально-технического снабжения не хватало» [22].

Тем не менее команда Мехмандарова предприняла целый ряд мер по улучшению технического оснащения. Летом 1919 года в рамках заключенного между Азербайджа-

ном и Грузией договора военно-оборонительного характера из Тифлиса были поставлены 3 тыс. трехлинейных винтовок, 24 пулемета системы «максим», 12 легких и 12 горных орудий, большое количество боеприпасов к ним, холодное оружие (шашки) и другое военное снаряжение, в частности походные кухни. Кроме того, в соседнюю республику направлена группа азербайджанских юношей для прохождения обучения в военных учебных заведениях, которых там, как в центральной губернии Кавказского края, традиционно было больше. Переговоры о поставках вооружения и снаряжения велись и с другими странами. В частности, в конце 1919 года представители Азербайджанской Республики договаривались с итальянским военным ведомством о поставках обмундирования и различных видов военной техники (автомобилей, аэропланов, прожекторов и др.). Она так в Азербайджане и не появилась, но, что касается обмундирования, то 35 тыс. комплектов было доставлено в страну в конце апреля 1920 года. Правда, досталось оно, в основном, уже красноармейцам 11-й армии, вступившей незадолго до этого в Баку.

Принимались шаги и по созданию собственной военной промышленности: в начале 1920 года сотрудниками военного ведомства разработан план отдельного предприятия, деятельность которого прямо ориентирована на удовлетворение нужд армии — для ремонта артиллерийских орудий и производства запасных частей к ним. Представленный в парламент проект сметы и штата завода был утвержден в виде специального закона (по плану на его строительство выделялось из бюджета около 670 тыс. рублей), однако он так и остался на бумаге.

Таким образом, несмотря на ряд мер, предпринятых военным министром республики, по справедливому замечанию профессора БГУ П. Дарабади, «армия испытывала значительные трудности в вооружении и военных специа-

листах» [23]. В начале 1920 года вооруженные силы Азербайджанской Демократической Республики располагали 32 трехдюймовыми легкими орудиями образца 1902 года, 24 трехдюймовыми горными орудиями образца 1909 года, 4 сорокадвухлинейными гаубицами образца 1910 года, 116 пулеметами «максим», имели 14 тыс. британских винтовок, 100 револьверов, 1 пулеметный и 1 пушечно-пулеметный бронеавтомобили, а также значительное количество русских трехлинеек, доставшихся в наследство от солдат русской армии или приобретенных у Грузии. Однако «боеприпасами войска были обеспечены лишь на короткое время ведения боевых действий» [24], — резюмирует А.И. Дерябин.

СОСТАВ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ АРМИИ. К концу 1919 года планировалось сформировать две пехотные дивизии трехполкового состава и одну конную (тоже трехполкового состава), воздухоплавательный отряд, железнодорожный и саперный батальоны. В основном этот план был выполнен. Численность вооруженных сил республики предполагалось пополнять и увеличивать благодаря мобилизационным мероприятиям: подлежало призыву все мужское население 18–24 лет сначала на трехлетний, затем — на двухлетний срок. В связи с разгоревшимся весной 1920 года конфликтом с Арменией предполагалось начать призыв в армию с 1 мая, причем не только определенных возрастов, но старше — до 30 лет включительно. Но это не было реализовано из-за смены власти в республике.

Весной 1920 года в состав азербайджанской армии входили: 1-я (штаб — в Гяндже; 1-й Джеванширский, 2-й Закавказский и 3-й Гянджинский пехотные полки, 1-я артбригада) и 2-я (штаб — в Баку; 4-й Кубинский, 5-й Бакинский и 6-й Геокчайский пехотные полки, 2-я артбригада) пехотные и Конная (штаб — в Гяндже; 1-й Татарский, 2-й Кара-

бахский и 3-й Шекинский конные полки) дивизии, 1-й легкий и 2-й горный артдивизионы. Все пехотные полки состояли из трех батальонов, а конные — из четырех сотен. В состав дивизий не вошли 7-й Ширванский и 8-й Агдамский пехотные полки, которые должны были войти в формируемую 3-ю пехотную дивизию.

Для укрепления безопасности границы с Арменией там планировали развернуть своеобразные «казачьи» формирования из курдского населения Карабаха. Курды должны были составить Курдские стрелковый батальон (четыре роты) и конный дивизион (две сотни), формирование которых началось в конце октября 1919 года, но так и не завершилось до советизации республики. В дальнейшем курдские подразделения предполагалось влить в состав пехотной и кавалерийской дивизий.

В состав азербайджанской армии входили также три бронепоезда, пять аэропланов и несколько гидропланов, шесть тяжелых и легких бронеавтомобилей. В процессе формирования находились Ленкоранский резервный батальон, полицейский резервный полк («Ярдым алай»), Особый отряд охраны парламента и несколько иррегулярных частей, разбросанных по всей территории республики. После ухода англичан был сформирован Военный порт и преобразована Каспийская военная флотилия, состоявшая из двух канонерских лодок («Ардаган» и «Карс») и нескольких посыльных и вспомогательных судов («Астрабад», «Аракс», «Нарген» и др.).

По подсчетам П. Дарабади, «общая численность вооруженных сил республики к апрелю 1920 г. составила около 30 тыс. штыков и сабель» [25]. Современный азербайджанский историк Мустафа-заде считает эту цифру явно завышенной, отмечая, что она «отражает скорее совокупную штатную численность войск, всех управлений, учреждений и заведений военного министерства» [26].

Подобной оценки придерживается и А.И. Дерябин: «Численность армии за весь период ее существования никогда не достигала запланированных Военным министерством 25 тыс. человек». Таким образом, корректнее всего обозначить численность азербайджанских вооруженных сил к весне 1920 года в пределах 25 тысяч, имея в уме то, что значительный воинский контингент (около 15 тысяч) был направлен в тот период в Карабах и Зангезур для борьбы с отрядами дашнаков. Вероятнее всего, остальную часть армии можно оценить в несколько тысяч человек, что и позволяет говорить об общей численности от 20 до 25 тысяч штыков и сабель. Понесенные же потери азербайджанской армии, неудачная мобилизационная кампания и стремительный рост дезертирства позволяют говорить о снижении общей численности ко времени советизации республики до 15 тыс. человек.

РЕСПУБЛИКА ПОД «БЛАГОТВОРНЫМИ ЛУЧАМИ С БЕРЕГОВ ТЕМЗЫ»

ВОПРОС О ЛЕГИТИМНОСТИ. 22 января 1919 года правительственная делегация Азербайджанской Демократической Республики торжественно встречала приехавшего в Баку главнокомандующего союзными войсками в Закавказье генерала Джорджа Мильтона. По этому случаю в МИДе заготовили специальную речь: «Ваше Превосходительство, Азербайджанское Правительство искренне приветствует в Вашем лице представителя великой Британской нации... Мы убеждены, что сыны Англии, так любящие свободу, не менее счастливы, чем мы, что их встречает Азербайджан, освобожденный от цепей рабства, воспевая хвалебные гимны богине Свободы. В течение веков такие исторические памятники как Magna Charta Libertatum и Habeas corpus озаряют с берегов Темзы всю вселенную своими благотворными лучами...» [27]. К этому времени грезы о «великом Туране» были в далеком прошлом, и государственные мужи Азербайджана мечтали о тесной дружбе с «цивилизованными народами» Европы.

Несколько месяцев ранее, после подписания Мудросского перемирия, Турция вывела свои войска из Закавказья. С уходом турецких покровителей закончился период скрытого протектората Турции над Азербайджанской Республикой. Перед правительством Хойского снова встала

проблема поиска высокого патрона и определения своего статуса, на этот раз в глазах стран Антанты. Внимательно следя за международной обстановкой, азербайджанские лидеры смогли быстро отреагировать на провозглашение президентом США Вудро Вильсоном «14 пунктов», касавшихся самоопределения народов. «Прежде чем обратиться к могущественной власти Европы, — писали члены правительства Азербайджана в телеграмме президенту от 10 ноября, — народ и правительство Азербайджана обращают свои взоры к вашей гуманной личности, как покровителю малых угнетенных народов, и надеются, что вы словом и делом поможете им в том, что касается признания Азербайджанской республики Закавказья независимым государством» [28].

Однако переговоры о дальнейшей участии, по меткому выражению Расул-заде, «новорожденного тюркского политического дитяти» пришлось вести не с американцами, а с англичанами, хорошо осведомленными о связях азербайджанских лидеров с турками. Поэтому члены азербайджанской делегации, посланной в ноябре 1918 года в Энзели, вряд ли были удивлены, услышав из уст генерала Томсона следующую отповедь: «По нашим сведениям, республики, образованной в соответствии с желанием всего азербайджанского народа, не существует, есть только правительство, созданное интригой турецкого командования. Если вы настаиваете на противоположном, то в таком случае, на месте исследовав это, мы примем соответствующее решение» [29].

Намек англичан на сомнительную легитимность второго правительства Хойского, созданного в июне в Гяндже по прямой указке Нури-паши, был прекрасно понят азербайджанскими политиками. Необходимо было срочно задрапировать «новорожденное тюркское политическое дитя» в демократические одежды, чтобы союзникам не так резал

глаза тюркский национализм, напоминавший об Энвер-паше и младотурках. Правительство Азербайджана взяло курс на создание коалиции всех политических сил на территории страны. Подготовка демократических выборов в Учредительное собрание требовала значительного времени, которого явно не было у азербайджанских политиков в преддверии международной мирной конференции в Париже, куда надо было отправлять представительную и авторитетную делегацию.

Выход нашли очень быстро: 5 ноября от специальных правительственных комиссий поступило предложение созвать временный республиканский парламент. Трудность состояла в принципах его формирования, поскольку времени на всенародные выборы не было, а метод кооптации или же назначения не соответствовал западным демократическим стандартам. Единственным вариантом оставался созыв старого состава Национального совета, распущенного в июне 1918 года турками.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ. Его члены были избраны на основе всеобщих выборов во Всероссийское Учредительное собрание и входили в состав Закавказского сейма, поэтому в глазах союзников должны были выглядеть достаточно легитимно. Созыв Национального совета состоялся 16 ноября, а уже через несколько дней он преобразовал себя в парламент.

17 ноября в Баку из Энзели прибыл британский отряд под командованием генерала В. Томсона. Он в своей приветственной речи старательно обходил вопрос о статусе азербайджанской территории: «Я вас извещаю в качестве командующего союзными силами англичан, французов и американцев, что по договору с Турцией мы пришли сюда на смену оттоманских войск, охранявших до сих пор вашу территорию. Мы не имеем никакого намерения вмеша-

ваться в ваши внутренние дела ни в настоящем, ни в будущем. Я надеюсь, что при вашем сотрудничестве все устроится к лучшему» [30].

19 ноября Национальный совет утвердил закон об образовании парламента, по которому выборы должны были производиться тайно по принципу национального представительства. В преамбуле к закону говорилось: «Азербайджан населен не одними тюрками. Поэтому Азербайджанский Национальный Совет должен представлять собой все живущие в нем национальности. Эту необходимость сознавали как Национальный Совет, так и Правительство. ... Как вырабатываемые законы должны в одинаковой мере удовлетворить все разноплеменное население, так и законодательный орган должен представлять все население страны, а не 44 членов, и выражать волю всего народа» [31]. По оценке азербайджанских исследователей, Национальный совет проявил «чрезвычайное политическое чутье, подыгрывая английской восприимчивости ко всему демократическому» [32].

Готовясь к выборам, совет 25 ноября обратился к Армянскому и Русскому национальным советам с предложением послать своих представителей в парламент. Армяне сослались на то, что они не уполномочены представлять интересы всего народа, русский же совет заявил, что он не может признать ни самостоятельности страны, ни, тем более, ее парламент. Тогда Азербайджанский совет пошел на компромисс, заявив, что не требует немедленного признания суверенитета Азербайджана и считает, что вопрос о политическом положении и форме устройства государства должен быть решен на мирной конференции. В случае если Всероссийское Учредительное собрание с участием всех самоопределившихся народов бывшей империи соберется до конференции, то Азербайджан примет в нем участие и будет отстаивать свои принципы по вопросу о самоопреде-

лении, а до этого момента в стране должна сохраняться сложившаяся де-факто система управления. Это заявление, а главное, поддержка созыва парламента со стороны союзного командования, убедило Армянский национальный совет послать туда в конце декабря 1918 года своих представителей.

Ядро этого законодательного органа составили 44 члена Азербайджанского национального совета, к ним планировалось присоединить еще 36 мусульманских депутатов, избранных от городов и уездов из представителей бывших национальных комитетов. Кроме 80 депутатов от мусульман населения в состав депутатов предполагалось включить 21 делегата от армян, 10 — от русских и 4 — от национальных меньшинств (немцев, грузин, поляков и евреев). По закону в парламенте должны были быть представлены и общественные организации: профсоюзам отводилось три места, Совету нефтепромышленников и Торгово-промышленному союзу — два. Правда, совет профсоюзов встал в жесткую оппозицию к правительству, отказавшись участвовать и в созданном им законодательном органе, заявив, что «деятельность азербайджанского правительства явно враждебна интересам рабочего класса без различия национальностей» [33].

Стремясь к тому, чтобы в парламенте перед лицом англичан был представлен весь общественно-политический спектр, Национальный совет пригласил к работе в нем и все политические партии. Однако кадеты и меньшевики высказались «за единую и неделимую Россию», отказавшись от признания Азербайджана и соответственно его парламента. Партия же эсеров заявила о признании самоопределения Азербайджана в рамках единой федеративной России. Поэтому они со скрипом, но пошли на сотрудничество с новыми властями, попросив предоставить им пять мест в парламенте. Эсеры получили свое представительст-

во за счет мест национальных меньшинств и при условии, что они войдут в социалистическую фракцию.

ПАРЛАМЕНТ. Открытие парламента состоялось 7 декабря 1918 года в помещении женской гимназии Г.З. Тагиева. Глава фракции «Мусават» Мамед Эмин Расул-заде, открывавший первое заседание, не обошел в своей речи острых политических камней: «Парламент наш до созыва Учредительного собрания является временным, тем не менее, являясь собранием азербайджанского народа, представленного в нем своими деятелями, способен выразить тот идеал, к которому стремится народ Азербайджана. Наше отделение от России не есть враждебный акт по отношению к России. Мы не чувствовали обиды от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма. Наша самостоятельность даст нам возможность быстро развиваться и без принуждения стать свободным членом будущей «Лиги свободных народов» [34].

Выступивший следом премьер-министр Хойский объявил о сложении правительством полномочий и передачи всей власти парламенту. К моменту открытия в стенах этого законодательного органа насчитывалось всего 79 членов, распределившихся между девятью фракциями и группами. Главную парламентскую фракцию (Центр) представляла фракция «Мусават» — 23 члена, затем шли фракции «Иттихад» — 11, «Эхрар» — 9, «Гуммет» — 5, «Мусульманский социалистический блок» — 5, беспартийные — 15, национальные меньшинства — 4, «Русское славянское общество» — 3, армянская фракция — 4 депутата.

Сформировать новое коалиционное правительство оказалось даже легче, чем создать парламент, и уже 22 декабря Фатали-хан Хойский представил на утверждение в парламент новый персональный состав. Это вызвало одобрительную реакцию союзников, которую выразил в своей декларации ге-

нерал Томсон: «В виду образования коалиционного правительства Азербайджана под председательством г. Ф. Хойского, я объявляю, что союзное командование окажет полную поддержку этому Правительству, как единственной легальной местной власти в пределах Азербайджана» [35].

ПРИБЫТИЕ СОЮЗНИКОВ В БАКУ. «Государственная мудрость, политический такт и уважение народных прав со стороны представителей Англии, с генералом Томсоном во главе, служат лучшим доказательством нашей солидарной работы, являясь вместе с тем положительной гарантией защиты народных прав Азербайджана на международной мирной конференции» [36], — говорилось в торжественной речи представителя азербайджанского МИДа по случаю прибытия 22 января 1919 году в Баку главнокомандующего союзными войсками в Закавказье генерала Джорджа Мильтона. Однако это пример классической восточной лести, и не более того, так как истинные впечатления от пребывания британских войск в Азербайджане были совсем не такими радужными.

Еще до прибытия отряда союзников в Баку генерал Томсон потребовал вывести из города все находившиеся там азербайджанские части. В подписанных им декларациях от 17 ноября и 19 ноября населению Баку объявлялось, что город вместе с промышленными районами будет занят британскими войсками. Понятно, что англичан в первую очередь заботило поддержание порядка на нефтяных промыслах Баку, откуда они тут же стали перекачивать нефть. В городе вводилось военное положение, запрещалось ношение оружия, а также проведение собраний и стачек. Для наблюдения за исполнением всех этих требований на территории в радиусе восьми верст от центра Баку учреждался комиссариат полиции союзных держав во главе с полковником Ф. Коккерелем [37].

В дальнейшем англичане строго контролировали все действия полиции в пределах Баку и окрестностей. При этом не обходилось без конфликтов с азербайджанской стороной, с мнением которой практически не считались. Показательно, что уже в январе полковник Коккерель потребовал от министра внутренних дел Азербайджана, чтобы «всякие перемены в составе или назначениях полицейских чинов проходили через его канцелярию», и последнему ничего не оставалось, как подчиниться. Жалобы главе правительства республики не дали никакого результата.

Обживались англичане на новом месте без всякого стеснения. В частности, для размещения солдат и офицеров командование отвело почти все здания учебных заведений в Баку, не согласовывая это с местными властями, а требование бакинского городского головы внести арендную плату за снятые помещения было просто проигнорировано.

ГРАБЕЖ И ВЫМОГАТЕЛЬСТВО. Англичане занимались и фактической реквизицией нефтепродуктов, за которые азербайджанское правительство не получило ни копейки, так как британское командование сначала выбило себе беспрошленный вывоз, а затем отказалось платить, ссылаясь на огромные царские долги. В одностороннем порядке правительство Азербайджана было уведомлено об отказе от уплаты акциза англичанами. «Честь имеем уведомить вас, что все продукты нефтяного производства, предназначенные для нужд Великобританского правительства не подлежат никаким акцизам сборам, и потому впредь просим вас пропускать их без всякой задержки», сообщал в январе 1919 года в Акцизное управление Арбайджанской Республики главный морской инженер британского контингента в Закавказье [38].

«За время пребывания британских войск в Баку, по распоряжению британского главного штаба, вывозились по разным направлениям из Бакинского нефтепромышленного района нефть и нефтяные продукты без предварительной оплаты их установленными акцизными сборами, — говорилось в письме министра финансов английскому штабу. — По имеющимся в министерстве финансов сведениям, по распоряжению штаба было таким образом вывезено, с декабря 1918 г. до 30 июня 1919 г. включительно, всего 5 307 639 пудов 12 фунтов нефти и нефтяных продуктов, с которых причитается казне Азербайджанской республики всего семнадцать миллионов двести двадцать тысяч пятьсот тридцать шесть (17 220 536) рублей 21 коп.» [39].

Легко была решена англичанами и проблема вывоза нефти и других ценностей. В мае 1919 года азербайджанскому правительству пришлось официально признать свое подчиненное положение, подтвердив документально права оккупационных властей на свободный вывоз любых товаров с территории республики. «Пропускать для нужд британской армии товары без отдельных разрешений на вывоз и без взысканий за них пошлин при наличии удостоверений со стороны британских властей при грузах», — заявлялось в правительственном постановлении.

Вышеперечисленные документы отлично демонстрируют истинные взаимоотношения между «независимой» Азербайджанской Республикой и британскими войсками в регионе, показывая, насколько мало считались союзники с местными органами власти и политикой правительства страны. Азербайджан, вынужденный отдавать значительную часть нефтепродуктов на удовлетворение нужд иностранного контингента, фактически оказался в положении данника.

В июне 1919 году британское командование потребовало от правительства Азербайджана ежедневного выделе-

ния им двух воинских и одного нефтяного состава для перевозки как раз реквизированной в республике нефти и беспрепятственного передвижения военнослужащих. Этими эксклюзивными и беспрецедентными правами английские офицеры и солдаты регулярно пользовались весной и летом 1919 года, практически до своего вывода из гостеприимного Азербайджана. Это позволило британской стороне минимизировать расходы по перевозке дармовых нефтепродуктов, что в конечном счете значительно снизило общие затраты Великобритании на содержание своего военного контингента в Закавказье. Всего за перевозку различных грузов английское командование задолжало азербайджанскому правительству сумму в размере более 39 млн. рублей. Кроме того, англичане взяли под свой контроль порты Каспийского моря и все имевшиеся там суда, что явно затрудняло восстановление полноценных торговых отношений в республике. Для управления флотом создавалось английское управление морского транспорта на Каспийском море, куда теперь должны были поступать все портовые сборы.

Азербайджанское правительство, поставленное перед фактом бесплатного снабжения британских войск всем необходимым, а далеко не только нефтепродуктами, должно было еще выплачивать командованию на его потребности 35 млн. рублей ежемесячно. По данным министерства финансов республики, на 12 октября 1919 года общая задолженность британского командования составила 274 679 690 рублей 88 копеек. Но британское правительство 7 ноября того же года отказалось принимать на себя прямую ответственность за эту сумму, подчеркнув, что сначала надо разобраться в «ответственности Азербайджанского правительства и Российского государства в отношении этой суммы, израсходованной под нашим руководством за их общий счет», англичане ясно давали по-

нять, что не рассматривают Азербайджан в качестве независимого от России государства.

Именно неопределенность международного статуса Азербайджана служила для английского командования прикрытием для почти нескрываемого грабежа. Так, по распоряжению главного британского штаба 19 августа 1919 года из Баку была вывезена в Батум «часть ценностей Бакинского отделения государственного банка, заключающаяся в процентных бумагах, принадлежащих государственному банку, во вкладах на хранение, заложенных процентных бумагах и других ценностях» [40].

ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРВЕНЦИИ. Кроме огромного материального ущерба пребывание иностранных войск и администрации в Баку наносило в глазах населения непоправимый ущерб авторитету правительства, неспособного самостоятельно распоряжаться в собственной столице. Между тем постепенное падение дисциплины в английских частях, расквартированных в Баку, все чаще приводило к бесконечным столкновениям с местными жителями. «Дисциплина английских войск в Баку заметно падает, — говорилось в сводке деникинской разведки, — участились дебоши на улицах, в цирке 25 марта английскими солдатами был избит офицер-индус; развивается перепродажа казенного имущества и предметов продовольствия» [41].

В министерство внутренних дел Азербайджанской Республики стали все чаще поступать жалобы от жителей на поведение британских солдат и офицеров. В одном из них с отчаянием писалось, что «никто на наши жалобы не обращает внимания, а полиция совершенно не хочет вмешиваться в дела с англичанами. Солдаты держат себя до того нахально, безобразно и неприлично, что женщине совсем невозможно выходить на улицу, когда там английский солдат. Пьяные ходят, шатаются, не дают проходить

по тротуару, хватают женщин, делают двусмысленные жесты... Неужели это культурный народ?» [42], — писалось с отчаянием в одной из жалоб. В конце концов недовольство англичанами со стороны населения вылилось 13 июня 1919 года в грандиозную демонстрацию с требованием их вывода из Баку.

Британцы вынуждены были уйти в конце августа, не забыв извиниться за принесенные населению неудобства. Прощальное слово генерала Шательворта звучало весьма издевательски: «Пользуясь случаем, от имени покидающих ныне Баку британских войск, просим прощения у населения Азербайджана, особенно у города Баку. Искренне сожалеем, что прощаемся с многочисленными нашими друзьями и знакомыми, от души желаем им мира и счастья. Все служащие Британской армии уносят с собой лучшие воспоминания о днях пребывания в Азербайджане» [43]. Подобного никак нельзя сказать о населении республики, вздохнувшем с облегчением только после ухода своих «друзей и знакомых».

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ АППАРАТ РЕСПУБЛИКИ.

Сформировав коалиционный парламент, лидеры партии «Мусават» добились своей цели — британского признания в качестве единственной легитимной власти в Азербайджане. Однако цена за этот успех оказалась высокой. К концу 1919 года в парламенте числилось 96 членов, принадлежащих к 11 различным фракциям и группам. Чрезмерная раздробленность представленных там политических сил не могла не сказаться на его работе. Парламент, где часть фракций даже не разделяла идею независимости Азербайджана, не говоря уже о расхождениях по таким острым вопросам, как рабочий и аграрный, быстро превратился в арену межпартийной борьбы.

Весьма удручающее впечатление производила созданная государственная машина на окружавших ее современников. Показательно такое свидетельство: «Что касается Азербайджанской республики, то она носила довольно смешанный характер. Министры здесь назначались и не из членов парламента, кроме того, не был до конца ясно проведен принцип ответственного министерства, ибо в своей работе они больше отчитывались перед главою правительства, чем перед парламентом. Некоторые из министров, как, например, русские министры, и вовсе не ходили в пар-

ламент, а с другой стороны, парламент был не только законодательным органом, но и органом управления и надзора и довольно бурно обсуждал все вопросы жизни и управления страной, хотя иногда с большим запозданием» [44]. Запоздания такого рода в условиях перманентного социально-политического и экономического кризиса прямоком вели к потере госорганами всякого доверия населения.

Некоторые из министерств создавались под решение конкретных проблем, например, министерство труда — для урегулирования отношений рабочих и предпринимателей, а министерство призрения — для решения вопроса беженцев. Тем не менее можно констатировать, что довольно высокая степень специализации центральных учреждений не слишком помогала в деле улучшения социально-экономической ситуации в республике. Для самого правительства и всего административного аппарата характерным являлось «полнейшее незнакомство и неумение вести созидательно-административную работу». Во многом это объяснялось высокой степенью коррупции центральной и местной администрации. В частности, отставка правительства Хойского в феврале 1919 года произошла из-за крупного коррупционного скандала, разразившегося в связи с расхищением урожая зерна 1918 года и злоупотреблениями с бязью на фабрике Тагиева. В своих воспоминаниях М. Аскеров-Кенгерлинский особо отмечал: «Места и должности заполнялись не по достоинству или умению, а по протекции, кумовству и подкупам; каждое лицо, занимавшее более или менее важный пост, чувствовало себя самостоятельным и неограниченным властителем и окружало себя толпой прихлебателей, родственников и “своих” людей».

Другой отличительной чертой правительственного аппарата республики являлось большое количество русских чиновников. «Значительная часть служащих в азербай-

джанских казенных учреждениях состояла из русских. Отношения к ним местных властей и населения были самые доброжелательные, и сравнивать эти отношения с отношениями грузин и армян не приходится» [45], — писал К.Д. Кафафов. В этом факте некоторые азербайджанские деятели видели одну из причин низкой эффективности работы правительства и административных учреждений.

«Так как на первых порах существования республики невозможно было найти достаточно кадров служащих-мусульман, то значительный процент падал на немусульман, не преданных родине и чуждому им правительству; отсюда — нежелание работать добросовестно, прогул работы, саботаж и даже прямая измена и предательство. Нужно упомянуть, что правительство собиралось провести настойчиво диктуемую потребностями жизни национализацию делопроизводства в государственных учреждениях, однако это начинание, как и многие другие, так и остались проектом», — отмечал Аскеров-Кенгерлинский. Однако для формирования чисто национального корпуса чиновников мало было одной только декларации о национализации делопроизводства и учреждений. Понятно, что требовалось время, чтобы заработала национальная школа, которая стала бы выпускать образованных, исполненных патриотическим духом азербайджанских чиновников. Обвинять же русских чиновников в отсутствии патриотизма в отношении непризнанного международным сообществом государственного образования просто смешно. Тем более что именно на них в основном падала вся тяжесть административной работы в министерствах и ведомствах Азербайджанской Демократической Республики.

Частая смена правительств, неспособность парламента к полноценной законодательной деятельности, иностранное вмешательство во внутреннюю политику Азербайджана и глубокий социально-экономический кри-

зис, — все это придавало стране черты эфемерного квазигосударственного образования. «Верховный орган страны, парламент, был занят произнесением речей и громких фраз, мало обращая внимания на совершающееся вокруг него, — с горечью писал Аскеров-Кенгерлинский. — Министры и члены правительства были увлечены приемами, встречами и бесчисленными банкетами, принимая приезжавших в Азербайджан многочисленных иностранных гостей и целые миссии. Страна была предоставлена самой себе».

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС. Три правительственных кризиса за один год являлись, несомненно, результатом острой политической борьбы как в стенах парламента, так и за его пределами. Сформированное в декабре 1918 года правительство Хойского сразу столкнулось с серьезной оппозицией в лице Бакинской рабочей конференции, быстро организовавшей крупную стачку рабочих. Причиной выступления стал жесткий режим, введенный англичанами в Баку. На заседании 24 декабря 1918 года конференция потребовала от британского командования созвать согласительную комиссию для восстановления коллективного договора и освободить всех арестованных рабочих. Характерно, что присутствовавший на заседании комиссии Расул-заде с возмущением протестовал против этого, заявив, что единственным правомочным в решении данного вопроса органом является азербайджанское правительство, а не английское командование.

Но члены Бакинской рабочей конференции более реалистично смотрели на сложившуюся ситуацию в Азербайджане. В результате трехдневная декабрьская стачка закончилась победой рабочих, английское командование было вынуждено отпустить арестованных, а парламент поспешил подтвердить это решение.

В условиях ухудшения социально-экономического положения и продолжавшихся выступлений рабочих в январе 1919 года в республике начался затяжной правительственный кризис. На заседании парламента 28 января фракция «Иттихад» обвинила правительство в неспособности справиться с экономическим кризисом и коррупцией. Ее поддержали социалисты, заявившие, что в стране до сих пор нет ни выборных органов, ни земства, ни демократического городского управления, что земля по-прежнему в руках имущего класса, а торговля и промышленность опутаны сетями спекуляции. В ходе развернувшихся прений правительству был вынесен вотум недоверия. Хотя фракции «Мусават» в жестких парламентских баталиях и удалось отстоять правительство, но оппозиция уже 25 февраля вынудила Хойского подать в отставку.

Состав нового правительства теперь зависел от соглашения парламентских фракций. Фракция «Мусават» попыталась сколотить блок из фракций, разделявших идею независимости республики, немедленного созыва Учредительного собрания, развития демократического самоуправления и усиления военной мощи страны. Поэтому руководство «Мусавата» сделало ставку на социалистов, фракцию «Эхрар» и беспартийных. Однако отказ фракции «Иттихад» войти в блок заставил мусаватистов привлечь в свой блок также армянскую и русско-славянскую фракции, не разделявшие идею независимости. 14 апреля 1919 года парламент наконец утвердил состав нового правительства, которое возглавил член партии «Мусават» Н. Усуббеков.

В декларации правительства особо подчеркивалось, что основной принцип существования Азербайджана — это принцип независимого суверенного государства. Поэтому главным вопросом должен был стать вопрос международного признания и обеспечения территориальной целостности республики. По аграрному же вопросу говорилось

одновременно о необходимости безотлагательного его решения и в то же время об оставлении его разрешения до созыва Учредительного собрания. Что касается рабочего вопроса, то здесь новый премьер заявил, что правительство сделает ставку на развитие законодательства, гарантирующего свободный труд.

Между тем развившееся в связи с экономическим кризисом рабочее движение все больше политизировалось благодаря усилиям большевиков, которые к марту 1919 года взяли под свой контроль Бакинскую рабочую конференцию и ввели своих представителей в ее президиум. «Рабочая конференция, — отмечал управляющий Бакинским отделом Нобеля, — несколько раз переизбравшая свой президиум, в последнее время имеет руководителями преимущественно коммунистов большевиков. Этим объясняется общий характер непримиримости и агрессивной “антисоглашательской” политики рабочего представительного органа» [46].

Под влиянием как раз большевистского президиума Бакинская рабочая конференция приняла решение о проведении в начале мая забастовки, основными требованиями которой стали принятие коллективного договора и восстановление товарообмена с Советской Россией. В ответ правительство объявило 5 мая забастовку политической и призвало население не участвовать в ней, поскольку главной ее целью, по его оценке, был подрыв основ азербайджанской государственности. Необходимо отметить, что правительство прекрасно понимало значение вывоза нефти в Советскую Россию через Астрахань для стабилизации социально-экономической ситуации в республике, но ничего не могло сделать, оставаясь заложником политики британского командования.

Объявленная 6 мая забастовка окончилась неудачей. Большая часть мусульманских рабочих не поддержала кон-

ференцию, а правительство, поддержанное парламентом, провело 9 мая аресты руководителей забастовки. В свою очередь главнокомандующий союзными войсками в Закавказье генерал Г. Мильн издал грозный приказ о предании военному суду и смертной казни всех лиц, участвующих в повреждении железных дорог, путей сообщения, мостов, военных складов и т. п. [47].

Поражение только подстегнуло большевиков к более активной работе среди рабочих. Подчинив себе Бакинскую рабочую конференцию, большевики начали борьбу за профсоюзы, которые являлись эффективным средством формирования настроений рабочей массы. Задача облегчалась отсутствием у правительства налаженной связи с этими организациями. Проведенный в апреле 1919 года съезд профсоюзов Азербайджана, Дагестана и Закаспия в своих резолюциях высказался за установление Советской власти. За лето большевики сумели получить большинство в правлениях почти всех профсоюзов, а в сентябре им удалось взять под контроль Бакинский совет профсоюзов.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ. Тем временем к внутренним факторам, определявшим тяжелую социально-экономическую и политическую ситуацию в республике, прибавилась серьезная угроза извне. В июне 1919 года Добровольческая армия заняла Дербент и Петровск. Горская республика, игравшая для Азербайджана роль буферного государства, была ликвидирована. На заседании парламента 26 мая 1919 года фракция «Мусават» сделала запрос правительству о возможной угрозе вторжения Добровольческой армии на территорию республики. Поэтому в целях обороны республики правительство 14 июня создало особый чрезвычайный орган — Комитет государственной обороны, а вся территория Азербайджана объявлялась на военном положении.

Несмотря на явное покровительство британского командования Деникину, сам факт присутствия союзников в Баку создавал определенные гарантии от вторжения Добровольческой армии. Но уход в августе 1919 года последних британских частей из Азербайджана заставил социалистическую фракцию в парламенте снова поднять вопрос о деникинской опасности и мерах, принимаемых правительством в этом отношении. Отвечая на запрос социалистов, Н. Усуббеков заявил: «За судьбу борьбы против Деникина я не боюсь, ибо все вы, уважаемые члены парламента, как правые так и левые, объединены против этой опасности, как один человек... И если такое же полное единодушие и поддержку среди вас я найду и против большевиков и большевизма, то я смело могу заявить, что никакая опасность будь это деникинщина или большевизм для Азербайджана не страшна» [48]. Однако убедить оппонентов он не сумел, правительству вынесли вотум недоверия, и оно ушло в отставку.

Новый правительственный кабинет был сформирован и утвержден на заседании парламента 22 декабря 1919 года вновь под председательством Н. Усуббекова. На этот раз представители фракции «Иттихад» и социалистического блока также вошли в правительство, которое решительно заявило о разработке новой аграрной политики и принятии срочных мер в рабочем вопросе. Однако дальше заявлений дело не пошло, и новое руководство республики продолжало терять доверие населения.

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО. Нефть являлась давним и традиционным брендом азербайджанской земли. Напомним, что в Баку накануне Первой мировой войны добывалось более 80% всей российской нефти, что составляло 15% мировой добычи. Лидирующие позиции азербайджанской нефтедобычи в мире оставались без изменения и в пери-

од существования Азербайджанской Демократической Республики.

Азербайджанское правительство, переехав в Баку, получило в свое распоряжение весьма развитую нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность, являвшуюся основным двигателем местной экономики. Именно от правильного развития нефтедобычи и торговли нефтепродуктами и зависела скорость выздоровления всей экономики Азербайджана, прочно сидевшей на нефтяной игле. Отметим, что даже в годы войны нефтедобыча была на стабильно высоком уровне, и проблемы начались только в горячий революционный 1917 год.

Негативным образом повлияла на показатели нефтедобычи объявленная в 1918 году Бакинским Совнаркомом национализация отрасли, только отпугнувшая потенциальных инвесторов и заставившая крепко задуматься об изменении географии своего бизнеса ряд западных предпринимателей. Действительно, долгосрочный бизнес требовал стабильности в республике и четких гарантий со стороны правительства. В период существования Бакинского Совнаркома из Баку в течение четырех месяцев было вывезено около 13 млн. тонн нефти (говорить о том, что это было полностью бесплатно, не стоит, так как из Советской России через Астрахань шли хлеб и продовольствие, в чем наиболее остро нуждался Баку).

Скорее, был налажен своеобразный натуральный обмен, крайне эффективный при такой малопрогнозируемой ситуации, как в Закавказье в 1918 году. Важно отметить, что, несмотря на жесткую критику, которую обрушили на экономическую политику большевиков лидеры Азербайджанской Республики, они сами частенько использовали натуральный обмен, не имея возможности получить другие ликвидные средства. Разговоры же о «нефтяном» грабеже со стороны большевиков мгновенно прекращаются после

знакомства с результатами недолгого пребывания на территории страны турецких и британских войск. Вот кто явно не был озабочен вопросом оплаты полученной нефти...

Действительно, турецкая и английская оккупации не могли не сказаться на этой жизненно важной отрасли Азербайджана. Бесконтрольный вывоз нефти и нефтепродуктов турками, а затем аналогичные действия со стороны англичан больно ударили по нефтяной промышленности края. По распоряжению турецкого командования нефть и нефтепродукты вывозились по железной дороге. Как сообщалось в газетах конца 1918 года, «мазут, по исправлении нефтепровода Баку — Батум по конвенции, заключенной Азербайджаном с Грузией, перекачивался в Тифлиссские и Батумские баки и транспортировался из Батума в Константинополь, где цена нефти и керосина упала в последнее время в 10 раз» [49].

Истинные размеры вывоза установить практически невозможно, однако имеются приблизительные цифры, позволяющие оценить масштаб: «В Баку скопились огромные запасы: сырой нефти 30 млн. пудов, мазута 40 млн. пудов, керосина 11 млн. пудов, масла 9 млн. пудов и др.» [50]. Можно только представить, какой объем нефтепродуктов обрушился на небогатый турецкий рынок, позволивший обвалить цену в 10 раз!!! Понятно, что такой громадный выброс нефти, основного источника доходов Азербайджанской Республики, не мог не сказаться на экономическом положении республики, которое нельзя оценить как стабильное.

На ликвидацию последствий деятельности большевиков в Баку были направлены первые шаги правительства республики, одним из которых стало постановление о денационализации нефтяной промышленности Азербайджана от 5 октября 1918 года. «Все декреты и распоряжения о национализации нефтепромышленных и подсобных

к ним предприятий, равно и торгового флота в пределах Бакинской губ., а также касательно порядка управления всеми этими предприятиями, изданные бывшим Бакинским Советом народных комиссаров, признать отмененными» [51], — заявлялось в документе. Кроме того, для выяснения общих нефтяных запасов республики каждый предприниматель или управляющий предприятием данной отрасли обязывался предоставить «в министерство торговли и промышленности сведения о местонахождении и количестве имеющихся у него запасов нефти и нефтяных продуктов». Одновременно «весь наличный запас нефти и ее продуктов» предполагалось оставить в распоряжении правительства и использовать его только с разрешения министерства торговли и промышленности.

Реализация этого постановления была проведена в достаточно короткие сроки. Уже в конце октября министерство торговли и промышленности объявило, что «в виду того, что все работы по приведению в известность наличности на 11 октября нефти и нефтяных продуктов закончены, сим доводится до всеобщего сведения, что все промыслы, заводы, суда и все вообще без исключения имущество нефтепромышленных и подсобных им предприятий перешли того же числа, согласно пункту 2 постановления Совета Министров от 5 октября о денационализации нефтяной промышленности, в полное владение и управление владельцев» [52].

Именно это позволяет говорить о восстановлении принципа частной собственности на территории Баку и Бакинской губернии, находившихся ранее под контролем Баковского Совета. Причем это касалось не только нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, но и других отраслей. По распоряжению парламента была учреждена особая ревизионно-следственная комиссия по расследованию злоупотреблений и преступлений с нефтепродуктами

в различных ведомствах. По принятому 27 июля 1919 года закону комиссия получала обширные полномочия, вплоть до отстранения от должности во время официального расследования. Она занималась и вопросами крупных хищений, совершенных в периоды иностранной оккупации (особенно турецкой); создавались даже специальные комиссии, занимавшиеся подсчетом ущерба, причиненного Азербайджанской Демократической Республике турецкой стороной.

Бесспорно, что для оздоровления отрасли, а затем и всей экономики необходимы были долгосрочные соглашения на поставки сырой нефти и нефтепродуктов за «живые» деньги. Зная подвешенное, если хотите просто критическое, положение демократического Азербайджана, многие пользовались этим в ходе переговоров, выторговывая себе весьма выгодные условия поставок.

С соседней Грузией, также испытывавшей серьезные финансовые затруднения, был налажен регулярный товарообмен. Поставки нефти осуществлялись в рамках заключенного в декабре 1918 года между двумя республиками транзитного соглашения о «временных правилах перекачки нефти со станции Дзегам Азербайджанской железной дороги на станцию Салоглы Грузинской железной дороги». Например, только с 1 октября 1918 года по 1 апреля 1919 года со станции Баку до станции Салоглы было перевезено 6,168 млн. пудов нефти, из которых более 3,2 млн. пудов передано британскому командованию, а 281,16 тыс. пудов — Грузии. Значительные объемы нефти шли по нефтепроводу Баку — Батум, пролежавшему вдоль железнодорожной ветки, через который Грузия получила несколько миллионов пудов нефтепродуктов.

В обмен на поставки нефти Азербайджан получал плату частично деньгами, частично продуктами и товарами первой необходимости (большей частью древесным углем,

хлебом, сахаром, капустой). Важно отметить, что это соглашение было заключено на выгодных для Грузии условиях, так как вследствие предоставления своей территории для транзита нефтепродуктов грузинская сторона получала определенный процент при перекачке. Причем, несмотря на такие шадящие условия, Грузия постоянно имела перед соседней республикой большую задолженность по оплате. Только к 1 апреля 1919 года ее долг Азербайджану за нефть превысил 15,9 млн. рублей.

Подобный бартер был налажен и с другими странами. В частности, с Италией достигнута договоренность о поставках нефти по фиксированным (читай льготным) ценам, что, в свою очередь, позволило генералу Усубову, руководившему специальной комиссией по закупке военного обмундирования и снаряжения в Италии, заключить ряд необходимых для Азербайджана соглашений на приобретение различного имущества. Достижение таких договоренностей на выгодных для Италии условиях было бы невозможным без жесткой позиции главы итальянской миссии в Закавказье полковника Габбы, который весьма четко связал воедино переговоры в Азербайджане и Италии.

Военный атташе Азербайджана в Грузии докладывал начальнику Генштаба республики, что «в очень любезной форме полковник Габба сказал мне, что ускорение получения 1 тыс. тонн нефти в Баку дает ему возможность телеграфировать в Италию о фактическом установлении экономических сношений с Азербайджанской Республикой и это обстоятельство несомненно повлияет на успех нашей комиссии в Италии» [53]. То есть по-прежнему можно говорить о бартере, правда, не прямом.

Правительство Н. Усубекова хотело сделать Италию своим постоянным партнером, привязав его к регулярным поставкам нефтепродуктов из республики, что позволило расширить сбыт. Для этого главе итальянской миссии

предлагались весьма льготные условия. «Ныне имеется возможность сообщить Вам, что правительство Азербайджана может поставить в Батум для итальянского правительства ежемесячно около пятисот тысяч (500 000) пудов керосина и около шестидесяти тысяч пудов (60 000) мазута и нефти, по ценам франко-Батум — резервуар для керосина по тридцать пять (35) долларов за одну тонну и для мазута или нефти двадцать пять (25) долларов за одну тонну. К вывозу мазута будет приступлено на днях» [54], — писал в декабре 1919 года Уссубеков полковнику Габбе.

Цивилизованное соглашение с Италией было вдвойне важным для руководства Азербайджана, так как оно стало бы в противовес кабальным условиям, предлагаемым английской и американской сторонами. Например, американская миссия, используя нехитрую формулу «нефть в обмен на продовольствие» (кстати, крайне популярную и в наши дни), пробила еженедельное получение мазута от 500 до 1000 тонн. При этом она требовала, чтобы азербайджанская сторона брала на себя обязательство нести ответственность за сохранность груза на всем пути следования до Батума, то есть включая и грузинскую часть железной дороги.

Показательно, что глава миссии полковник Юлио в ультимативной форме заявил о том, что договор может быть подписать только в их редакции, где говорилось об ответственности азербайджанцев и о том, что американцы просто сгружали муку в Батуме. То есть и проблемой доставки ее в Баку тоже должна была заниматься азербайджанская сторона. В противном случае американцы грозили прекратить переговоры о поставках столь необходимой для республики муки. Тем не менее азербайджанское правительство вынуждено было согласиться на такие кабальные условия, получив взамен от американского «Комитета помощи на Ближнем Востоке» обещание о поставках двух

вагонов муки в неделю. Такая «помощь» США дорого обходилась Азербайджанской Республике!

Англичане не снизили темпов выкачки нефти из Азербайджана и после того, как военный контингент покинул страну: в 1920 году британская нефтяная администрация в Батуме только по железной дороге получала 15 вагонов мазута ежедневно. Тогда 25% полученных нефтепродуктов выделялось на удовлетворение потребностей французского и итальянского правительства. Британское представительство старалось всячески ограничить доступ к нефтяному потоку из Азербайджана даже своим союзникам — Франции и Италии. Это выражалось в постоянном контроле внешнеполитических контактов Азербайджана и не менее жестком экономическом диктате со стороны Великобритании, ставшей основным пользователем кавказской нефти.

Естественно, что ей было крайне невыгодно уступать столь «хлебное» место даже партнерам по европейской коалиции. В частности, британская нефтяная администрация, контролировавшая весь вывоз через Батум, весной 1920 года объявила о том, что будет пропускать только необходимый ей мазут, да и то при условии, что «все накладные на мазут, отправляемый из Баку, должны иметь подпись капитана Кука, представителя Британской нефтяной администрации в Баку», что означало, что без согласия британских представителей азербайджанской стороне нельзя заниматься самостоятельной перевалкой нефтепродуктов. Кроме того, республика получала еще и ввозную пошлину (8 руб. с пуда) на свою нефть, передаваемую европейским «партнерам», что только закрепляло ее кабальное положение.

Понятно, что за такой короткий срок диверсификация географии нефтяных поставок была просто невозможной, тем более что основное приоритетное направление сбыта,

Россия, оказалось полностью закрытым. Ориентация на внутренний российский рынок, являвшаяся в дореволюционный период выигрышной, оказалась в новых условиях ахиллесовой пятой независимого Азербайджана и стала одной из причин его нежизнеспособности. Как справедливо говорится в коллективной монографии азербайджанских ученых «Азербайджанская Демократическая Республика», «невозможность сбыта за пределы республики накопившихся огромных запасов нефтепродуктов (примерно 150 млн. пудов) явилось причиной упадка нефтедобычи, что в свою очередь приводило к сокращению работ на промыслах и увольнению рабочих, страшной дороговизне, быстрому падению бумажных денег. Тяжелое экономическое положение сопровождалось усилением стачечного движения в Баку ... Внутреннее положение в республике к этому времени осложнялось тем, что в обстановке растущего экономического кризиса наблюдалось усиление рабочего движения» [55].

Главным, если не единственным, направлением сбыта нефтепродуктов стало грузинское, которое связывало Баку с мировым рынком, в основном с европейским. В связи с этим главными средствами для вывоза стали Закавказская железная дорога и специальный керосинопровод Баку — Батум. Отметим, что большая нагрузка по перекачке нефти легла именно на керосинопровод, работа которого была восстановлена только в декабре 1918 года (с лета в связи с широкомасштабными военными действиями на Южном Кавказе он не функционировал). Понятно, что перекачка сырой нефти по керосинопроводу была малорентабельным занятием, и азербайджанское правительство вместе с нефтепромышленниками отлично это понимали. Поэтому в мае 1919 года состоялось специально посвященное этому вопросу заседание Союза нефтепромышленников с участием британских представителей, где было принято ре-

шение о возвращении керосинопровода его первоначальной функции. Однако реализовать даже это логичное решение азербайджанское правительство не смогло.

Таким образом, вся нефтяная промышленность в период существования Азербайджанской Республики явно находилась явно в регрессивном состоянии. По данным азербайджанских историков, «объемы нефти в 3376 тысяч тонн и 3690 тысяч тонн, добытых в 1918—1919 годах, соответственно составляли всего лишь половину объема нефти за 1916 год» [56]. В 1920 году в связи с недостатком сбыта нефтяная и нефтеперерабатывающая промышленность Азербайджана вообще оказалась в глубоком кризисе: «если показатели 1913 года принять за 100%, то данные 1920 года, по отношению к довоенному, составляли: бурение скважин — 3,49%, добыча нефти — 39,18%, переработка нефти — 34,54%» [57].

ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ. Помимо нефтяного направления внимание правительства было обращено на улучшение и финансовую стабилизацию в республике, что подразумевало снижение инфляции, унификацию денежной системы и восстановление банковского сектора. В связи с тяжелым финансовым положением новой республики первоочередной задачей становилось создание кредитно-финансовой системы, без которой любые экономические преобразования, будь то налоговая реформа или новые таможенные правила, становились бесполезными.

Уже просто упорядочить денежные отношения в республике оказалось крайне непросто. Напомним, что в 1918 году на Южном Кавказе в обращении находились три разновидности платежных средств: царские рубли, керенки (рубли, выпущенные Временным правительством) и боны Закавказского правительства, напечатанные в Тифлисе. В сентябре этого года появилась четвертая валюта —

азербайджанские боны, или бакинские боны, или манаты, ставшие собственной валютой Азербайджанской Демократической Республики. Они, согласно правительственному постановлению об их введении в денежный оборот, сразу получили фиксированный курс, привязанный, что показательно, к турецкой лире, за которую давали 40 манатов (или бон). Вслед за первой партией дензнаков, отпечатанных в Баку, всего спустя несколько дней, еще в сентябре, последовала вторая — в размере 30 млн. бон. В октябре, поняв, что несколько продешевели, члены правительства Хойского решили поднять курс национальной валюты с 40 до 20 манатов за 1 лиру.

В ходу в основном находились купюры номиналом в 10 и 25 бон, также использовались и банкноты в 50 манатов. Однако уже в 1919 году, не справившись с ростом инфляции, правительство было вынуждено приступить к изготовлению бон номиналом 100 манатов и крупнее.

Регулярная денежная эмиссия негативно сказывалась на темпах инфляции, подогреваемой продовольственным кризисом и глубоким промышленным спадом. Не способствовали упорядочению денежных отношений в Азербайджане и периодические выбросы свежотпечатанных закавказских бон, выпущенных по инициативе соседних республик. Только в конце осени 1918 года по просьбе грузинского правительства было допечатано 80 млн. закавказских бон, в январе 1919 года — еще 20. Соблазн решения текущих финансовых трудностей простым включением печатного станка оказался для большинства закавказских руководителей слишком большим, чтобы искать другие пути. Только в феврале 1919 года совместными усилиями Армении и Грузии на свет появилось еще 320 млн. необеспеченных закавказских бон.

Любопытно посмотреть на курс дензнаков республики к иностранным валютам на азербайджанской бирже к ию-

ню 1919 года: 1000 керенских рублей — 1850, 500 николаевских рублей — 1600, российский золотой рубль — 420, французский франк — от 8 до 10, итальянская лира — 7, иранский туман — от 125 до 130, турецкая золотая лира — 390, американский доллар — 250 и английский фунт стерлингов — от 310 до 315. Наибольшей популярностью и доверием пользовались нобелевские акции по цене 16,5 тыс. бакинских бон за штуку. В сравнении с главной европейской валютой особенно явственно видны гигантские темпы инфляции: уже в октябре 1919 года фунт стерлингов оценивался в 525 единиц, а к ноябрю он достиг планки в 730 азербайджанских манатов.

Для контроля за денежной эмиссией и нормализации финансовой ситуации в республике осенью 1919 года был организован Государственный банк, вслед за которым возникла сеть сберегательных касс и отделений мелких кредитов. Оказывалась поддержка и развитию частного банковского сектора в республике. На территории Азербайджана действовали Бакинский купеческий банк, Бакинский персидский банк, филиалы Тифлисского купеческого и Соединенного банков. Тем не менее констатировать серьезное укрепление кредитно-финансовой политики республики в тот период нельзя: правительство не смогло справиться как с инфляцией, так и с кризисом перепроизводства. Причина проста — отсутствие внешнеэкономических связей и налаженных торговых отношений. До нормализации денежного обращения в Азербайджане тоже было еще далеко: его унификация произошла только в советское время.

РАБОЧИЙ ВОПРОС. Именно плачевное положение экономики Азербайджана обусловило провал всех попыток правительства стабилизировать ситуацию в рабочем вопросе — главную тему выступлений оппозиции. В октябре 1918 года правительство восстановило фабричную инспек-

цию Бакинской губернии, ее главной задачей было урегулирование конфликтов между рабочими и предпринимателями. Уже в ноябре ситуация в промышленных районах значительно обострилась, так как с приходом англичан в Баку вернулось и множество рабочих, покинувших город в сентябре 1918 года. Фабричная инспекция просто не справлялась с потоком жалоб, связанных с правовым и экономическим положением рабочих, которые через Бакинскую рабочую конференцию требовали восстановить институт коллективного договора в редакции Баксовета 1918 года и повысить оплату труда. Декабрьская стачка, прекращенная с большим трудом и только после вмешательства британского командования, показала всю серьезность рабочего вопроса.

В январе 1919 года парламентская фракция «Мусавата» в специальном запросе министру труда обратила его внимание на тяжелое положение рабочих, выразившееся в упразднении коллективных договоров и резком снижении заработной платы. Правительство быстро отреагировало на запрос, собрав совещание с участием представителей английского командования, нефтепромышленников и фабричной инспекции для решения назревшего вопроса о повышении заработной платы. Пообещав нефтепромышленникам ссуду в 10 млн. рублей, министр труда А. Сафийюрдский сумел уговорить совещание принять решение о выдаче уже с января дополнительного к заработной плате пособия в размере 120 рублей в месяц одиноким и 360 рублей семейным рабочим.

Для постоянного контроля за решением этого вопроса министерство труда страны 25 января 1919 года создало Особое совещание по рабочему вопросу и восстановило, с некоторыми изменениями, коллективный договор. Несмотря на очевидную важность создания подобного органа, парламент смог утвердить его статус только 19 марта.

Новое учреждение, в состав которого вошли представители от рабочих и предпринимателей, должно было разрешить все вопросы охраны труда и условий быта рабочих. Разработанный министерством план работы для совещания включал в себя создание инспекции труда, промысловых трудов, больничных касс, арбитражного суда, фабрично-заводских комитетов. Обилие задуманных министерством учреждений для регулирования жизни рабочих поражало воображение, но, к сожалению, не имело практических последствий. Почти все мероприятия в этом направлении, за исключением арбитражного суда, остались на бумаге. Между тем реальное ухудшение условий жизни и труда рабочих требовало незамедлительных конкретных действий.

Практические меры по решению рабочего вопроса регулярно подвергались жесткой критике на парламентских заседаниях. Так, на очередном заседании 4 февраля 1919 года выдвинутый рабочей комиссией законопроект повышения заработной платы подвергся острой критике со стороны фракции социалистов — они заявили, что меры, направленные на повышение заработной платы, не изменят ситуацию коренным образом. В общем-то они были правы: парламент несколько раз принимал законы, направленные на улучшение положения рабочих и служащих, однако они были обречены либо на неудачу, либо на простое неисполнение.

Происходила своеобразная цепная реакция, перечеркивавшая весь позитив принятых законов и постановлений. Сначала правительство и парламент повышали ставки заработной платы, что порождало дефицит госбюджета. Чтобы заштопать бюджетные дыры, правительство уже через несколько дней снова повышало тарифы и одновременно запускало печатный станок, что, в свою очередь, подстегивало инфляцию. По данным статистического отдела мини-

стерства торговли, продовольствия и промышленности, за шесть месяцев 1919 года средний процент вздорожания продуктов составлял 100%, в то время как процент повышения заработной платы — только 30%.

Пытаясь найти выход из ситуации, это министерство в январе 1920 года предложило правительству начать напрямую снабжать рабочих и служащих основными продуктами питания и предметами первой необходимости (хлеб, чай, сахар, рис, бязь и т. п.) по твердым ценам, для чего при министерстве планировалось создать особое межведомственное совещание. Проект осуществить не успели. Но даже в случае его реализации, скорее всего, ничего кроме новых коррупционных скандалов он бы не принес. Без общего изменения экономической ситуации улучшить положение рабочих не представлялось возможным.

АГРАРНЫЙ КРИЗИС. Если ухудшение положения рабочих имело своей причиной общее состояние экономики, то аграрный кризис, поразивший молодую республику, был обусловлен особенностями развития закавказской деревни в конце XIX — начале XX века. На тот момент в Бакинской и Елисаветпольской губерниях существовало два типа земельной собственности — казенные и владельческие земли. Первые из них находились в пользовании государственных крестьян, составлявших 70—75% всего крестьянства и сосредоточенных в своей массе в Бакинской губернии.

В начале XX столетия широкое распространение среди государственных крестьян получила купля-продажа права на пользование казенными землями, причем продавались и закладывались не только усадебные, но и пахотные земли. Эта тенденция, усиленная захватами или арендой общинной земли, вела к концентрации ее в руках одних предприимчивых крестьян и постепенному обезземелива-

нию других. Этот процесс сопровождался серьезными конфликтами, которые обострились в связи с отсутствием у местной администрации и самих крестьян точных данных о размерах и границах наделных земель. В 1903 году правительство наконец приступило к размежеванию земель государственных крестьян, но работы шли очень медленно. В течение первых пяти лет по всему Закавказью было размежевано всего 361 селение из 5 тыс. государственных поселений. К 1914 году в Елисаветпольской губернии было размежевано всего лишь 103 селения из 1083.

Что касается владельческих земель, принадлежавших бекам-мюлькадарам, то они делились на земли, находившиеся в наделе у владельческих крестьян, и земли в непосредственном пользовании самих беков. В 1870 году владельческие крестьяне стали лично свободными и получили право выкупа своего надела при согласии бека. Надел закреплялся за крестьянином, который до окончательного выкупа обязан был нести в пользу бека повинности за пользование землей. Хотя норма крестьянского надела определялась в 5 десятин на душу мужского пола, но на практике она составила 2–3 десятины: по закону землевладельцы, имея право сохранить 1/3 всех пригодных к распашке земель, отрезали часть крестьянских наделных земель. В результате в 1897 году более чем 600 тыс. десятин частновладельческих земель оказалось сосредоточенным в руках 2690 крупных хозяев, владевших от 300 до 1000 десятин земли.

К 1917 году число частных владельцев значительно выросло, что было напрямую связано с проведением в жизнь закона от 20 декабря 1912 года об обязательном выкупе наделных земель бывшими владельческими крестьянами. По нему с 1 января 1913 года крестьяне прекращали отбывать повинности бекам и переводились на обязательный выкуп своей земли. Однако до революции большая часть крестьян

так и не смогла выплатить выкупную сумму. Что же касается земельных участков крестьян-собственников, то они были очень небольшими, достигая в среднем 2–3 десятин земли, хотя часть крестьян имела участки в 10–20 десятин. В этой ситуации масса безземельного и малоземельного крестьянства была вынуждена работать по найму или же арендовать землю у беков, к которым они, конечно, не испытывали теплых чувств. Дополнительным рычагом экономического давления крупных землевладельцев на крестьян стал вопрос орошения земель. В начале XX века большое распространение получило строительство вдоль рек водоканалов, владельцы которых заключали с крестьянами окрестных селений отдельные договоры на орошение земель.

Таким образом, накануне революции крестьяне Бакинской и Елисаветпольской губерний находились в ситуации острого социально-экономического кризиса, вызванного процессом обезземеливания, а также проведением выкупных операций владельческими крестьянами. Кроме того, ситуация усугублялась неопределенностью границ частновладельческих и государственных земель, что часто приводило к попыткам их захвата со стороны беков. К этому прибавлялся фактор переселенческой политики правительства, который также обострял проблему малоземелья и вызывал острые конфликты между переселенцами и местным населением.

Революция ничуть не ослабила аграрный кризис в Восточном и Южном Закавказье, а скорее еще больше запутала его. Отменив в июне 1918 года аграрный закон, принятый ранее Закавказским сеймом, второе азербайджанское правительство мало продвинулось в деле его решения. Собственно, для правительства вопрос был практически неразрешим, поскольку оно просто не решалось на какие-либо шаги в сторону хотя бы частичного, даже за вознаграждение, отчуждения земель беков и других крупных земле-

владельцев, составлявших значительную часть элиты Азербайджанской Республики. Оставить все как есть правительство также не могло в силу разворачивавшегося с весны 1918 года крестьянского движения. Единственным выходом было создавать видимость активной деятельности в решении этого вопроса.

Так, сразу после открытия парламента в декабре 1918 года партия «Мусават», дабы успокоить население, поспешила огласить свою аграрную программу, где говорилось о безвозмездной передаче всех удельных, кабинетных, помещичьих и частновладельческих земель в полную собственность трудового крестьянства. В проекте все же указывалось, что лицам, вложившим в землю известный капитал, будет выдано вознаграждение из особого фонда. Но программа скорее была популистским прикрытием для правительства, которое не спешило приступить к проведению аграрной реформы. Министры снова вспомнили спасительную формулу непредрешиения земельного вопроса до созыва Учредительного собрания (на этот раз азербайджанского). При этом подчеркивалось, что помещичья земельная собственность должна остаться неприкосновенной.

Разработка аграрного законопроекта велась одновременно, но без всякой координации, в рамках специально созданной парламентской комиссии и министерства земледелия. Созданная 4 февраля 1919 года парламентская комиссия во главе с меньшевиком Самед-агой Агамали-оглы состояла из девяти членов, представлявших разные фракции парламента. Пестрый политический состав комиссии привел к тому, что в качестве компромиссного варианта был принят аграрный законопроект Закавказского сейма.

Камнем преткновения для комиссии и затем для парламента стал вопрос о конфискации или выкупе частновладельческих земель. Вынесенный 23 апреля 1919 года на рассмотрение парламента, он вызвал ожесточенную поле-

мику. Фракция «Иттихад» и беспартийные решительно настаивали на выкупе частновладельческих земель. Их поддержало правое крыло фракции «Мусават», заявившее, что конфискация может вызвать сопротивление землевладельцев и развал аграрного сектора. Социалисты единогласно выступили за безвозмездную конфискацию. Голосование решило вопрос в пользу сторонников конфискации земли без вознаграждения. Парламентская комиссия продолжила свою работу и к сентябрю 1919 года подготовила окончательный проект закона, согласно которому вся земля безвозмездно переходила в руки государства и объявлялась его собственностью. Основным владельцам оставлялась в пользование часть их прежних владений по определенным нормам в размере от 25 до 75 десятин.

Что касается самого правительства, то только в июне 1919 года при министерстве земледелия был учрежден отдел аграрных реформ, подготовивший к августу проекты двух законов — «О земельном обеспечении населения Азербайджанской республики» и «Об обращении лесов частного владения в собственность государства». Министерство, в отличие от парламентской комиссии, настаивало на отчуждении частновладельческих земель за вознаграждение. Разразившийся в это время очередной правительственный кризис не дал внести эти законопроекты в парламент, который вынужден был довольствоваться обсуждением 2 октября 1919 года проекта, подготовленного его комиссией.

Однако новое правительство поспешило заблокировать рассмотрение чрезмерно радикального, с его точки зрения, аграрного закона под предлогом необходимости совместного обсуждения парламентского и правительственного законопроектов. За немедленное рассмотрение законопроекта выступила социалистическая фракция, но встретила отпор со стороны Расул-заде, заявившего, что социа-

листы хотят лишь использовать аграрный вопрос «для демагогической пропаганды и агитации», а он подходит к вопросу «с целью честно его разрешить». Правда, для «честного разрешения» вопроса у правительства, с одной стороны, не было особого желания, а с другой — времени.

В деревне ситуация обострялась с каждым днем. Снова, как весной 1918 года, крестьяне перешли к тактике террора и самочинного захвата земель беков. О настроениях крестьян говорит полученная 25 февраля 1919 года в МВД телеграмма Елисаветпольского губернатора полковника Векилова: «Среди темной массы мусульман Азербайджана распространяются провокационные сведения о том, что правительство Азербайджана состоит исключительно из ханов, беков и агаларов, которые якобы оказывают покровительство только лицам бекского звания и состоятельному классу населения. Убийство на днях в селении Кавегды помещика Ахмед-бека Мамедханбекова объясняют именно тем, что он принадлежал к числу беков-землевладельцев. Говорят, что намечено еще несколько лиц землевладельцев, на которых предполагается также нападение» [58].

Правительство действительно поддерживало в возникающих с крестьянами конфликтах по большей части крупных землевладельцев. Так, в письме к генерал-губернатору Х.-б Султанову министр внутренних дел Н. Уссубеков писал: «...министерство земледелия в своей текущей работе настойчиво проводит принцип безусловного охранения впредь до проведения аграрной реформы этого земельного положения, которое существовало до настоящего времени, не допуская ни изменения наделов, ни дополнительных наделов, ни самовольных захватов казенных или частновладельческих земель» [59].

При такой позиции центрального правительства местная администрация считала своим долгом во всем выступать на стороне крупных землевладельцев, помогая им да-

же захватывать крестьянские земли. «Опять постигло нас несчастье, — писали в письме крестьяне, — беки селения Оксюнюзлы возобновили свои старые земельные споры. Губернатор и уездный начальник явно держат руку помещиков и нарушают силу установленной грамоты и умышленно создают для беков ложные документы» [60].

Ситуация в уездах обострялась в связи с развернувшимися вокруг земли спекуляциями. В циркуляре МВД отмечалось, что «земли, сдаваемые в аренду, попадают сначала в руки особых спекулянтов, не имеющих ничего общего с сельским хозяйством, а те в свою очередь, выгодно продают их трудящемуся населению». Чтобы как-то стабилизировать ситуацию, МВД не смогло придумать ничего лучше, чем обратиться 14 мая 1919 года к крестьянам с требованием приостановить всякие сделки, касающиеся купли-продажи, а также аренды земельных угодий. Естественно, что крестьяне, остро нуждавшиеся в земле, не захотели выполнить требование правительства.

В то же время центральная и местная власть попыталась ослабить остроту аграрного кризиса за счет остававшегося еще русского населения. Как свидетельствует Б.Л. Байков, «в северо-восточной части Шемахинского уезда населенной по преимуществу молочанами, русское население подвергалось повальному ограблению со стороны татарского населения, предводимого доморощенными администраторами из татар же, у населения отбирали хлеб, скот, земледельческие орудия, домашнее имущество. ...С очевидного благословения Азербайджанского правительства принимались все меры к тому, чтобы заставить коренное русское население подняться с насиженных мест... и уйти вовсе из Азербайджана» [61].

Почти сразу после изгнания русского населения правительство на местах образовывало комиссии из представителей министерств, которые начинали сдавать в аренду ос-

вободившиеся земли татарским сельским обществам. Однако практика не оправдала себя, так как доход оказался минимальным, а мусульманские крестьяне по-прежнему требовали общего передела земли.

Видя, что правительство не спешит решать земельный вопрос, крестьяне под явным влиянием большевистской пропаганды стали отказываться предоставлять рекрутов на армейскую службу. В секретном циркуляре губернатора от 2 апреля 1919 года министру сообщалось, что «на всей территории Азербайджана в настоящее время ведется усиленная пропаганда, как среди населения, так и среди войск, причем пропагандисты убеждают население не давать аскеров, а этих последних дезертировать или даже прямо разойтись по домам... Последствия такой агитации очевидны: например, в настоящее время ни один из новобранцев Нухинского уезда не остается в войсках и на другой день дезертирует. В Казахском уезде почти весь уезд теперь отказался давать новобранцев» [62]. Можно смело утверждать, что за весну и лето 1919 года правительство почти полностью потеряло поддержку со стороны основной массы крестьянства.

ВОПРОС ОБ ОБРАЗОВАНИИ. Особое место во внутренней политике Азербайджана отводилось вопросу национализации образования, основному инструменту для реализации проекта формирования азербайджанской нации. Поэтому одним из первых правительственных постановлений от 28 августа 1918 года во всех высших начальных и средних учебных заведениях Азербайджанской Демократической Республики вводилось обучение на государственном тюркском языке. Все параллельные национализированные классы средних учебных заведений, где преподавание велось исключительно на армянском и русском языках, упразднились. С пятого класса средней школы до

окончания учебного заведения обучение велось на русском языке, тюркский преподавался как обязательный предмет.

С приходом англичан правительство вынуждено было смягчить слишком жесткий закон о тюркизации начального и среднего образования. В тех городах, где имелось только одно учебное заведение, было разрешено открывать параллельные классы с преподаванием на русском языке при обязательном обучении государственному языку. На конец 1919 года были национализированы все средние учебные заведения, за исключением бакинских политехнического и коммерческого училищ, двух мужских и трех женских гимназий.

С учетом низкого уровня грамотности населения и определенной конкуренции со стороны русского образования министерство народного просвещения тщательно следило, чтобы дети азербайджанцев поступали исключительно в национализированные азбучные, подготовительные и первые классы. На это специально обращалось внимание всех работников образования в циркулярном распоряжении от 7 сентября 1919 года. Прием азербайджанских детей в те же классы с преподаванием на русском языке допускался в исключительных случаях.

Несмотря на усилия правительства, тюркизация образования проходила с большими трудностями, которые в основном сводились к отсутствию национальных образовательных программ и нехватке преподавательских кадров. В течение 1919 года созданные при министерстве специальные комиссии подготовили программы и объяснительные записки по истории тюркских народов. В мае 1919 года была создана комиссия по реформе алфавита. С учетом нехватки преподавателей министерство перенесло в Казах мусульманское отделение Горийской учительской семинарии, а в сентябре открыло в Баку еще одну. Кроме того, бы-

ло решено отправить в ведущие вузы Европы около сотни азербайджанцев для подготовки специалистов в различных отраслях промышленности, науки, культуры и здравоохранения. Довольно остро стояла проблема с материальным обеспечением работников просвещения, несмотря на принятые правительством меры по повышению окладов и введению особых социальных льгот.

Другим важным событием в области национально-культурного строительства стало открытие первого в Баку университета. Идея его основания встретила возражения у части парламентариев, которые указывали на отсутствие научной базы и специалистов, а также на опасность того, что университет станет русским. В парламенте М.Э. Расулзаде заявил, что «самое главное в этом вопросе профессиональная сила, ядро которой уже налицо... Что касается того, почему у нас университет на русском языке, то вопрос ясен, потому что комплекты слушателей у нас не знают никакого другого иностранного языка, кроме русского. Профессора этого университета одновременно будут учить и изучать страну, и вокруг университета создастся научный интерес и научная работа». Азербайджанская элита вполне справедливо рассчитывала, что русский по факту университет поможет воспитать первые национальные научные кадры, которые затем смогут превратить его в азербайджанский университет. Следует отметить, что тюркизация начального, среднего и высшего образования оказалась наиболее продуманным из всех направлений деятельности правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Коджаман О.** Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период / Пер. с англ. И. Стамовой. — М., 2004. — С. 43.
2. **Деникин А.И.** Очерки русской смуты. — М., 1991. — С. 35.
3. **Людендорф Э.** Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. — М., 1924. — Т. 2. — С. 187.
4. **Денстервиль Л.** Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918 гг.: Воспоминания. — Тифлис, 1925. — С. 122.
5. **Мустафа-заде Р.С.** Две республики: Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. — М., 2006. — С. 42.
6. Там же. — С. 116.
7. **Коджаман О.** Указ. соч. — С. 48.
8. Борьба за установление и упрочнение Советской власти в Дагестане 1917–1921 гг.: Сборник документов и материалов. — М., 1958. — С. 362–364.
9. Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920: Документы и материалы. — Баку, 1967. — С. 367.
10. Там же.
11. **Мустафа-заде Р.С.** Указ. соч. — С. 77.
12. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.): Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. — Махачкала, 1994. — С. 177–178, 205–210.
13. **Мустафа-заде Р.С.** Указ. соч. — С. 108.
14. Там же. — С. 109.
15. Там же. — С. 13.
16. Там же. — С. 115.
17. **Дерябин А.И.** Гражданская война в России 1917–1922: Национальные армии. — М., 1998. — С. 3.
18. Там же. — С. 3–4.
19. Там же. — С. 34.

20. Подробнее см.: **Исмаилов Э.Э.** Георгиевские кавалеры — азербайджанцы. — М., 2005.
21. **Арапов Д.Ю.** Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. — М., 2001. — С. 30.
22. **Дерябин А.И.** Указ. соч. — С. 134.
23. **Дарабади П.** Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX века. — Баку, 1991. — С. 134.
24. **Дерябин А.И.** Указ. соч. — С. 134.
25. **Дарабади П.** Указ. соч. — С. 133.
26. **Мустафа-заде Р.С.** Указ. соч. — С. 69.
27. Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 г. — Баку, 1920. — С. 24.
28. Там же. — С. 22.
29. Цит. по: **Насиров Т.М.** Борьба за власть в Азербайджане (1917–1920 гг.). — Баку, 1993. — С. 57.
30. Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 г. — Баку, 1920. — С. 23.
31. Там же.
32. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). — Баку, 1998. — С. 111.
33. **Пчелин Н.** Крестьянский вопрос при мусавате (1918–1920). — Баку, 1931. — С. 21–22.
34. Цит. по: **Насиров Т.М.** Указ. соч. — С. 60.
35. Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 г. — Баку, 1920. — С. 23.
36. Там же. — С. 24.
37. Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920: Документы и материалы. — Баку, 1967. — С. 27–28.
38. Там же. — С. 63.
39. Документы об английской интервенции в Азербайджане в 1918–1919 гг. // Труды Института истории партии. — Баку, 1948. — Т. 12. — С. 282.
40. Там же. — С. 284.
41. Там же. — С. 269.
42. Там же. — С. 269–270.
43. Цит. по: Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). — Баку, 1998. — С. 138.
44. **Кафафов К.Д.** Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. — 2005. — № 8. — С. 70.
45. Там же. — С. 70.
46. Цит. по: **Насиров Т.М.** Указ. соч. — С. 75.

47. Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920: Документы и материалы. — Баку, 1967. — С. 127.
48. Цит. по: **Насиров Т.М.** Указ. соч. — С. 94.
49. Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920: Документы и материалы. — Баку, 1967. — С. 37.
50. Там же.
51. Там же. — С. 14.
52. Там же. — С. 19.
53. Там же. — С. 341.
54. Там же. — С. 350.
55. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). — Баку, 1998. — С. 128.
56. Там же. — С. 208.
57. Там же.
58. **Ратгаузер А.** Борьба за советский Азербайджан: К истории апрельского переворота. — Баку, 1928. — С. 5.
59. Там же. — С. 7.
60. Там же. — С. 8.
61. **Байков Б.Л.** Воспоминания о революции в Закавказье // Архив русской революции. — М., 1991. — Т. 9–10. — С. 157–158.
62. **Ратгаузер А.** Указ. соч. — С. 13.

Глава четвертая

СОВЕТИЗАЦИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНА:
БЫСТРО
И БЕЗБОЛЕЗНЕННО

НАМЕРЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА. Для Советской России потеря Бакинского района в 1918 году оказалась сильным ударом, тяжелые последствия которого остро ощущались в ходе экономической блокады. Намерение Москвы вернуть контроль над жизненно важным регионом оказалось твердым и последовательным, ради чего она готова была идти практически на любые жертвы и уступки. В частности, в том же году большевистское руководство вело секретные переговоры с Германией об оказании давления на Турцию для возврата Восточного Закавказья России, обещая взамен безвозмездное выделение четвертой части всей добываемой там нефти. Секретный протокол был подписан, однако так и остался на бумаге: терпящая тогда поражение в войне Германия не смогла повлиять на своего строптивого союзника, вынужденного вскоре освободить азербайджанскую территорию для новых визитеров — англичан.

В конце 1918 и на протяжении всего 1919 года Советская Россия вынуждена была отказаться от активных действий в отношении Азербайджана. Борьба на несколько фронтов не оставляла Москве сил и времени на работу на этом направлении. Поэтому, как справедливо отмечает Р.С. Мустафа-заде, «потерпев военное поражение в Азер-

байджане, большевистское правительство предприняло активные усилия для того, чтобы взять реванш на дипломатическом фронте. Оно никак не реагировало на призывы правительства АДР к установлению дипломатических отношений, так как надеялось восстановить свои позиции в нефтяном Баку, лишив АДР внешней военно-политической поддержки усилиями своей дипломатии» [1]. Изменение ситуации в самой России в пользу большевиков к началу 1920 года вернуло на повестку дня вопрос о действиях окрепшей советской власти в отношении таких традиционно находившихся в российской сфере влияния регионов, как Кавказ и Средняя Азия. Тем более что к этому времени на территории Азербайджана уже не находились британские оккупационные войска, которые покинули ее в августе 1919 года.

В 1920 году между Москвой и Баку, ранее практически не замечавших друг друга, началась дипломатическая переписка, первоначальным посылом которой было предложение военного союза против Деникина. Как уже говорилось в предыдущей главе, его завязкой стала радиограмма главы внешнеполитического ведомства Советской России Чичерина от 2 января 1920 года: «Правительство РСФСР обращается к Азербайджану с предложением вступить в немедленные переговоры с Советским правительством о заключении военного соглашения между обоими военными командованиями, имеющего целью ускорить и добить белогвардейские армии юга России», — писал Чичерин. Нарком закончил это послание очень пафосно, но в то же время в ультимативной форме: «Мы обращаемся к Азербайджану и Азербайджанскому народу с призывом начать борьбу против Деникина. Правильно понятые интересы Азербайджанского государства и социально-политические интересы его трудящихся классов должны заставить Азербайджан ответить согласием на наше предложение» [2].

Весьма метко его оценил Тадеуш Свентоховский, написавший, что нота «была залпом психологической войны против Азербайджана» и «прозвучала скорее как призыв к местному пролетариату, чем как дипломатическое послание — она была перепечатана и широко пропагандирована коммунистической прессой в Баку».

Основной мыслью ответного письма Ф. Хойского являлась идея невмешательства во внутреннюю политику другого государства. Министр иностранных дел Азербайджанской Демократической Республики заявил, что его правительство считает для себя «недопустимым вторжение в сферу борьбы русского народа в деле устройства им своей внутренней жизни», однако оно «готово путем переговоров установить между русским и азербайджанским народами добрососедские отношения, вытекающие из принципа суверенности обоих государств».

Руководство Советской России, начав это диалог, не преследовало цель наладить дипломатические и экономические отношения с Азербайджаном, скорее собиралось просто выиграть время для подготовки силовой операции, а в случае успеха переговоров и втянуть Азербайджанскую Демократическую Республику в открытое противостояние с Деникиным, дабы упростить себе в дальнейшем захват республики.

Несмотря на официальный призыв к переговорам и заключению союза, позиция советского руководства в отношении страны не претерпела ни малейших изменений. Подтверждение тому — одно из январских заседаний Политбюро ЦК партии, на котором НКВД было поручено «вести политику величайшей сдержанности и недоверия по отношению к Азербайджанскому правительству». Азербайджанской Республике вменялись в вину отказ от совместных действий против Деникина и оказание всяческих услуг другому противнику Советской России, Англии, на Каспии.

Весьма популистский характер носило и второе послание Чичерина: «Неужели же министр Хан-Хойский полагает, что происходящая между Деникиным и Советской властью борьба не затрагивает судьбы Азербейджана? Разве ему неизвестно, что программу Деникина и всех связанных с ним элементов является восстановление единой неделимой России в ее прежних пределах и, между прочим, полное уничтожение всякой самостоятельности Азербейджана, всякой возможности волеизъявления его населения и всяких проявлений особенностей этого края и населяющих его народностей? Разве для министра Хан-Хойского составляет тайну, что победа Деникина означала бы просто восстановление царского режима, между прочим и в пределах Азербейджана?».

В итоге предложение выступить совместно против Деникина прозвучало еще раз, на что последовал четкий ответ: «...всякие переговоры по этому и другому вопросам могут происходить лишь на основе безусловного признания советским правительством независимости и суверенности Азербайджанской Республики». Третья телеграмма, отправленная в Баку 21 февраля 1920 года, не сильно отличалась от первых двух. В свою очередь министр иностранных дел республики в очередной раз предложил для начала признать независимый статус республики, что явно не входило в планы советского руководства.

ОБРАЗОВАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ. Помимо дипломатического давления на руководство республики Москва резко активизировала свою помощь местным левым партиям, перейдя в 1920 году к открытой координации их деятельности, направленной против существовавшей власти. Основным мероприятием по консолидации стало объединение всех левых сил в Азербайджанскую коммунистическую партию,

учредительный съезд которой состоялся в феврале 1920 года. Мустафа-заде отмечает, что еще с «осени 1919 г. активизировалась работа по налаживанию совместной деятельности трех коммунистических организаций, так как параллельное существование Бакинской организации РКП(б), «Гуммета» и «Адалет» уже не отвечало задачам подготовки к вооруженному перевороту и установлению советской власти в Азербайджане. К концу 1919 года большинство членов данных организаций осознали необходимость создания на базе слияния трех организаций общей для всего Азербайджана политической структуры — Азербайджанской Коммунистической партии (АКП(б)) как составной части РКП(б)» [3]. Об этом было прямо записано в итоговой резолюции съезда: «Объявить Азербайджанскую Коммунистическую партию частью Общекавказской краевой коммунистической организации и считать Кавказский краевой комитет своим руководящим органом». Избранный на съезде Центральный комитет АКП(б) включал в себя А. Караева, М. Гусейнова, А. Байрамова, Д. Буниатзаде, Г. Султанова и др.

На нужды бакинских товарищей центр выделял солидную материально-техническую и финансовую помощь. Например, в начале 1920 года на «определенные» нужды азербайджанских коммунистов ЦК РКП(б) выделил 50 млн. рублей. Кроме того, в Баку из разных регионов стало направляться оружие, в частности только Реввоенсовет Туркестанского фронта выделил 1200 винтовок.

Разносторонняя помощь из Центральной России способствовала активизации агитационной работы в Баку и окрестных районах. Еще в 1919 году военный министр республики неоднократно жаловался на плохую работу полиции и соответствующих органов, не препятствовавших деятельности большевиков, отмечая, что «многие лица большевистского направления, состоящие, к сожалению, из

мусульман, стараются всеми способами проникнуть в казармы, чтобы пропагандировать свои разрушающие основы спайки войск и привить им большевистские идеи».

В 1920 году начались тесные контакты с представителями Мустафы Кемалю, ставшего у руля управления Турции, терпевшей крах в столкновении с Антантой. Как отмечает О. Коджаман, «наступление британских войск на Стамбул 16 марта 1920 г. оказало решающее влияние на характер советско-турецких отношений, склонив таких видных турецких лидеров, как Кязим Карабекир и Февзи Чакмак, к идее наладить связи с большевиками для получения от них военной помощи» [4].

Действительно, кемалисты были сильно заинтересованы в помощи окрепшей России, в основном военного-технического характера, поэтому, в свою очередь, старались заинтересовать потенциального партнера. Например, турки предлагали использовать для захвата Азербайджана части, сформированные Халил-пашой в Дагестане. Кавказский краевой комитет отмечал, что «использование Халил-паши в качестве командира мусульманской части которая будет идти впереди наших частей, его популярность и влияние в Азербайджанском правительстве может спасти промысла и запасы нефти от уничтожения» [5].

Такие предложения вызвали большой интерес со стороны Москвы, особенно в свете опасности уничтожения нефтехранилищ и других объектов нефтедобывающей промышленности Баку по приказу правительства Азербайджанской Демократической Республики. Выяснилось, что Исполнительный комитет Турецкого национального движения приказал всем туркам, находившимся в Баку, подчиняться всем распоряжениям Кавказского краевого комитета [6].

Как справедливо замечает О. Коджаман, «сближение с турками дало большевикам дополнительный шанс на ус-

пех в их кавказской кампании, так как теперь они могли перетянуть на свою сторону значительную часть мусульманского населения Кавказа» [7]. И большевики не преминули этим шансом воспользоваться, заставив турецкий фактор работать на себя в ходе Бакинской операции. Как докладывал Орджоникидзе Ленину сразу после взятия Баку, «весьма активную роль в пользу революции в Баку сыграли турецкие аскеры и офицеры, отряд которых пресек правительству возможность бежать из Баку» [8]. Р. Мустафазаде вообще называет «близость стратегических устремлений кемалистской Турции и Советской России в данном регионе» важнейшим фактором падения Азербайджанской Демократической Республики [9].

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ВОПРОС: СИЛОВОЕ РЕШЕНИЕ

«ВЗЯТЬ БАКУ НАМ КРАЙНЕ, КРАЙНЕ НЕОБХОДИМО...» Курс на силовое решение азербайджанского вопроса окончательно возобладал среди советского руководства в марте 1920 года, хотя и вызывал некоторые сомнения даже у Ленина. В связи с обострением советско-польских отношений руководитель Советской России задумался о целесообразности проведения силовой операции, ставя на обсуждение вопрос о продолжении дипломатического диалога. «Хан-Хойский, хотя полемизирует, но усиленно напрашивается на переговоры. Если бы все силы пришлось направить против Польши и Финляндии и если бы мирным путем можно было получить нефть, не следовало ли бы отсрочить там войну», — задается вопросом В.И. Ленин в письме Троцкому от 11 марта. Однако успокоительные донесения с Кавказского фронта, где шло успешное продвижение войск, окончательно утвердили лидера большевиков в правильности выбранного им варианта.

17 марта Ленин послал телеграмму членам РВС Кавказского фронта Смилге и Орджоникидзе, текст которой настолько полюбился исследователям, что практически каждый из них цитировал его в своей работе. Не будем выделяться и мы... «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в за-

явлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной советской власти. Тоже относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно» [10], — призывал своих товарищей по партии глава Совнаркома.

Обсуждение вызвал не сам план Бакинской операции, а предполагаемое количество вовлеченных в нее сил, так как ухудшение положения на западном направлении (с Польшей) требовало переброски отдельных частей с Кавказа. 21 марта этот вопрос задал по прямому проводу председатель Реввоенсовета Троцкий Сталину, контролировавшему переброску подкреплений на Кавказский фронт: «После овладения вами Новороссийском и Грозным предполагается взять у вас 3 стр[елковые] дивизии и 3 кавалерийские. Пополнения могут быть вам даны только с открытием навигации. Прошу ответить, считаете возможным при таких условиях немедленно вести операцию для овладения и удержания Баку? Примите во внимание возможности поддержки Азербайджана Грузией... К этому прибавляю: Желательно заключить сделку с Грузией, обещав ей полную неприкосновенность и нефть. Считаю возможным снять с Кавфронта для Зап[адного] фронта не 6 дивизий, а 4» [11].

Сталин подтвердил возможность сокращения советской группировки на Кавказе без ущерба успеху запланированной операции, прислав весьма оптимистическую телеграмму: «У Кавфронта имеется не менее 25 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, по-моему, можно взять оттуда 6 дивизий против поляков согласно Вашего предположения. Остальными силами можно смело удержать Бакинский район. Грузины не опасны, если обещаем нейтралитет» [12].

Продвижение 11-й Красной армии вызывало повышенное внимание Ленина, так как было напрямую связано с решением острого нефтяного вопроса, ведь на кону стояли грозненские и бакинские промыслы... Ленин требовал со-

хранения и неукоснительного выполнения запланированных темпов наступления армии на Северном Кавказе. В общем-то его мало интересовали потери как среди красноармейцев, так и среди мирного населения региона, что ярко иллюстрирует гневная телеграмма вождя членам РВС фронта Смильге и Орджоникидзе, вызванная задержкой с захватом Грозного: «Нам по зарезу нужна нефть, обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы и, наоборот, даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целостности...» [13].

На закрепление советской власти на Кавказе выделялись значительные средства, например, только под Чечню в марте 1920 года СНК выделил 200 млн. рублей в качестве своеобразной помощи для горцев. Эту сумму на Северный Кавказ привез Н. Нариманов, срочно переведенный в регион в преддверии Бакинской операции [14].

СИЛОВОЕ РЕШЕНИЕ. В начале апреля 1920 года части 11-й Красной армии вышли на границу Азербайджанской Демократической Республики и стали усиленно готовиться к дальнейшему броску вглубь страны. К этому времени был проведен специальный анализ ситуации в республике, позволивший сделать вывод о значительных шансах на успех предстоявшей операции. Главное, что отмечалось, — слабая поддержка населением правительства республики и его политики.

Помимо армейских частей в Бакинской операции принимал участие и Красный флот. По предложению Тухачевского и Орджоникидзе была задействована вся имевшаяся на Каспии флотилия под командованием Раскольников. Ее участию придавалось важное значение. «Для успеха операции на Баку необходимо участие в ней всей флотилии Раскольников. Ввиду того прошу, во что бы то ни ста-

ло выслать просимых 6 тысяч пудов угля, с таким расчетом, чтобы он был доставлен в Петровск не позднее 27 апреля» [15], — писал командующий Кавказским фронтом Сталину, курировавшему в то время все поставки на фронт.

Начало самой операции можно датировать 24 апреля 1920 года, когда все партийные организации Бакинского района АКП(б) по приказу ее Центрального комитета были переведены на военное положение и переподчинены специальному Боевому штабу, руководившему подготовкой и проведением вооруженного восстания в Баку. Все члены партии разбиты по районным ячейкам, превратившимся во временные боевые отряды. 27 апреля ЦК Коммунистической партии Азербайджана образовал Временный революционный комитет во главе с Н. Наримановым, который и предъявил ультиматум правительству республики, оказавшемуся совершенно не готовым к такому развитию событий или, возможно, уже смирившемуся со скорой потерей власти. Как отмечал очевидец тех событий А. Аскеров-Кенгерлинский, «правительство встретило известие о приближении большевиков с преступной небрежностью и легкомыслием».

Вооруженные рабочие отряды быстро взяли под контроль нефтяные промыслы, правительственные учреждения, почту, телеграф, вокзал и радиостанцию (схема была успешно апробирована еще в октябрьские дни 1917-го в Петрограде). Полиция и военные части разоружались, а оружие незамедлительно передавалось для формирования новых рабочих дружин. Полицейский полк «Ярдым алай» практически полностью перешел на сторону восставших, то же самое сделали разагитированные матросы канонерских лодок «Ардаган» и «Карс». Были блокированы все выезды из города, что позволило рабочим дружинам и турецким добровольцам захватить вагон с ценностями на сумму около 100 млн. рублей. В ночь на 28 апреля парламент сог-

ласился с ультиматумом Азревкома, и в 2 часа ночи власть перешла к нему. Азербайджан был незамедлительно провозглашен Советской Республикой.

Одновременно с выступлением рабочих 27 апреля началось наступление частей 11-й Красной армии, в авангарде которых двигалась группа из четырех бронепоездов с двумя ротами десанта. Стремительное движение этой группы вызвало полную панику в рядах азербайджанских аскеров, не имевших ни малейшего желания воевать с Советской Россией. Короткие бои произошли на железнодорожных станциях Ялама, Худат и Хачмас, однако практически не задержали движение советского отряда, который шел в хвосте отступавшего азербайджанского бронепоезда. Уже вечером броненосный авангард занял узловую станцию Баладжары, расположенную всего в 14 км от Баку. Отступление носило стихийный характер, который иногда принимал совсем неприличные формы. Как с негодованием вспоминал Аскеров-Кенгерлинский, «большевики наступали с такой быстротой и стихийностью, что согласно телеграфному донесению губернатора полосы отчуждения отступавшие азербайджанские броневики вынуждены были довести свою скорость до 60 верст в час».

В пять часов утра головной бронепоезд «Третий Интернационал» подошел к бакинскому вокзалу, где был встречен рабочими во главе с руководством АКП(б). К 30 апреля в Баку уже вошли основные части и штаб 11-й армии, которые сопровождали главные организаторы операции Киров и Орджоникидзе. Именно Орджоникидзе послал в тот же день телеграмму Ленину с кратким докладом: «С 27 на 28 в два часа ночи власть в Баку перешла к Азербайджанскому Ревкому, провозгласив Азербайджанскую Советскую Республику. В 4 часа ночи вошли бронепоезда» [16].

Первая обстоятельная телеграмма пошла в Москву за подписями Кирова и Орджоникидзе 4 мая 1920 года: «Эн-

тузиазм населения, особенно мусульман и рабочих, не поддается никакому описанию, может быть сравнен только с Октябрьским в Петербурге с той разницей, что здесь не было никаких столкновений».

Основное внимание, конечно же, уделялось нефтяному вопросу: «Всюду полный порядок. Промыслы, коммерческий флот в полной неприкосновенности. Запасов нефтяных продуктов свыше 300 миллионов пудов, месячная добыча 20 миллионов пудов» [17]. В эти майские дни 11-я Красная армия занимала другие районы Азербайджана, и в течение двух недель большая часть республики оказалась под контролем красноармейских частей.

Подчеркнем, что вхождение частей 11-й армии в Азербайджан состоялось с минимумом боестолкновений, имевших кратковременный характер, и минимумом потерь, вызванных нежеланием азербайджанской армии воевать с русскими. Показательно, что не верил в серьезность обороны от Красной армии и сам военный министр республики генерал Мехмандаров, заявивший, что вся азербайджанская армия не выстоит и против одного русского батальона. Так и оказалось. Стремительному продвижению кавалерийских частей и отряда бронепоездов правительство Азербайджанской Демократической Республики ничего не смогло противопоставить. Задача, стоявшая перед Красной армией — быстро занять территорию Бакинской губернии, — была выполнена. Азербайджанские части вскоре были влиты в состав Красной армии.

Важно отметить, что ее вступление и свержение правительства республики не вызвало ожесточенного сопротивления и массовых антисоветских выступлений в Баку и окрестностях, что лишний раз доказывает крайне низкую поддержку правительства и его курса со стороны населения. Правительство страны рассталось с властью при первой же попытке отнять ее, что также говорит о шаткости

его позиций в отличие от Грузии и Армении, где ряд антиправительственных выступлений, подготовленных по инициативе Москвы, провалился.

В Азербайджане Красную армию действительно принимали хорошо, надеясь на улучшение экономической ситуации в республике. Вспыхнувшие летом 1920 года выступления ни в коем случае нельзя приписывать реакции местного населения на свержение правительства республики — это было прямым ответом на неоправданно жесткие действия, если хотите репрессии, советской власти. Предельная жесткость была продолжена и при подавлении этих восстаний, обернувшись значительными потерями среди населения Азербайджана, как военного, так и гражданского.

Окончание Бакинской операции вовсе не закрепляло Восточное Закавказье и Каспийское побережье за Советской Россией, контролю которой угрожало военное присутствие англичан на Каспии, в иранском порту Энзели, ставшем военно-морской базой британских сил в регионе. Только после захвата Энзели и выдавливания с Каспия этого противника в мае 1920 года можно говорить об устранении всякой угрозы Советскому Азербайджану и восстановлении российского контроля над всем бассейном Каспийского моря и его Кавказским побережьем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Мустафа-заде Р.С.** Две республики: Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. — М., 2006. — С. 44.
2. Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920: Документы и материалы. — Баку, 1967. — С. 367.
3. **Мустафа-заде Р.С.** Указ. соч. — С. 65.
4. **Коджаман О.** Южный Кавказ в политике Турции и России в пост-советский период / Пер. с англ. И. Стамовой. — М., 2004. — С. 50.
5. РГАСПИ. — Ф. 85. Оп. 13. Д. 3. Л. 2.
6. Там же. — Ф. 85. Оп. 13. Д. 4. Л. 2–2об.
7. **Коджаман О.** Указ. соч. — С. 48.
8. РГАСПИ. — Ф. 85. Оп. 13. Д. 13. Л. 9.
9. **Мустафа-заде Р.С.** Указ. соч. — С. 130.
10. РГАСПИ. — Ф. 80. Оп. 13. Д. 1. Л. 2; **Ленин В.И.** Полное собрание сочинений. — М., 1978. — Т. 51. — С. 163–164.
11. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: Сборник документов. — М., 1996. — С. 119.
12. Там же. — С. 120.
13. РГАСПИ. — Ф. 85. Оп. 6. Д. 15. Л. 5.
14. **Ленин В.И.** Указ. соч. — С. 178.
15. РГАСПИ. — Ф. 85. Оп. 13. Д. 5. Л. 1.
16. Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920: Документы и материалы. — Баку, 1967. — С. 477.
17. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: Сборник документов. — М., 1996. — С. 122.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накануне Февральской революции главной движущей силой национального движения мусульман Закавказья являлась немногочисленная интеллигенция и буржуазия. В ходе долгих поисков национальной идеи у местной элиты оформились два альтернативных национально-политических проекта: российский, подразумевавший под собой идею национально-культурной автономии в составе империи, и турецкий, представлявший собой идею «великого Турана», в состав которого войдут закавказские тюрки.

Первый появился в период революции 1905–1907 годов, когда мусульманская интеллигенция края начала постепенно втягиваться в бурную общероссийскую общественно-политическую жизнь. Именно тогда были сформулированы первые программные требования — равных гражданских прав для мусульман Закавказья и свободного развития национальной культуры. Второй проект возник под воздействием младотурецкой революции и развитием идей панисламизма и пантюркизма. При этом надо особо подчеркнуть, что тогда массовое национальное и политическое сознание азербайджанских тюрков еще не проснулось. Мусульманские массы всколыхнулись под воздействием кровавых межэтнических столкновений, а потом снова вернулись в инертное состояние. Во многом это объ-

яснялось тем, что интеллигенция и буржуазия не имели в своих руках необходимых инструментов для формирования массового самосознания. Предстояла большая долговременная работа в этом направлении, прежде чем идея местной тюркской идентичности укоренилась в сознании широких слоев мусульманского населения Закавказья.

Февраль 1917 года дал редкий шанс региональной мусульманской элите в ближайшем будущем удовлетворить не только местные социально-культурные нужды, но даже реализовать в рамках «демократической» России проект национально-территориальной автономии. Следует особо подчеркнуть, что с учетом уровня развития национального движения закавказских мусульман и особенностей региона (низкий уровень политического и национального самосознания широких слоев, малочисленность местной интеллигенции, высокая степень межнациональной напряженности), национально-территориальная автономия являлась той предельной моделью организации национальной жизни, которую местная элита могла успешно реализовать. Поэтому она и влилась в ряды общероссийского мусульманского движения.

К октябрю 1917 года мечта о национально-территориальной автономии, казалось, стала воплощаться в жизнь. Решения Съезда народов в Киеве, декларация Временного правительства о самоопределении народов — все это обнадеживало закавказских мусульман, однако история вскоре сделала резкий поворот в другую сторону..

Большевистский переворот в Петрограде расколол единое мусульманское движение, вынудив его членов разойтись по национальным квартирам. Одна из них — Закавказье — вскоре стала ареной борьбы большевиков с местными национальными силами, во главе которых стояли три ведущие партии — грузинских меньшевиков, дашнаков и мусаватистов. Последние активно включались в противо-

борство с большевиками за политическое преобладание в Восточном Закавказье, стремясь в то же время реализовать свой проект национальной государственности.

К началу 1918 года на Южном Кавказе окончательно сформировались два противоборствующих центра, одним из которых стал Баку, представлявший собой форпост Советской власти в регионе, другим — антисоветский Тифлис, в котором располагалась временная краевая власть — Закавказский комиссариат. Это учреждение носило временный характер, так как региональная политическая элита ждала решений Всероссийского Учредительного собрания.

Однако эта надежда не оправдалась. Разгон собрания большевиками, не хотевшими отдавать власть, окончательно подтолкнул Тифлис к активным действиям: в феврале 1918 года там появился Закавказский сейм — первый шаг в сторону отделения региона от России.

Мартовские события в Баку ознаменовали собой окончательный переход от политической борьбы к открытой вооруженной конфронтации между двумя противоборствующими силами, причем с сильным национальным окрасом. Большевикам удалось взять власть в Баку и окрестностях, однако распространить свой контроль на всю территорию Восточного Закавказья им не удалось. В апреле 1918 года под давлением Турции, начавшей широкомасштабное наступление на Кавказском театре военных действий, появилась Закавказская федерация, объявившая о полной независимости от России.

Она, просуществовав чуть больше месяца, стала своеобразным переходным мостиком из имперского прошлого в независимое настоящее. Четкое разделение сейма по национальному признаку на три составные группы демонстрировало разное видение будущего как региона, так и каждой его части. Азербайджанские турки, потеряв надежду на национальную автономию в составе Российской Феде-

ративной Республики, желали войти в состав этнически и конфессионально близкого им государства — Турции. Они с радостью ждали прихода своих религиозных братьев, что сделало невозможным совместные операции на фронте против турок. Так что вина за развал Закавказской федерации лежит как на грузинской стороне, сепаратно договорившейся с Германией и первой объявившей о независимости, так и на азербайджанской, позиция которой не позволила дать организованный отпор захватчикам.

Обособленные переговоры трех нацсоветов в Батуме и самостоятельные действия национальных корпусов, собранных в рамках Кавказской армии, фактически означали растаскивание Закавказья на куски. Оставалось утвердить это де-юре, что и произошло в течение трех майских дней 1918 года, когда вместо такого аморфного объединения, как Закавказская федеративная республика, возникли три самостоятельных друг от друга государственных образования.

Тем не менее первые вооруженные столкновения с большевиками продемонстрировали лидерам новоиспеченной Азербайджанской Республики всю ограниченность их средств и необходимость скорейшего обретения сильного союзника. У правительства практически не оставалось выбора: либо пригласить турок, либо быть уничтоженными Баксоветом, который открыто объявлял о скором походе на контрреволюционную Гянджу — первую столицу молодой республики.

В свете событий лета 1918 года говорить о признании какого-то «международного авторитета азербайджанской государственности», как это делают многие азербайджанские историки, не просто некорректно, а вообще смешно. Азербайджанская делегация в Стамбуле в июле беспомощно наблюдала, как Германия, Турция и РСФСР открыто торгуются за бакинскую нефть. Договор Турции с Азербай-

джаном от 4 июня 1918 года просто узаконил пребывание ее войск на территории бывшей Российской империи и новые территориальные приобретения, полученные турками в ходе стремительного продвижения вглубь развалившегося Кавказского фронта. Именно это соглашение позволило им претендовать на бакинскую нефть и одержать верх в споре за контроль над страной со своим союзником — Германией.

Таким образом, состоявшееся контрнаступление турецких войск и азербайджанских частей, соединенных в Кавказскую исламскую армию, фактически означало продолжение широкомасштабного наступления турок в ходе завершающего этапа Первой мировой войны. Совершенно очевидно, что в этом случае нельзя говорить о какой-то самостоятельной политике республики, так как основной костяк сил, начавший под лозунгом освобождения Азербайджана от большевиков борьбу с отрядами Красной армии, составляли регулярные части турецкой армии. Следовательно, корректнее говорить не о борьбе войск Азербайджанской Республики с советскими войсками, а о военных действиях между регулярными частями турецкой армии, подкрепленной немногочисленными азербайджанскими отрядами, и Красной армией вместе с добровольцами Бакинского совета.

Бесспорно, что этот шаг Азербайджана — мгновенное заключение военно-политического союза с конфессионально близкой Турцией — позволил одержать ей первую и крайне важную тактическую победу. Однако в стратегическом плане это сильно ударило по имиджу новой демократической республики, сковав практически все ее шаги на внешнеполитической арене. Можно сказать, что этим соглашением страна накинута на себя удавку, так как впоследствии она не могла осуществлять контроль за собственной территорией.

Помимо получения бакинской нефти турецкое правительство во главе с Энвер-пашой предполагало реализовать в регионе свои обширные панисламистские планы по консолидации всех мусульманских народов в одно единое государство под эгидой Турции. В этих планах важное место отводилось как Азербайджану, так и всему Северному Кавказу.

Борьба за контроль над регионом, практически потерянным в то время для Петрограда, быстро превратилась из столкновения двух блоков в многосторонний конфликт, где каждый из игроков оказался сам за себя. В частности, стремительное продвижение турецких войск в бакинском направлении не вызвало большой радости даже у их союзников — немцев, которые просто оказались за бортом дележа кавказской нефти. Великобритания традиционно стремилась к установлению контроля над Закавказьем, являвшимся одним из направлений политики сдерживания российского продвижения на Востоке под соусом часто декларируемого англичанами тезиса о перманентной русской угрозе Индии. Таким образом, нет никаких оснований говорить о самостоятельной внешней политике Азербайджана, скорее о том, что ее создание и относительно «свободное» существование входило в планы крупных мировых держав. На первом этапе это полностью подходило Турции, получившей карт-бланш в Восточном Закавказье. Договоры с тремя закавказскими республиками только закрепили доминирующее положение Османской империи на всем Южном Кавказе.

Руководители Азербайджанской Демократической Республики вскоре поняли свою беспомощность и полную зависимость от турецких «партнеров», однако, кроме отчаянных посланий в Стамбул и к Нури-паше, сделать они ничего не могли. В тот период положение Азербайджана вполне сравнимо с хлипкой щепкой, несущейся помимо

своей воли по волнам мировой политики, которые могли вынести ее на любой берег в зависимости от направления ветра. Тогда ветер подул в паруса Антанты, страны которой осенью 1918 года получили полную свободу действий на Ближнем Востоке и Кавказе. Уже в ноябре того же года сразу после эвакуации турецких войск началась британская оккупация, что также не позволяет говорить о начале самостоятельного существования республики, скорее о простой смене куратора.

Только в начале 1920 года, после изменения ситуации в пользу большевиков, было принято решение о признании де-факто Азербайджана и Грузии, что полностью соответствовало изменившимся планам Великобритании и других стран. Это входило в общую концепцию сдерживания русского медведя, в данном случае красного, в его берлоге. Создание такого рода государственных образований на границах бывшей империи представляло собой очередной шаг в ходе строительства санитарного кордона, если хотите, высокого заградительного забора вокруг всей территории Советской России, и признание великими державами Азербайджана и соседней Грузии вкупе с обещаниями значительной материальной помощи просто можно было расценить как очередной кол для укрепления этого забора и ликвидации щели на его восточной стороне.

Тем не менее руководство Азербайджанской Республики пыталось делать самостоятельные шаги в свете решения главных задач, стоящих перед любым новообразованным государством. Основная внешнеполитическая задача молодого государства — это, конечно же, международное признание его суверенитета, границ и т. д. Поэтому-то присутствием своей делегации на Парижской мирной конференции правительство делало пусть робкий, но все-таки шаг в сторону самостоятельности и независимого существования в будущем. Эта тема не теряла своей актуальности

на протяжении всего 1919 года, и ее положительное, хоть и половинчатое решение по итогам мирной конференции можно считать первым серьезным внешнеполитическим успехом Азербайджанской Республики.

Стоит признать, что принятие такого решения на Парижской мирной конференции не смогло существенно повлиять на расклад сил в регионе и на дальнейшее развитие событий, неуклонно приближавших день падения демократического Азербайджана. Скорее оно зафиксировало небольшую заинтересованность крупнейших мировых держав в продолжении открытой военной конфронтации с Советской Россией и их фактическое согласие на возвращение Кавказа в орбиту российского влияния.

Европейские лидеры отлично понимали, что самостоятельно закавказские республики не выдержат натиска Красной армии, а оказанная им помощь, даже значительная, может лишь ненадолго оттянуть конец их самостоятельного существования. Принятые в Париже в январе 1920 года решения о признании де-факто Азербайджана и оказании ему помощи означали как раз не рост интереса к нему со стороны союзников и тем более не крупный успех азербайджанской дипломатии, имевшей к этому весьма далекое отношение. Они скорее свидетельствовали об обратном — об окончательном отказе от военного присутствия в регионе, признании нецелесообразным вступить в столкновение с большевиками из-за Кавказа, перестававшего быть первоочередной задачей. Отказав в военной помощи, союзники фактически сдали Закавказье Советской России, которая не преминула этим воспользоваться, менее чем за два года восстановив полный контроль над регионом.

Политическое признание Азербайджана в Париже нельзя оценивать «как результат успешной дипломатической деятельности азербайджанских делегатов, возглавля-

емых А. Топчибашевым», как пишут местные авторы, а скорее как результат серьезного изменения кавказской политики союзников, направленной на поиск или создание новых, пусть временных, преград на пути большевиков. Просто поворот оказался благоприятным для закавказских республик, не предполагавших скорого конца. Тем более что в отношении Азербайджана было принято только половинчатое решение, не сделавшее его субъектом международного права, что не позволяет говорить об огромном, прорывном успехе азербайджанской дипломатии. Неудача в создании кавказской конфедерации стала еще одной причиной падения республики, не сумевшей ни получить официальное международное признание, ни обеспечить свою безопасность.

Следующей причиной можно считать кардинальное изменение отношения к ней Турции. Турецкие лидеры в течение 1918 года рассматривали страну как дружественную им силу, если хотите, в качестве младшего и еще слабого брата. Однако в 1919–1920 годах в связи с резким изменением внешнеполитического вектора Турции Азербайджан превратился для нее в своеобразную разменную монету в ходе крупного торга с большевиками. Турецкие лидеры пожертвовали Азербайджаном ради общей борьбы с Антантой и были вознаграждены солидной материально-технической помощью из Советской России. В общем-то, нерешение основных внешнеполитических задач, а именно широкого международного признания и установления прочных дипломатических отношений с соседями, в первую очередь с Россией, стало одной из главных причин падения республики.

Активная правительственная деятельность в области военного строительства началась только с 1919 года, когда специальное ведомство возглавили такие опытные военачальники, как Мехмандаров и Шихлинский, имевшие бо-

гательный опыт организационной работы. Кроме того, в ряды самостоятельной азербайджанской армии влилась еще целая группа офицеров и генералов русской армии, отмеченных георгиевскими наградами и уважением коллег. Именно этот фактор, активное привлечение к созданию вооруженных сил старых проверенных кадров, стал залогом определенного успеха молодой республики в данном направлении. Второй причиной успеха стало привлечение солидных партнеров, в первую очередь в лице конфессионально близкой Турции.

Оказанная Турцией значительная материальная и людская помощь позволила Азербайджану ни много ни мало — обрести территориальную целостность и создать в дальнейшем собственные боеспособные части, способные решать хотя бы локальные, но самостоятельные задачи, что и продемонстрировало последовавшее вскоре военное столкновение с Арменией. Пришедшие на смену турок британские военные также оказывали некоторую материально-техническую помощь.

Тем не менее союзники мало считались с местными органами власти и политикой правительства страны. Азербайджан, вынужденный отдавать значительную часть нефтепродуктов на удовлетворение нужд иностранного контингента, фактически оказался в положении данника. Именно неопределенность международного статуса Азербайджана служила для английского командования прикрытием для почти нескрываемого грабежа. Кроме огромного материального ущерба пребывание иностранных войск и администрации в Баку наносило в глазах населения непоправимый ущерб авторитету правительства, неспособного самостоятельно распоряжаться в собственной столице.

Сформировав коалиционный парламент, лидеры партии «Мусават» добились своей цели — британского при-

знания в качестве единственной легитимной власти в Азербайджане. Однако цена за этот успех оказалась высокой. Чрезмерная раздробленность представленных там политических сил не могла не сказаться на его работе. Парламент быстро превратился в арену межпартийной борьбы. Довольно высокая степень специализации центральных учреждений не слишком помогала в деле улучшения социально-экономической ситуации в республике. Для самого правительства и всего административного аппарата характерным являлось «полнейшее незнание и неумение вести созидательно-административную работу», что во многом объяснялось высокой степенью коррупции центральной и местной администрации. Другой отличительной чертой правительственного аппарата республики было большое количество русских чиновников, на которых в основном падала вся тяжесть административной работы в министерствах и ведомствах республики. Частая смена правительств, неспособность парламента к полноценной законодательной деятельности, иностранное вмешательство во внутреннюю политику Азербайджана и глубокий социально-экономический кризис — все это придавало стране черты эфемерного квазигосударственного образования.

Несмотря на жесткую критику, которую обрушили на экономическую политику большевиков лидеры Азербайджана, они сами частенько использовали натуральный обмен, не имея возможности получить другие ликвидные средства. Разговоры же о «нефтяном» грабеже со стороны большевиков мгновенно прекратились после знакомства с результатами недолгого пребывания на территории страны турецких и британских войск. Действительно, турецкая и английская оккупации не могли не сказаться на этой жизненно важной отрасли Азербайджана. Бесконтрольный вывоз нефти и нефтепродуктов турками, а затем аналогич-

ные действия со стороны англичан больно ударили по нефтяной промышленности края, которая в период существования республики явно находилась в регрессивном состоянии.

Кроме того, британское представительство старалось всячески ограничить доступ к нефтяному потоку из Азербайджана даже своим союзникам — Франции и Италии. Это выражалось в постоянном контроле внешнеполитических контактов Азербайджана и не менее жестком экономическом диктате со стороны Великобритании, ставшей основным пользователем кавказской нефти. Естественно, что ей было крайне невыгодно уступать столь хлебное место даже партнерам по европейской коалиции.

Понятно, что за такой короткий срок диверсификация географии нефтяных поставок была просто невозможна, тем более что основное приоритетное направление сбыта, Россия, оказалось полностью закрытым. Ориентация на внутренний российский рынок, являвшаяся в дореволюционный период выигрышной, оказалась в новых условиях ахиллесовой пятой независимого Азербайджана и стала одной из причин его нежизнеспособности.

Без общего изменения экономической ситуации улучшить положение рабочих также не представлялось возможным. Если ухудшение положения рабочих имело своей причиной общее состояние экономики, то аграрный кризис, поразивший молодую республику, был обусловлен особенностями развития закавказской деревни в конце XIX — начале XX века. Что касается аграрного вопроса с его чрезмерно запутанными отношениями беков с крестьянами, то правительство боялось его решать. Ни один из кабинетов так и не решился на какие-либо шаги в сторону хотя бы частичного, даже за вознаграждение, отчуждения земель беков и других крупных землевладельцев, составлявших значительную часть элиты Азербайджана. Тем вре-

менем в деревне ситуация обострялась с каждым днем, крестьяне перешли к тактике террора и самочинного захвата земель беков.

Особое место во внутренней политике Азербайджана отводилось вопросу национализации образования, основному инструменту для реализации проекта азербайджанской нации. Одним из первых постановлений правительства Хойского во всех высших начальных и средних учебных заведениях вводилось обучение на государственном тюркском языке. Отметим, что тюркизация образования проходила с большими трудностями, большая часть которых сводилась к отсутствию национальных образовательных программ и нехватке преподавательских кадров. Другим важным событием в области национально-культурного строительства стало открытие первого в Баку университета.

Следует отметить, что тюркизация начального, среднего и высшего образования являлась наиболее продуманным направлением правительственной политики. Таким образом, необходимо признать, что руководство Азербайджанской Демократической Республики не сильно преуспело как во внутренней, так и во внешней политике ко времени советизации республики. Наладить хоть какие-то отношения с новой российской властью не удалось, азербайджанские лидеры так и не смогли заинтересовать советское руководство. Последнее же давно выбрало для себя наиболее приемлемый вариант развития событий — советизация Азербайджана при дальнейшем включении его в состав единого государства.

Большевистское руководство всегда считало этот регион неотъемлемой частью России, что в данном вопросе сближало их с принципиальным противником — лидерами Белого движения. Однако в отличие от Деникина большевики смогли проявить определенный политический праг-

матизм, что и позволило им одержать убедительную стратегическую победу — к 1921 году все Закавказье оказалось под жестким контролем Москвы и вскоре вошло в состав единого союзного государства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Состав правительств Азербайджанской Демократической Республики

ПЕРВЫЙ СОСТАВ, ИЛИ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В ТИФЛИСЕ (С 28 МАЯ ПО 17 ИЮНЯ 1918 ГОДА)

- Премьер-министр и министр внутренних дел — Фатали-хан Хойский.
- Министр финансов и министр народного просвещения — Насиб-бек Усубеков.
- Министр иностранных дел — Мамед Гасан Гаджинский.
- Министр путей сообщения и министр почт и телеграфа — Худадат-бек Мелик-Асланов.
- Министр юстиции — Халил-бек Хасмамедов.
- Министр земледелия и министр труда — Акпер Шейхульисламов.
- Военный министр — Хосров-бек Султанов.
- Министр торговли и промышленности — Мамед Юсуф Джафаров.
- Министр государственного контроля — Джамо-бек Гаджинский.

ВТОРОЙ СОСТАВ (С 17 ИЮНЯ ПО ДЕКАБРЬ 1918 ГОДА) В ГЯНДЖЕ И БАКУ

- Премьер-министр и министр юстиции — Фатали-хан Хойский.

- Министр иностранных дел и временно министр контроля — Мамед Гасан Гаджинский.
- Министр внутренних дел — Бехбуд Ага Джеваншир.
- Министр путей сообщения и временно министр почт и телеграфа — Худадат-бек Мелик-Асланов.
- Министр финансов — Абдул Али-бек Амирджанов.
- Министр земледелия — Хосров-бек Султанов.
- Министр народного просвещения и исповеданий — Насиб-бек Усуббеков.
- Министр торговли и промышленности и временно министр продовольствия — Ага Ашууров.
- Министр народного здоровья и призрения — Худадат-бек Рафибеков.
- Министр без портфеля (чрезвычайный и полномочный посол в Стамбуле) — Али Марданбек Топчибашев.
- Министр без портфеля — Халил-бек Хасмамедов.
- Министр без портфеля — Муса-бек Рафиев.

ТРЕТИЙ СОСТАВ (26 ДЕКАБРЯ 1918 ГОДА — 25 ФЕВРАЛЯ 1919 ГОДА) В БАКУ

- Премьер-министр и министр иностранных дел — Фатали-хан Хойский.
- Министр внутренних дел — Халил-бек Хасмамедов.
- Министр народного просвещения и вероисповедания — Насиб-бек Усуббеков.
- Военный министр — Самед-бек Мехмандаров.
- Министр торговли и промышленности — Мирза Асадуллаев.
- Министр путей сообщения — Худадат-бек Мелик-Асланов.
- Министр почт, телеграфа и труда — Аслан-бек Сафиюрдский.
- Министр государственного контроля — Мехти-бек Гаджинский.

- Министр призрения — Рашид-хан Хойский.
- Министр земледелия — Хосров-бек Султанов.
- Министр финансов — И.Н. Протасьев.
- Министр продовольствия — К.П. Лизгар.
- Министр здравоохранения — доктор Е.Я. Гиндес.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОСТАВ (14 АПРЕЛЯ — АВГУСТ 1919 ГОДА) В БАКУ

- Председатель совета министров и министр внутренних дел — Насиб-бек Уссубеков.
- Министр финансов — Али-ага Гасанов.
- Министр торговли и промышленности — Ага Аминов.
- Министр иностранных дел — Мамед Юсуф Джафаров.
- Министр путей сообщения — Худадат-бек Мелик-Асланов.
- Министр почт и телеграфов — Джамо Гаджинский.
- Министр юстиции и труда — Аслан-бек Сафикюрдский.
- Военный министр — Самед-бек Мехмандаров.
- Министр призрения — В.В. Кленовский.
- Министр здравоохранения — А.Н. Дастаков.
- Министр просвещения и вероисповедания — Рашид-хан Капланов.
- Министр земледелия — Аслан Кардашев.
- Министр без портфеля — Х. Амаспур.
- Министр-контролер — Нариман-бек Нариманбеков.

ПЯТЫЙ СОСТАВ (АВГУСТ 1919 ГОДА — АПРЕЛЬ 1920 ГОДА) В БАКУ

- Председатель совета министров и министр внутренних дел — Насиб-бек Уссубеков.
- Министр иностранных дел — Фатали-хан Хойский.
- Военный министр — Самед-бек Мехмандаров.

- Министр финансов — Рашид-хан Капланов.
- Министр торговли, промышленности и продовольствия — Мамед Гасан Гаджинский.
- Министр земледелия и государственных имуществ и труда — Ахмед-бек Пепинов.
- Министр народного просвещения — Гамид-бек Шахтагинский.
- Министр путей сообщения — Худадат-бек Мелик-Асланов.
- Министр почт и телеграфа — Джамо-бек Гаджинский.
- Министр юстиции — Халил-бек Хасмамедов.
- Министр призрения и здравоохранения — Муса-бек Рафиев.
- Министр-контролер — Эйбат Кули Мамедбеков.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Декларация независимости

28 мая 1918 года, в Тифлисе, Национальный Совет Азербайджана в составе: товарища председателя Гасан-бека Агаева, секретаря Мустафы Махмудова, Фатали Хана Хойского, Халил бека Хасмамедова, Насиб бека Усуббекова, Мир Гидаят Сеидова, Нариман бека Нариманбекова, Эйбат Гули Мамедбекова, Мехти-бека Гаджинского, Али Аскер-бека Махмудбекова, Аслан-бека Кардашева, Султана Меджида Гани-заде, Акпер Ага Шайхульисламова, Мехти-бека Гаджибабабекова, Мамед Юсуфа Джафарова, Худадад бека Мелик-Асланова, Рагим-бека Векилова, Гамид-бека Шахтагинского, Фридун бека Кочарлинского, Джамо-бека Гаджинского, Шафи бека Рустамбекова, Хосрова Пашабека Султанова, Джафара Ахундова, Магомеда Магеррамова, Джавада Мелик-Еганова и Гаджи Мола Ахунд-заде, провозгласил следующий акт о независимости Азербайджана:

В ходе великой российской революции в России установился политический строй, который повлек за собой распад отдельных частей государственного организма и оставление русскими войсками Закавказья.

Предоставленные собственным своим силам, народы Закавказья взяли в свои руки дело устроения своих судеб и создали Закавказскую Демократическую Федеративную республику. Однако, в дальнейшем ходе политических со-

бытий, грузинский народ счел за благо выделиться из состава Закавказской Демократической Федеративной республики и образовать независимую Грузинскую Демократическую Республику.

Нынешнее политическое положение Азербайджана, связанное с ликвидацией войны, возникшей между Россией и Оттоманской Империей, а также небывалая анархия внутри страны повелительно диктуют Азербайджану, состоящему из Восточного и Южного Закавказья, необходимость создания собственной государственной организации, дабы вывести народы Азербайджана из того тяжелого внутреннего и внешнего положения, в котором они оказались.

На основании этого Мусульманский Национальный Совет Азербайджана, избранный всенародным голосованием, ныне всенародно объявляет:

1. Отныне народы Азербайджана являются носителями суверенных прав и Азербайджан, состоящий из Восточного и Южного Закавказья, — полноправным, независимым государством.
2. Формой политического устройства независимого Азербайджана устанавливается Демократическая Республика.
3. Азербайджанская Демократическая Республика стремится установить добрососедские отношения со всеми членами международного общества, а в особенности с определенными народами и государствами.
4. Азербайджанская Демократическая Республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальностей, вероисповедания, социального положения и пола.
5. Азербайджанская Демократическая Республика всем народностям, населяющим ее территорию, предоставит широкий простор для свободного развития.

6. До созыва Учредительного Собрания во главе управления всем Азербайджаном стоит Национальный Совет, избранный народным голосованием, и Временное Правительство, ответственное перед Национальным Собранием.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Положение об организации Азербайджанского Парламента

1. Азербайджанский Парламент составляет 120 членов.
2. Азербайджанский Парламент до созыва Азербайджанского Учредительного Собрания состоит из выборных по нижеследующей системе членов:
 - а) выборных по спискам 4 политических партий Закавказских мусульман в Общероссийское Учредительное Собрание, участвовавших в Закавказском Сейме по углубленному списку в качестве членов и состоявших в Азербайджанском Национальном Совете 44 лиц;
 - б) из представителей делегируемых компетентными национальными органами национальных меньшинств;
 - в) из кооптируемых членами существующих недавно мусульманских комитетов и гласными мусульманами Азербайджанских городских самоуправлений;
 - г) лиц, делегированных Бакинским Советом профессиональных союзов, советом съезда и союзом торгово-промышленников;
3. Члены, долженствующие дополнить состав Парламента, будут кооптироваться в последующей пропорции:
 - а) от мусульманского населения: Баку — 5, Геокчайский уезд — 2 (один из города, другой из уезда), Джевадский уезд — 2, Кубинский уезд — 3 (1 — из города, 2 —

из уезда), Ленкоранский — 2 (1 — из города, 1 — из уезда), Шемахинский — 2, Ганджинский — 3 (1 — из города, 2 — из уезда), Арешский — 2, Джеванширский — 1, Зангезурский — 2, Казахский — 1, Джебраильский — 1, Нухинский — 2 (1 — из города, 1 — из уезда), Шушинский — 2 (1 — из города, 1 — из уезда), Закатальский — 2 (1 — из города, 1 — из уезда), Азербайджанская часть Эриванской губернии — 3, Азербайджанская часть Тифлисской губернии — 1.

ПРИМЕЧАНИЕ. 5 депутатов от г. Баку избирают мусульмане гласные г. Баку. В других городах, где имеются городские самоуправления, делегата от города выбирают гласные мусульмане того же города, а делегата от уезда члены бывшего уездного мусульманского комитета.

- [б] От национальностей, составляющих меньшинство:
- а) от армянского населения — 21, по 8 от Ганджи и Шуши и 5 от Бакинского Армянского Национального Комитета;
 - б) от Бакинского Русского Национального Совета — 10;
 - в) от немецкой национальной организации — 1;
 - г) от Еврейского Национального Совета — 1;
 - д) от Грузинского Национального Совета — 1;
 - е) от Польского Национального Комитета — 1;
 - ж) от Бакинских профессиональных союзов — 3;
 - з) от Совета бакинских нефтепромышленников и торгово-промышленного Союза — 2 (совместно).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уезды, в которых не имеется городских самоуправлений и национальных комитетов, могут выбрать на съезд представителей сельских обществ по одному делегату от каждого сельского общества.
2. Представителей районов, находящихся в исключительных условиях, может указать сам национальный совет.
3. В случае отставки, смерти или ухода по другим каким-нибудь причинам, составляющих ядро национального совета 14 членов, они пополняются соответствующими партиями.
4. Кооптация происходит на месте под руководством городского головы или помощников в уездах, представителями национальных и профессиональных органов, соответствующей организации, причем депутаты снабжаются протоколами и подписанными мандатами.
4. Выборы производятся тайно.

И. о. Директора Канцелярии М. Ахундаде

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
2. Ф. 1788. МВД Временное правительство.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
4. Ф. 64. Кавказское бюро ЦК РКП (б).
5. Ф. 80. Киров С.М.
6. Ф. 85. Орджоникидзе Г.К.
7. Ф. 298. Орахелашвили Иван (Мамия) Дмитриевич, член 8. Кавбюро ЦК РКП(б).
8. Ф. 558. Сталин И.В.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
10. Ф. 407. Рукописные списки по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров.
11. Ф. 409. Послужные списки офицеров.

Опубликованные материалы

1. Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 г. — Баку, 1920.

2. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия (документы и материалы). — Баку, 1998.
3. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (документы и материалы). — Баку, 1998.
4. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент (стенографические отчеты). — Баку, 1998.
5. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Законодательные акты (сборник документов). — Баку, 1998.
6. **Байков Б.** Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. — М., 1991. — Т. 9–10.
7. **Беленький С., Манвелов А.** Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). — Баку, 1927.
8. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917–1918 гг. — Баку, 1957.
9. Большевицкое руководство. Переписка 1921–1927. — М., 1996.
10. Борьба за победу советской власти в Азербайджане 1918–1920. Документы и материалы. — Баку, 1967.
11. Борьба за установление и упрочение советской власти в Дагестане, 1917–1921: Сборник документов и материалов. — М., 1958.
12. **Верещак С.И.** О революции в Закавказье и роли Советов в ней //1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция. — М., 1998.
13. Государственное совещание 12–15 августа 1917 года: Стенографический отчет. — М.—Л., 1930.
14. **Денстервилль Л.** Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918 гг. Воспоминания. — Тифлис, 1925.
15. **Деникин А.И.** Очерки русской смуты. — М., 1991.

16. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920 гг.): Сборник документов. — М., 1969.
17. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.): Сборник документов в 4 т. — М., 1971. — Т. 1.
18. Документы внешней политики СССР. — М., 1957–1960. — Т. 1–4.
19. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. — Тбилиси, 1919.
20. Документы об английской интервенции в Азербайджане в 1918–1919 гг. // Труды Института истории партии. — Баку, 1948. — Т. 12.
21. Закавказский сейм: Стенографический отчет. Сессия 1. — Тифлис, 1918.
22. Из истории иностранной интервенции в Азербайджане, 1918–1920 гг. Документы и материалы. — Баку, 1988.
23. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. — М., 2001.
24. История Азербайджана по документам и публикациям / Под ред З.М. Буниятова. — Баку, 1990.
25. Кавказские мусульмане по материалам Особого отдела канцелярии наместника Кавказа. 1912 г. / Публикация Д.Ю. Арапова // Кавказский сборник. — Т. 2 (34). — М., 2005.
26. Кавказский календарь на 1917 г. — Тифлис, 1916.
27. **Кафафов К.Д.** Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. — 2005. — № 8.
28. **Квинитадзе Г.И.** Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921 гг. — Paris, 1985.
29. **Киров С.М.** Статьи, речи, документы. — Т. 1. — М., 1936.
30. **Киров С.М.** Избранные статьи и речи (1912–1934). — М., 1957.
31. **Колесникова Н.И.** Из истории борьбы за Советскую власть в Баку (август 1917 – июль 1918 г.). Воспоминания. — Баку, 1958.

32. **Ленин В.И.** Полное собрание сочинений. — М., 1978—1979. — Т. 50, 51.
33. **Людендорф Э.** Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. — М., 1924. — Т. 2.
34. **Митрохин Л.В.** Деятельность британской разведки в Закавказье и Русском Туркестане в 1917—1919 гг. Документы и материалы // Восточный архив. — 1998. — № 1.
35. Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906—1917: Сборник документов и материалов. — Уфа, 1998.
36. **Орджоникидзе Г.К.** Избранные статьи и речи. 1911—1937. — М., 1939.
37. **Орджоникидзе Г.К.** Статьи и речи. — М., 1956. — Т. 1.
38. **Нариманов Н.** Избранные произведения: В 3 т. — Баку, 1988—1989.
39. **Раевский А.** Мусаватское правительство на Версальской конференции. Донесения представителя азербайджанской мусаватской делегации. — Баку, 1930.
40. **Расул-заде М.Э.** Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. — 2002. — № 2.
41. **Расул-заде М.Э.** О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой / Предисл. Н. Жордания. — Париж, 1930.
42. **Сеф С.Е.** Революция 1917 г. в Закавказье. Документы и материалы. — Тифлис, 1927.
43. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.), Горская республика (1918—1920 гг.). Документы и материалы. — Махачкала, 1994.
44. **Хейфец С.Я.** Закавказье в первую половину 1918 года и Закавказский сейм // Былое. — 1923. — № 21.
45. **Черчилль У.** Мировой кризис. — М.—Л., 1932.
46. **Чичерин Г.В.** Внешняя политика Советской России за два года. — М., 1920.
47. **Шаумян С.** Избранные произведения в двух томах. — М., 1958.

48. **Шаумян С.** Статьи и речи. 1917–1918 гг. — Баку, 1929.
49. **Шихлинский А.** Мои воспоминания. — Баку, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Агамалиева Н., Худиев Р.** Азербайджанская Республика. Страницы политической истории. — Баку, 1994.
2. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). — Баку, 1998.
3. **Азизбекова П.А., Казиев М.А.** Степан Шаумян: биографический очерк. — Баку, 1978.
4. **Алекперов Ф.** Освобождение Баку // Азербайджанские известия. — 2004. — № 179. — 15 сентября.
5. **Аух Е.-М.** Между приспособлением и самоутверждением. Ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на юго-восточном Кавказе (1875–1905 гг.) // Азербайджан и Россия: общества и государства. — М., 2001.
6. **Баберовски Й.** Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // *Ab império*. Новая имперская история постсоветского пространства. — Казань, 2004.
7. **Багиров Э.А.** Из истории советско-турецких отношений (1920–1922 гг.). — Баку, 1965.
8. **Багирова И.С.** Критика современной буржуазной историографии революционного движения в Азербайджане (1900–1917 гг.): Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. — Баку, 1987.
9. **Багирова И.С.** Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. — Баку, 1997.
10. **Базиянц А.П.** К вопросу о захватнической политике США в Азербайджане (1919–1920) // Ученые записки Института востоковедения. — Т. XIX. — М., 1958.

11. **Балаев А.** Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. — Баку, 1990.
12. **Березкин А.** США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918–1920 гг.). — М., 1952.
13. **Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С.** Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. — М., 1976.
14. Великий Октябрь и борьба за Советскую власть в Азербайджане: Сборник документов, материалов и статей. — Баку, 1958.
15. **Волков Ф.Д.** Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917–1924 гг.). — М., 1954.
16. **Гаджиев А.** Из истории образования и падения Западной Кавказской (Карской) демократической республики. — Баку, 1992.
17. **Гаджиев И.Б.** Совместная борьба Бакинского пролетариата и трудящихся Дагестана против английских интервентов и деникинской контрреволюции в 1919–1920 гг. — Махачкала, 1960.
18. **Гаджиев К.С.** Геополитика Кавказа. — М., 1999.
19. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. — М., 2003.
20. **Гулиев Дж. Б.** К истории образования Второй Республики Азербайджана. — Баку, 1997.
21. **Гулыга А.** Начальный период антисоветской интервенции США (1917–1918 гг.) // Вопросы истории. — 1950. — № 3.
22. **Гулыга А., Геронимус А.** Крах антисоветской интервенции США (1919–1920 гг.). — М., 1952.
23. **Гусейнов М.Д.** Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. — Тифлис, 1927.

24. **Дарабади П.** Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX века. — Баку, 1991.
25. **Дегоев В.В.** Большая игра на Кавказе. — М., 2003.
26. **Демоян Г.** Турция и Карабахский конфликт в конце XX — начале XXI века: Историко-сравнительный анализ. — Ереван, 2006.
27. **Дерябин А.И.** Гражданская война в России 1917–1922: Войска интервентов. — М., 1998.
28. **Дерябин А.И.** Гражданская война в России 1917–1922: Национальные армии. — М., 1998.
29. **Дзидзоев В.Д.** Национальные отношения на Кавказе. — Владикавказ, 2000.
30. **Дзидзоев В.Д.** От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.). — Владикавказ, 2003.
31. **Дубнер А.** Бакинский пролетариат в годы революции (1917–1920 гг.). — Баку, 1931.
32. **Завриев Д.** К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. — Тбилиси, 1947.
33. **Залесский К.А.** Кто был кто в Первой мировой войне. — М., 2003.
34. **Зейналов Р.Э.** Военное строительство в Азербайджанской ССР. — Баку, 1990.
35. **Ибрагимбейли Г.А.** Самедбек Мехмандаров. — Баку, 1946.
36. **Ибрагимов С.Д.** Генерал Али Ага Шихлинский. Жизнь и деятельность (1865–1943 гг.). — Баку, 1975.
37. **Иванов Р.Н.** Генерал-адъютант Его Величества: Сказание о Гуссейн-Хане Нахичеванском. — М., 2006.
38. **Исмаилов М.А.** Капитализм в сельском хозяйстве Азербайджана на исходе XIX — начале XX в. — Баку, 1964.
39. **Исмаилов Э.Э.** Георгиевские кавалеры — азербайджанцы. — М., 2005.
40. История внешней политики СССР. — М., 1976. — Т. 1.
41. История Азербайджана: В 3 т. — Баку, 1963. — Т. 3.

42. История Азербайджана. — Баку, 2001. — Т. 5. (на азерб. яз.)
43. История Азербайджана (1920—1961). Библиография. — Баку, 1970.
44. История дипломатии. — М., 1965. — Т. 3.
45. История Первой мировой войны. — М., 1975. — Т. 1.
46. **Исхаков С.М.** Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 года). — М., 2004.
47. **Кадिशев А.Б.** Интервенция и гражданская война в Закавказье. — М., 1960.
48. **Кадырли А.** Из истории развития дореволюционной бакинской нефтеперерабатывающей промышленности. — Баку, 1970.
49. **Касумова Е.** Его звали богом войны // Азербайджанские известия. — 2005. — № 346.
50. **Коджаман О.** Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период / Пер. с англ. И. Стамовой. — М., 2004.
51. **Лавров С.В.** Борьба в политических кругах Великобритании вокруг англо-советских переговоров 1920—1921 годов // Вопросы истории. — 1977. — № 6.
52. **Лавров С.В.** Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917—1921 гг. // Вопросы истории. — 1979. — № 5.
53. **Лудшувейт Е.Ф.** Турция в годы Первой мировой войны. — М., 1966.
54. **Мамедзаде Н.** Опередившие время // Азербайджанские известия. — 2005. — № 351.
55. **Мамедзаде Н.** С праздником, аскер! // Азербайджанские известия. — 2005. — № 370.
56. **Мильман А.** Политический строй Азербайджана в XIX — начале XX в. — Баку, 1966.
57. **Мирошников Л.И.** Английская экспансия в Иране. 1914—1920. — М., 1961.
58. **Михайлов Я.Л.** Экспансия британского империализма в Азербайджане. 1918—1920 гг.: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.и.н. — Баку, 1985.

59. **Мкртчян Ш.** Нагорный Карабах: анатомия свершенного Азербайджаном геноцида (1920–1988 гг.) / Пер. с арм. — Степанакерт, 2003.
60. **Мустафа-заде Р.С.** Две республики: Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. — М., 2006.
61. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. — М., 1998.
62. **Назимовлу Н.** Первая республика в горниле геополитики // Азербайджанские известия. — 2006. — № 597.
63. **Насиров Т.М.** Борьба за власть в Азербайджане (1917–1920 гг.). — Баку, 1993.
64. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. — Баку, 1963.
65. **Пипия Г.В.** Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. — М., 1978.
66. Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. — М., 1993.
67. **Попов А.Л.** Из истории революции в Восточном Закавказье (1917–1918 гг.) // Пролетарская революция. — 1924. — № 7/30.
68. **Пчелин Н.** Крестьянский вопрос при мусавате (1918–1920 гг.). — Баку, 1931.
69. **Раевский А.** Английская интервенция и Мусаватское правительство: Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. — Баку, 1927.
70. **Раевский А.** Партия «Мусават» и ее контрреволюционная деятельность. — Баку, 1929.
71. **Разгон И.** Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. — Москва, 1941.
72. **Ратгаузер Я.А.** Борьба за Советский Азербайджан: К истории апрельского переворота. — Баку, 1928.
73. **Ратгаузер Я.** Революция и гражданская война в Баку. — Баку, 1927.

74. **Ратгаузер Я.** Арест и гибель комиссаров Бакинской Коммуны. — Баку, 1928.
75. **Рзакулиев О.М.** Большевики — организаторы стачечного движения в Азербайджане (1918–1920 гг.). — Баку, 1962.
76. **Саркисян Е.** Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. — Ереван, 1962.
77. **Саркисян А.Е.** Великий Октябрь и непролетарские партии Закавказья. — Ереван, 1990.
78. **Свентоховский Т.** Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства. — М., 2001.
79. **Сеидзаде Д.Б.** Из истории азербайджанской буржуазии. — Баку, 1978.
80. **Сеидзаде Д.Б.** Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. — Баку, 1991.
81. **Сеф С.В.** Как большевики пришли к власти в 1917–1918 гг. в Бакинском районе. — Баку, 1927.
82. **Сеф С.Е.** Борьба за Октябрь в Закавказье. — Тифлис, 1932.
83. **Смит М.** Память об утратах и азербайджанское самосознание // Азербайджан и Россия: общества и государства. — М., 2001.
84. Советский Азербайджан: мифы и действительность. — Баку, 1987.
85. **Стеклов А.** Армия мусаватского Азербайджана. — Баку, 1928.
86. **Стельник Б.Я.** Буржуазия Азербайджана и I Государственная Дума // Социально-экономические и политические предпосылки социалистической революции в Азербайджане. — Баку, 1983.
87. **Токаржевский Е.А.** Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. — Баку, 1957.
88. **Файгл Э.** Правда о терроре. Армянский терроризм — истоки и причины. — Баку, 2000.

89. **Фурман Д., Абасов А.** Азербайджанская революция // Азербайджан и Россия: общества и государства. — М., 2001.
90. **Хрох М.** От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. — М., 2002.
91. **Цуциев А.А.** Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). — М., 2006.
92. **Чирагаде И., Бабаева С.** Март 1918-го: забытая трагедия // Азербайджан. — 1994. — 2 апреля.
93. **Штейн Б.Е.** Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). — М., 1949.
94. **Юнусов А.** Ислам в Азербайджане. — Баку, 2004.
95. **Юсифзаде С.З.** Первая Азербайджанская Республика: история, события, факты англо-азербайджанских отношений. — Баку, 1998.

1. **Allen W.E.D., Muratov P.P.** Caucasian battlefields. A history of the wars on the Turco-Caucasian border 1828–1921. — Cambridge, 1953.
2. **Alstadt A.L.** The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. — Stanford, 1992.
3. **Kazemzadeh F.** The Struggle for Transcaucasus (1917–1921). — N.Y., 1951.
4. **Suny R.G.** The Baku Commune, 1917–1918. Class and Nationality in the Russian Revolution. — Princeton, 1972.
5. **Swietochowski T.** Russian Azerbaijan. 1905–1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community. — N.Y., 1985.
6. **Swietochowski T.** Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. — N.Y., 1995.
7. **The Baltic and Caucasian States.** Ed. By J. Buchan. — London, 1923.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. **Мамед-оглы Аскеров-Кенгерлинский.** Трагедия Азербайджана // <http://karabakh-doc.azerall.info/ru/azerpeople/ap063.htm>
2. **Топчибашев А.** Письма из Парижа // <http://karabakh-doc.azerall.info/ru/azerpeople/ap060-1.php>
3. **Дарабади П.** Геополитическое соперничество на Кавказе в начале XX века (геоисторический очерк) // http://www.ca-c.org/c-g/2006/journal_rus/c-g-1/18.darabadiru.shtml

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. В борьбе за автономию	9
В поисках национального самосознания	11
Зима и весна 1917 года в политической жизни мусульман Закавказья	21
В рядах всероссийского мусульманского движения летом 1917 года	29
Рядом с национальной автономией	43
Примечания	51
Глава вторая. На пути обретения независимости	53
Эхо Октября в Закавказье	55
Иллюзия кавказской взаимности	69
Независимость на турецких штыках	83
Примечания	97
Глава третья. Краткий миг свободы	99
В заложниках большой геополитики	101
Вооруженные силы Азербайджанской Республики	131
Республика под «благотворными лучами с берегов Темзы»	145
Азербайджанский государственный идеал	157
Примечания	188

Глава четвертая. Советизация Азербайджана:	
быстро и безболезненно	191
Намерения Советской России	193
Азербайджанский вопрос: силовое решение	201
Примечания	208
Заключение	209
Приложения	223
Приложение 1. Состав правительств Азербайджанской Демократической Республики	225
Приложение 2. Декларация независимости	229
Приложение 3. Положение об организации Азербайджанского Парламента	233
Библиографический список	237
Источники	237
Литература	241
Интернет-ресурсы	248

Серия «Евровосток»

Михаил Волхонский,
Вадим Муханов

По следам Азербайджанской Демократической
Республики

Ответственный за выпуск	Т. Рапопорт
Художественный редактор	С. Захаров
Технический редактор	А. Монахов
Корректоры	О. Кандидатова, В. Кинша
Обложка	дизайн-студия GARUSS
Верстка	О. Павловский, Е. Романова

Подписано в печать 18.04.2007.

Формат 60×84 1/16

Гарнитура NewtonС.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14.88.

Тираж 1000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1
тел. 745-52-25, факс 725-78-67
e-mail: info@europublish.ru
www.europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в «Типографии Момент»